Р3 1/168

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
№ ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА" I

Р 1168

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ, СТАТЕЙ и ВОСПОМИНАНИЙ

МОСКВА
1926

В Р

ТЗ 1/168

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО-
ПОСЕЛЕНЦЕВ

1825 — 1925

100-ЛЕТИЕ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН
И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО РОССИИ

КНИГА XIII

МОСКВА

ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

В РОССИИ

В НАЧАЛЕ XIX СТОЛЕТИЯ

СБОРНИК

МАТЕРИАЛОВ, СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ

1579/1

1926

Госуд. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 52419
19-IV-1926.
БИБЛИОТЕКА

Москва. Главлит № 55.056. 4.500 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Содержание.

Стр.

В. Петров. «Тайное общество», открытое в Астрахани в 1822 году . . 9
Б. Кубалов. А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов 32
М. Муравьев. Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты 68
И. Звавич. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством 88
М. Муравьев. Декабрист Артамон Захарович Муравьев. 103
В. Ганцова-Берникова. Крестьянские волнения 1826 года. (По материалам военно-исторической секции и Центрархива) 129
С. Чернов. Жены декабристов в Благодатске 151
Л. Залкинд. Из жизни декабристов братьев Бестужевых в г. Селенгинске Забайкальской области 172
М. Давыдов. Воспоминания о М. А. Бестужеве и его семье 176
М. Брызгалова. Встречи с декабристами.
1. Петр Николаевич Свистунов 179
2. Матвей Иванович Муравьев-Апостол 180
3. Дмитрий Иринархович Завалишин 182
4. Иван Александрович Анненков. 183

Л. Г. Гофман. Декабристы и Достоевский 192
М. Цявловский. Письма декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому 199

Именной указатель 209

В. Петров.

„Тайное общество“, открытое в Астрахани в 1822 году[1]).

1 августа 1822 года дан был рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел о закрытии масонских и всех вообще тайных обществ и о взятии со всех военных и гражданских чиновников подписки о непринадлежности к таковым. Необходимость закрытия подтверждалась примером других государств, где тайные общества, возникшие для целей благотворительности, «занимаясь сокровенно предметами политическими, обратились ко вреду спокойствия государств» [2]).

---

[1]) Статьи В. Петрова «Тайное общество, открытое в Астрахани в 1822 г.», и Б. Кубалова «А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов» посвящены исследованию на основании различных материалов одного и того же дела,—дела о заговоре, обнаруженном в Астрахани в 1822 г., и дают совершенно различную оценку как самого этого дела, так и личности руководителя его, А. Л. Кучевского. Считаясь с почти полным отсутствием в нашей исторической литературе сведений об этом деле, редакция находит возможным дать место обоим этим статьям, несмотря на противоречивость их выводов. *Ред.*

[2]) Полн. Собр. Зак., т. 38, № 29.151; «Рус. Старина» 1877, т. XVIII. с. 455. Сведения о деятельности тайных обществ в России стали известны правительству еще в 1821 году из составленной А. Х. Бенкендорфом записки («Р. Архив», 1875, кн. 3, с. 423). Еще ранее Семеновская история внушила Александру I мысль о большом значении и могуществе тайных обществ («Р. Архив», 1875, кн. 3, с. 417, «Записки И. Д. Якушкина», М. 1905, стр. 63). Мнение о связи масонов с тайными обществами, традиционное еще со времени преследования Новикова, получило особенное подтверждение после открытия деятельности иллюминатов в Баварии. В составленной в 1811 году Ростопчиным записке прямо говорится, что масоны «поставили своей целью произвести революцию, чтобы играть в ней видную роль, подобно негодяям, которые погубили Францию» («Р. Архив», 1875 г. кн. 3, с. 75). В 1821 году Александру I представлена была докладная записка одним из видных деятелей масонства, сенатором Е. А. Кушелевым, с 1821 года состоявшим во главе ложи «Астрея». Указывая, что в Европе от многих сект и обществ возникли вольнодумство, революции и мятежи, и что в современном русском масонстве развился дух своеволия, буйства и безначалия и утратились первоначальные цели масонства, Кушелев советовал или закрыть ложи, или же преобразовать их по старому масонскому порядку («Р. Ст.», 1877, т. 18, с. 455).

Не прошло и четырех месяцев со времени распубликования указа, как в Петербурге были получены тревожные сведения об обнаружении тайного общества в Астрахани [1]).

29 ноября 1822 г. астраханский комендант ген.-майор Зворыкин секретным рапортом на имя дежурного генерала главного штаба его императорского величества, генерала-ад'ютанта А. А. Закревского, доносил, что по его приказанию арестован майор Астраханского гарнизонного полка Кучевский, обвиняющийся в собирании тайного братского общества, «в противность высочайшей воле, в первый день августа в рескрипте на имя управляющего министерством внутренних дел изображенной». Арест произведен был по доносу на Кучевского рядового того же полка Львова, при чем найденные при аресте бумаги и вещи подтвердили справедливость обвинения. На рапорт последовало секретное повеление о предании суду арестованного майора Кучевского под наблюдением Зворыкина [2]).

---

[1]) Первоначальные данные об обнаруженном в Астрахани тайном обществе получены нами из хранящегося в Российской публичной библиотеке дела «о майоре Кучевском и бригадном писаре Пружковском, обвинявшихся в собрании тайного непозволительного общества», представляющего собою переписку астраханского губернского прокурора о привлеченных по этому делу лицах гражданского ведомства (ркп Р. П. Б. Г. IV, № 63). Подлинное дело хранится в архиве аудиториатского департамента во II отделении Юридической Секции ЕГАФ. Дело состоит из 6 основных частей и 4 частей приложений. Существовавшей еще одной частью, содержащей высочайшее повеление по делу, к сожалению, нам не удалось воспользоваться, так как еще в середине XIX в. она была затребована департаментом военных поселений военного министерства и в делах последнего утрачена. Доклад аудиториатского департамента в копии использован нами по рукописи б. сенатского архива (Книга именных высочайших указов и повелений, № 442); кроме того в «Журнале высочайших повелений» аудиториатского департамента записано последовавшее после конфирмации доклада повеление по делу Кучевского. За сообщение всех этих материалов приношу глубокую благодарность зав. отделом II отделения Юридической Секции В. И. Нечаеву. Сведения об этом деле в печатных источниках очень незначительны и отрывочны. О Кучевском упоминают в своих воспоминаниях декабристы Завалишин и Басаргин, а также Колесников. Кроме того, о нем говорится в статье М. М. Попова «Конец и последствие бунта 14 декабря 1825 г.» в сборнике «О минувшем», Спб. 1909 г. стр. 110—121, и в статье Б. Николаевского «Новое о прошлом», «Былое» № 15, стр. 159.

[2]) «Военно-судное дело о заводимом Астраханского гарнизонного полка майором Кучевским зловредном обществе» из архива аудиториатского департамента, II отделение Юридической Секции ЕГАФ ч. VI, л. I и оборот. В дальнейшем будем цитировать просто часть и лист. Одновременно Зворыкин донес лично императору, а на следующий день командующему отдельным Кавказским корпусом А. П. Ермолову, которому гор. Астрахань был подчинен в военном отношении (там же, л. 17). Еще ранее, 26 ноября, о том же был подан рапорт командиру отдельного корпуса внутренней стражи гр. Комаровскому командиром гарнизонного Астраханского полка полковником Максимовичем (ч. I, л. I). Все

Первоначальное следствие, закончившееся к 20 декабря 1822 г., представило дело в таком виде. 9 ноября 1822 г. писарь гарнизонного полка Пружковский сообщил рядовому Львову о существовании избранного общества, которое «состоит из нескольких миллионов простых народов и многих тысяч знатных членов и единственно для того, чтобы российским людям дать свободу и прекратить рабство, дабы ни царей, ни господ не было». Общество находится на Оренбургской линии и располагает войском, «составленным из миллионов и готовым со всем оружием к таковому предприятию». Пружковский привел затем Львова к майору того же полка Кучевскому, который сообщил, что цель общества—«дать свободу и царя от престола отвлечь»; содействие обществу должно было выразиться в добывании необходимых ему средств. Желая разузнать, что будет далее, чтобы иметь возможность вернее донести начальству, Львов обещал вступить в общество и набрать еще людей. Действительно, через несколько дней он подговорил явиться к Кучевскому под видом желающего вступить в общество еще рекрута Одуевцева. В то же время обо всем слышанном он дал знать аудитору полка Месникову. В один из последующих дней Пружковский открыл Львову, по его словам, еще одну тайну: «что Христос был тот же человек, как и мы, и состоял в таком же обществе, которое они ныне возобновили. Имел ученейших друзей 12, наименовав учениками; хотел весь мир сделать так, чтобы ни царей, ни князей, ни господ, ни рабства не было, а чтобы все были единобратцы; но как один из его друзей изменил, то он и не успел всего окончить, народы же в память таковых несравненных подвигов приняли намерение разгласить, что он воскрес и вознесся на небо». Вступление Львова в общество сопровождалось взятием подписки и присягой, о которых он сообщал так: «взята с меня подписка и по оной дана мною присяга пред обнаженною шпагою, лежащею на столе, я же, стоя на коленях, согласно подписки во уверение моего приобщения и чтобы делать все то, что будет приказано, целовал лезвие ее и остроту конца ставил против сердца моего». Кучевский на полях надписал: «Ричард Оскар Великий Александр за все мои деятельности, дающие обществу пользу, жалует капитаном гвардии и графом с переименованием вместо Петра Львова Лев Семибратский». К подписке была приложена печать и Пружковский подписался: «контрассигновал генерал советник и контролер Карл Маврициий Талейран» (последние слова написаны были по-латыни). Кроме Одуевцева Львов привлек еще писаря Гусева и его работника, царицынского мещанина Михеева. Принимая

местные губернские батальоны и полки, переименованные с 1815 г. в гарнизонные, входили в состав внутренней стражи, с 1816 г. называвшейся отдельным корпусом внутренней стражи. («Столетие военного министерства», т. I, Спб. 1902 г., стр. 245; об устройстве центрального военного управления по учреждению 1815 г. см. там же, стр. 218 и сл.).

их, Кучевский предупреждал, что за измену они ответят смертью. При дальнейших посещениях Кучевский сообщил, что войско общества состоит из 12 когорт, кроме гвардии, кавалерии и артиллерии, в каждой из когорт 700 человек воинов, и что существуют еще 12 обществ, которые находятся в постоянных друг с другом сношениях. Говоря о дальнейших планах, Кучевский предлагал доставлять ему вещи золотые и серебряные, переливая их в слитки, которые потом будут перелиты на деньги, а также книги, оружие, ландкарты, порох и материи в кусках, а не шитыми вещами. Через несколько дней, по его словам, должен быть разорен тюремный замок и распущены все преступники, когда в карауле будет стоять офицер его общества. Чтобы уверить Кучевского в действительном желании ему помочь, Львов сообщил ему о якобы произведенном им грабеже, а затем принес ему на 500 руб. ассигнаций, заранее записанных и переданных ему через аудитора Месникова командиром гарнизонного полка, для лучшего уличения Кучевского. Деньги, действительно, найдены были у Кучевского при аресте, произведенном 18 ноября 1822 г. [1]). Кроме Львова к участию в обществе Пружковский приглашал еще дворового человека титулярной советницы Агабабовой Василия Ерахтина, портного по профессии; при посещении им Кучевского последний спрашивал, желает ли он быть свободным. В ответ на то, что господин обещал выпустить его на волю, Пружковский сказал, что господин только льстит, а здесь скорее получишь вольность и будешь жить как только тебе угодно. При этом Кучевский грозил смертью в случае измены. Ерахтин после этого больше к нему не ходил [2]). Другие лица, привлеченные через Львова, немного добавили к показаниям последнего. Эти показания отчасти подтверждены были аудиторами полка Месниковым и Трофимовым, которые несколько раз ходили подслушивать к дому Кучевского и слышали, как он говорил о готовом к выступлению войске [3]). Вызванный к допросу гарнизонный писарь Осип Пружковский показал, что познакомился он с Кучевским в августе 1822 г., носил читать ему собственные свои книги и развлекал разговорами. Во время посещений часто заставал его пишущим. Недели за две или за три до ареста Кучевский предложил ему, угрожая пистолетом, подписать какой-то лист, содержание которого он не упомнил, назвал его своим Талейраном и сказал, что войско и снаряды готовы: «моя рука возьмет за меч, а твоя за перо и мы победим всю Индию»; обещал устроить в будущем брак их детей и увещевал доставать необходимые для предприятия деньги.

Далее он признался, что приглашал в общество Львова, однако о Христе и об от'езде на Оренбургскую линию не говорил. Последние дни он много пил, чувствовал себя больным и подробностей со-

---

[1]) Ч. I, лл. 8—14, показания Львова.
[2]) Там же, л. 22.
[3]) Там же, л. 48.

общить не может [1]). При аресте Кучевского найдены были печати с надписью «подпора—необходима» и с литерами А. К. О. П. Кроме того, карты и бумаги, среди которых внимание следственной комиссии обратили на себя записка, озаглавленная «Двойственный союз вечный непоколебимый Талейрана и Александра Свободы (Рычарда)», состоящий из 11 пунктов, другая записка о правах и преимуществах правителя, письмо Пружковского к Кучевскому, подписанное вымышленным именем; наконец, в кармане его сюртука найдена была записка, написанная находившимся под стражей сотником Ивановым, в которой этот последний просил о присылке ему дрожек [2]). Кучевский решительно опровергал все взведенные

---

[1]) Ч. I, *лл.* 35—40.
[2]) Там же, *лл.* 1 и 48.

Приводим текст этих двух записок:

«Двойственный союз вечный непоколебимый Талейрана и Александра Свободы (Рычарда).

1. Ничто так не извинительно, как употреблять все меры для получения свободы.

2. Как бы оные меры ни были жестоки, но они по существу своему и цели не менее должны быть святы и достойны исполнения.

3. Знак сего союза вечного означается красной лентой, ввязанной в петлицу жилета, которую не должно снять и при смерти.

4. Дети того и другого из вышеописанных имеют равную линию—Василий и Александр.

5. По двойственному союзу сему отцовых детей назначаются правителями равными между собой. В случае же их смерти заступают сие достоинство первые по линии—Николай и Елизавета и так далее.

6. Обе фамилии (А. К. О. П.) имеют равную силу достоинства и права.

7. До возраста Василия и Александра отцы их Талейран и Рычард—опекуны и единство в правлении.

8. Общество за заслуги Рычарда должно принять священным сие душевное вечное, непоколебимое обязательство и повиноваться обоим на равно единого; а поступающему ныне равенство и единство Талейрану упрочить и увековечить сие право для детей сильными и решительными заслугами дабы оправдать ст. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

9. Здесь на месте по силе 1 и 2 ст. сего священного конкордата производить немедленно усилие капитала в звонкой монете и ассигнациях, вещах, картах (ландкартах), книгах и числе людей.

10. Ежели исполнит сие Талейран, то получит имя (и дети его навсегда в роды родов) священного возобновителя в великом товарище чрезвычайного государственного опекуна на ровне с первыми и дети суть залог.

11. Исполнение будет доказательством с обеих сторон и вечным узлом пользы двух фамилий в детей».

Другая записка гласила:

«Особа правителя священна и во всякое время всегда, везде, и во всех обстоятельствах права, законодательному корпусу неподсудим. Имеет первенство, утверждает постановления, может соглашаться и не соглашаться с мыслею и волею законодательного сословия или корпуса. Правитель есть всесовершенный начальник всех войск, генералиссимус и распорядитель действий во всякое время и во всех обстоятельствах не-

на него обвинения. Подтверждая слова Пружковского о том, что он часто заставал Кучевского пишущим, он говорил: «не есть преступление записывать, что вижу; иначе не было бы ни одного и нигде ни писателя, ни историка, одним словом ни одного ученого». Ничего вредного он не писал, а взятые у него на квартире записки были, по его словам, лишь темами для героического романа или сказки. К мысли о написании его пришел, читая всеобщую историю аббата Милота. По рекомендации Львова должен был притти к нему в услужение один человек; и т. к. он был без паспорта, то Кучевский в залог потребовал 500 руб., которые и получил через Львова [1]). По приложенному в деле формулярному списку значится, что Кучевский 35 лет от роду, с 1801 г. находится на военной службе; участвовал в кампаниях в Пруссии и Финляндии, был в плену у шведов, а затем служил во 2 Оренбургском гарнизонном батальоне, в Азовском пехотном полку и затем в 4 Оренб. г. б., откуда перешел в Астрахань, имеет жену и 2-х детей. Пружковский, из семинаристов Сергиевой лавры, поступил на военную службу в 1808 г.; по знанию наук назначен из военной коллегии учителем в Астраханское военное сиротское отделение; «российской грамоте и латинской читать и писать умеет и знает российскую словесность и арифметику». В 1808 г. был наказан плетьми за то, что ложно назвался при найме на должность приказчика астраханским купцом Лебедевым. В 1819 г. за грубость против смотрителя отделения и неприличные учительскому званию поступки лишен этого звания. Имеет жену и 3-х детей. Львов ложно назвался дворовым человеком ген.-м. Попова, а после уроженцем города Вологды, а о звании не помнит; был наказан за бродяжничество [2]).

По окончании первоначального следствия Кучевский подал рапорт с возмущением против оскорбительного обращения с ним и просил довести это до сведения государя [3]).

Несмотря на явную мистификацию, обнаруженную в деле, сообщение о результатах следствия произвело впечатление в Петербурге. Это станет вполне понятным, если вспомним, что после Семеновской истории и разоблачения деятельности тайных обществ в записке А. Х. Бенкендорфа, представленной в 1821 году, Александр I находился в постоянном опасении тайных обществ, могущество и силу которых сильно преувеличивал, чему значительно способствовало усердие полиции, чуть ли не ежедневно представлявшей

пременно. Правитель есть в мирное и военное время генералиссимус пехотных войск и генерал-адмирал морских сил. Ему принадлежит набор и роспуск войск, умножение и уменьшение, производство наград и наказаний».

[1]) Там же, лл. 67—69 об.
[2]) Там же, лл. 96—101.
[3]) Ч. I, л. 127.

доносы на разных лиц [1]). Представленное через командира отдельного корпуса внутренней стражи начальнику главного штаба в начале января 1823 г., дело было передано Александру I и находилось у него еще в марте месяце [2]). Главный доносчик рядовой Львов, затребованный вместе с делом в Петербург, получил высочайшую благодарность и награду в сумме ста рублей. Дело было назначено к производству в аудиториатском департаменте [3]). Особенно встревожило сообщение о связи Кучевского с Оренбургской линией. Известно, что эта окраина Европейской России вообще внушала серьезные опасения. Не вполне изгладилось еще впечатление от восстания уральских казаков; самый состав поселенных на линии войск был ненадежен. Недавно происходившие волнения в южно-русских военных поселениях заставляли относиться с большой тревогой к известиям о неспокойном состоянии этого края. 25 марта исправляющий должность начальника главного штаба ген.-ад. И. И. Дибич обратился к командующему отдельным Оренбургским корпусом П. К. Эссену с таким предписанием: «Государь император повелеть соизволил составленную выписку о деле препроводить к вашему превосходительству, чтобы употребили старание к открытию под рукою, не было ли составляемо какого-либо тайного общества или чего подобного оному и на Оренбургской линии, к коему намерен был следовать майор Кучевский» [4]).

В своем ответе от 15 августа 1823 г. генерал Эссен сообщал, что для расследования дела назначен был обер-аудитор Терентьев, который произвел обыск в доме Кучевского на Оренбургской линии. Изложив содержание найденных там бумаг, он добавлял: «Что же касается до Оренбургской линии, то здесь сохраняется совершенная тишина и спокойствие, все поселенные войска и обыватели разных

---

[1]) По словам Вигеля, петербургский ген.-губернатор Милорадович «чуть ли не каждый вечер представлял государю целые тетради доносов, по большей части неосновательных» (Воспоминания Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, стр. 5. М. 1865); то же повторяет в своих записках и Якушкин: «С этих пор император находился в каком-то особенном опасении тайных обществ в России. К нему беспрестанно привозили бумаги, захваченные у лиц, подозреваемых полицией. И странно, что в этом случае не попался ни один из действительных членов. Это самое еще больше смущало императора. Он был уверен, что устрашающее его тайное общество было чрезвычайно сильно» (Записки И. Д. Якушкина, стр. 63., М. 1905).

[2]) Ч. III. л. 21; ч. VI л. 14.

[3]) Ч. III. л. 25; ч. VI л. 32 и л. 5. Аудиториатский департамент, заменивший существовавший до 1812 г. генерал-аудиториат, являлся высшей военно-судебной инстанцией. На его обязанности лежала ревизия военно-судных дел, производимых в комиссиях при полках и ордонанс-гаузах (комендантских управлениях), иногда указания об учреждении таких комиссий, наблюдение за правильным производством дела, а также сношения по приведению в исполнение высочайших конфирмаций. В 1816 г. аудиториатский департамент был подчинен дежурному генералу штаба е. и. в., а через него—начальнику главного штаба. («Столетие Военного Министерства», т. XII, кн. I, ч. II, стр. 13 и 22).

[4]) Ч. VI, л. 46.

сословий занимаются трудами по хозяйству и земледелию, а войска на полевом положении—службою, от коих нельзя ожидать никаких беспокойств, вредных общему порядку, ибо там и жизнь ведут совсем удаленную от роскоши и заблуждения умов неосновательных людей». Из отобранных бумаг особенно подозрительным показалось письмо из Грузии некоего Прохорова, в котором этот последний спрашивал Кучевского о том, хорошо ли он строит свой замок. О Прохорове был сделан специальный запрос командующему войсками в Грузии ген.-л. Вельяминову I, на который он сообщил секретным рапортом от 12 ноября 1823 г., что Иван Прохоров еще в 1821 г. выслан в Россию [1]). Все эти подробности дела Кучевского, несомненно, могли дать основание на-ряду с другими фактами для представления о крайне широком распространении тайных обществ в войсках. Особенно ярко это представление выразилось в записке Александра I, составленной около 1824 г.: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия и либерализма разлит или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками, что в обеих армиях равно и отдельных корпусах есть по разным местам тайные общества и клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии» [2]). Из отдельных корпусов наибольшее опасение вызывал Кавказский корпус, находившийся под командою А. П. Ермолова. В конце упомянутой выше записки Ермолов назван в числе лиц, замешанных в заговоре. После события 14 декабря это подозрение временно получило подтверждение в показаниях некоторых декабристов о существовавшем якобы на Кавказе тайном обществе [3]). Наконец, были слухи о тайных обществах на Дону [4]). В конце апреля дело было возвращено в Астрахань с предписанием учредить военно-

---

[1]) Ч. IV. лл. 447—449 и 475.

[2]) «Русская Старина», 1883 г., т. XI, стр. 659. Все вооруженные силы империи делились на две армии и отдельные корпуса. В рассматриваемую эпоху существовало 5 отдельных корпусов: Гвардейский, Финляндский, Оренбургский, Кавказский (до 1826 г.—Грузинский) и Сибирский. («Столетие Военного Министерства», т. I. Спб., 1902, стр. 420).

[3]) О доносах на Ермолова после декабрьских событий см. Шильдер, Н. К. «Император Николай I», т. I, стр. 423. О тайном обществе в Кавказском корпусе (как позже выяснилось, эти сведения была плодом фантазии Якубовича) сообщает С. Волконский в своих записках («Записки С. Волконского», Спб. 1901, стр. 414—416); см. Довнар-Запольский, М. В. «Тайное общество декабристов». М. 1906 (стр. 117). В делах следственной комиссии сохранилось особое «дело о существовании тайных обществ в отдельном Кавказском корпусе» (Щеголев, П. Е. «Исторические этюды», стр. 278).

Еще в марте 1826 г. арест в Ростове-на-Дону служившего раньше в Грузии Вас. Сухачева, обвинявшегося в принадлежности к тайным об-вам, снова возбудил вопрос о тайных обществах на Кавказе. О деле Сухачева см. ст. Ю. Г. Оксмана в журн. «Былое», 1923, № 21, стр. 49—56: «Одесские волнодумцы пушкинской поры».

[4]) Записки Д. И. Завалишина. Спб. 1906, ч. I, с. 108.

судную комиссию при местном ордонанс-гаузе (комендантском управлении). Эта комиссия открылась 13 июня 1823 г. под председательством подполковника гарнизонного полка Кульмана 2-го. Перед началом суда главный доносчик рядовой Львов сознался, что он в действительности был вовсе не Львовым, а Андреем Рыковом, происходившим из солдатских детей; он работал в качестве писаря в С.-Петербургском военно-сухопутном госпитале, откуда и бежал в 1818 г. [1]). Судебное разбирательство в комиссии при Астраханском ордонанс-гаузе продолжалось до конца 1824 г. Причиной такой медленности было то, что Кучевский на первом же заседании суда заявил, что подозревает судей, назначенных тем же самым полковым начальством, которое марает его честь и заслугу. Только в мае 1824 г., после неоднократных сношений с аудиториатским департаментом, доказана была неосновательность подозрений Кучевского, и комиссия могла приступить к производству дела. Прежде всего она подвергла строгому рассмотрению первоначальное следствие, произведенное в 1822 г. и казавшееся подозрительным вследствие удивительного сходства в показаниях свидетелей. Действительно, обнаружилось, что следователями допущен был целый ряд неправильностей: свидетели составляли показания вне присутствия, очные ставки происходили без соблюдения законного порядка и т. д. 24 декабря 1824 г. составлена была записка на основании ответов Кучевского, в которых он обвинял полковника Максимовича в злонамеренных целях, в желании подкупить Кучевского, когда последний состоял ассесором в военно-судной комиссии, в которой слушалось дело брата полковника Максимовича. Потерпев в этом неудачу, он решил устранить Кучевского путем клеветы. Еще не было закончено производство дела в комиссии, когда по высочайшему повелению от 16 января 1825 г. начальник штаба е. и. в. потребовал отправить дело в Петербург. В подробном рапорте астраханский комендант ген.-м. Зворыкин, отправляя дело, подчеркивал, что дело, как основанное не на чистых источниках, не имеет законного характера; оно есть выдумка порочных людей, не заслуживающих доверия. В заключение он предлагал наградить аудиторов за обнаружение неправильностей в первоначальном следствии [2]). К началу апреля подсудимые доставлены были в Петербург, где по высочайшему повелению учреждена была комиссия при гвардейском корпусе под председательством командира Преображенского полка Исленьева и при участии обер-аудитора Терлецкого [3]). Еще до открытия комиссии

---

[1]) Ч. III, л.л. 37—38 об.

[2]) Ч. III. «Производство суда над майором Кучевским в комиссии военного суда, бывшей при Астраханском ордонанс-гаузе»; рапорт Зворыкина, ч. IV, лл. 5—12.

[3]) Ч. IV л. 71—71 об. Исленьев, Н. А. с 1822 г. по 1833 г. состоял командиром л-гв. Преображенского полка; Терлецкий в 1820 г. был назначен в военно-судную комиссию, учрежденную по поводу Семеновской

в Петербург доставлены были новые сведения о тайном обществе Кучевского совершенно из других источников. В марте 1825 г. граф Аракчеев препроводил начальнику главного штаба просьбу сосланного на работы в Пермские горные заводы крестьянина Льва Горчакова, в которой он сообщал, что во время пребывания в Курской тюрьме содержавшийся в ней рядовой Одуевцев подговаривал его и еще другого заключенного Драчева к побегу и приглашал присоединиться к тайному обществу, составляемому в Астрахани и Зачерноморье. (О бегстве Одуевцева, поимке его в Курске и распространении им слухов о тайном обществе еще 30 апреля 1824 г. сообщал комиссии при Астраханском ордонанс-гаузе курский гражданский губернатор Кожухов). Разбору этих данных было посвящено несколько заседаний комиссии. На допросе Горчаков сообщил такие подробности. Встретившийся с ним в Курске Одуевцев рассказал, что бежал он из Сибири в Астрахань и Зачерноморье, где собирали людей и составляли войско для покушения на жизнь государя. Всего было набрано уже около 20 тысяч человек; с целью увеличить войско по всей России разосланы 50 человек, одним из которых и являлся Одуевцев. Однодворец Драчев подтвердил в общем это показание, при чем прибавил, что Одуевцев указывал на Кучевского, как на основателя общества, и бранил Рыкова, выдавшего его начальству. Вызванный к допросу Одуевцев, упорно отрицая свое намерение привлечь новых лиц к обществу, признался, что целью его побега из Астрахани было открыть те четыре тайных общества, о которых слышал он от Кучевского. В Астрахани не остался из опасения пострадать за содействие Рыкову, так как все члены комиссии явно были на стороне Кучевского. Во время своего побега всюду старался разузнать, не существует ли где братское общество. Курскому губернатору показал, что побег совершил из-за ссоры с Рыковым. Драчеву сообщил, что целью общества является уничтожение престола, прав помещиков, дворянства и всех чинов, что доказывал Кучевский учением Иисуса Христа, не признававшего властей и увещевавшего быть всем как братья. На это Драчев признался, что в Курской губернии нашлось бы много охотников на вступление в братское общество. Таковы были те различные слухи, которые возникли в связи с делом Кучевского. При всей их фантастичности они характерны для той эпохи, когда напуганное призраком революции общество готово было с доверием отнестись ко всякому подобному сообщению [1]).

Вернемся, однако, к рассмотрению результатов судебного разбирательства над главными подсудимыми. Разбор дела «о заводимом майором Кучевским тайном братском обществе» с первых же засе-

---

истории под председательством ген.-ад. В. В. Левашева; после столкновения с ним был заменен обер-аудитором Бельским. «Русский Архив». 1875 г., кн. III, стр. 421.

[1]) Ч. IV, лл. 103—106, 127—143.

даний комиссии увенчался неожиданным успехом. Пружковский дал совершенно новые показания, которые были подтверждены Кучевским в их основной части. Дело предстало перед судом в таком виде: Кучевский прибыл в Астрахань в последних числах июля. Вскоре после назначения ассесором в военно-судную комиссию, учрежденную над чиновниками Каспийской флотилии за вывоз медной монеты за границу, он сблизился с Пружковским. Последний приносил Кучевскому книги, лично приобретенные в Астраханской духовной семинарии и у астраханских купцов. Во время одного из посещений Кучевский предложил Пружковскому вступить в члены Оренбургской ложи масонского общества, при чем первоначально указал, что во главе масонов стоит сам государь император. При вступлении требовался взнос в сумме 50 руб. (а с богатых 500 руб.), который Кучевский обещал уплатить за Пружковского из личных средств. В числе членов Оренбургской ложи он называл полковника башкирского полка Беккера и отставного полковника Самарина. Пружковского он записал 112-м членом и обещал, было, место в верховном совете, состоявшем из 12 человек. Сам Кучевский занимал должность военачальника. Тайной целью Оренбургского общества было при помощи своих членов среди офицеров и нижних чинов отдельных полков, оставя линию, при пособии башкирских войск пройти степью, напасть на Хиву, Бухару, земли независимых татарских поколений, а в случае успеха — на Индию и, покорив те земли, установить там независимую республику. С Пружковского была взята Кучевским подписка в том, что он употребит все средства к уничтожению оков рабства и тиранства [1]).

---

[1]) Ч. IV, л. 111 и сл. В первоначальном своем показании Пружковский называл эту подписку второй; первая была дана еще до сообщения целей общества и была такого содержания: «Даю сию подписку на основании трех главных добродетелей Веры, Надежды и Любви исполнять все правила общества»; ко второй подписке Кучевский принудил его силой. Подробное содержание присяги Пружковский сообщил в одном из последующих показаний; там же, л. 563.

Приводим показание Пружковского о содержании присяги:

«Лета тысяча восемьсот 22, месяца и дня не упомню, я, нижеподписавшийся, во имя всесвятой и нераздельной троицы, даю сию подписку Оренбургского масонского братского общества 4 отделению друзьям человечества в том, что я должен, как член, действовать по назначенной им цели к истреблению тиранства, на троне российском сидящего, и употреблять все средства и меры к споспешествованию сего великого дела, предположенного друзьями человечества для блага народов. Тайну сию хранить должен и тогда, ежели бы кто-нибудь из сочленов, сделавшись изменником сему обществу, вздумал открыть оную и чтобы никакие обольщения, никакие угрозы, никакие пытки не могли исторгнуть признание, даже и самая смерть. Изменников общества стараться истреблять».

В присяге упоминается также спаситель Иисус Христос, «который пострадал за любовь к человеческому роду и на учении которого основано общество друзей человечества.

Кучевский поручил Пружковскому добывать необходимые для общества средства, а также приискивать людей, которых честное имя и жизнь ничего не стоит, именно беглых, беспаспортных, преследуемых правительством. Их скорее можно уговорить вступить в общество, при чем, если бы они вздумали донести, то доносу их не поверят. Чтобы привлечь их, нужно лгать возможно больше относительно выгод общества — уничтожить оковы рабства; при этом сообщать не сразу, чтобы они сами дополняли мечты о вольности и свободе и таким образом запутали бы свое показание. По словам Пружковского, он считал весь рассказ Кучевского об обществе вымыслом; на самом деле Кучевский хотел основать шайку грабителей. После получения в Астрахани предписания о закрытии тайных обществ Пружковский сообщил об этом Кучевскому, думая, что этим от него отделается. Однако Кучевский возразил, что это политика знатных людей, а общество от этого не может рушиться, и, чтобы больше связать с собой Пружковского, составил те одиннадцать пунктов, которые были найдены у него при обыске. В одном из разговоров Кучевский хвалил предприимчивых людей и Пугачева называл героем; в Астрахань он перешел с целью основать общество, а во время службы на Оренбургской линии начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса ген. Веселицкий считал его республиканцем и потому не давал командования батальоном. Давая личную характеристику Кучевскому, Пружковский называл его безбожником, тонким хитрецом, способным обольстить каждого и умеющим показать себя добродетельным человеком. С целью выдать впоследствии Кучевского Пружковский решил, по его словам, собрать людей развращенного поведения, и после совершения грабежей уличить Кучевского, когда награбленные вещи будут собраны у него на квартире. Таким образом, он пригласил Ерахтина и Рыкова. Последний предупредил своим доносом Пружковского. Во время следствия и суда в Астрахани он не решился сделать признания, так как члены суда явно благоприятствовали Кучевскому. Кроме того, Пружковский признался, что на самом деле он крепостной дворовый человек жены отставного майора Воейкова, Осип Евстигнеев; учился в симбирском народном училище и Сергиевской лавре; в 1803 г. учинил побег и был пойман в Астрахани, где назвался Пружковским [1]).

Подтвердив в основных чертах показания Пружковского, Кучевский признался, что все рассказы об обществе были вымыслом, целью которого было раздобыть тысячи 2—3 денег, а затем выйти в отставку или подать прошение о переводе обратно в 4 линейный Оренбургский батальон. Мысль о всем этом пришла ему только в Астрахани, а перешел он сюда с тем, чтоб иметь случай пользоваться солеными ваннами. «Членом масонского общества никогда не был, знакомства с ними не имел и понятия о намерении масонов и цели сего общества

---

[1]) Ч. IV., л. 211.

не знает. К тайным обществам не принадлежал и есть ли таковые общества—не знает» [1]). На участие в обществе Беккера и Самарина указал лишь для того, чтобы лучше уверить Пружковского. Кроме последнего в общество Кучевским были приглашены еще сотники Астраханского казачьего войска Иванов и Бочкарев. Потребованные из Астрахани, где оба они находились под судом (Иванов по обвинению в лихоимстве, а Бочкарев за разрешение казаку брака от живой жены), они сообщили следующие подробности своих сношений с Кучевским. Сотник Иванов познакомился с ним в июле 1822 г., находясь уже под судом. Кучевский, будучи в том суде ассесором, оказывал ему некоторые услуги, между прочим, сообщал сведения о ходе дела, а у него брал заимообразно деньги. В одно из посещений Кучевского Иванов, находясь под влиянием выпитого вина, согласился дать подписку, содержащую оскорбление особы государя императора; говорилось в ней и о походе на Хиву и Бухару. Впоследствии он признал, что подписка эта аналогична той, которую дал Пружковский на имя масонского общества друзей человечества, находившегося в Оренбурге. По словам Иванова, Кучевский говорил, что целью масонства является благотворительность человечеству и соблюдение нравственности. При этом указывал, что среди его членов много знатных фамилий, которые могут оказать поддержку. Бочкарев был лишь один раз у Кучевского. Разговора у него не помнит; предлагалось ему дать подписку обществу и принять масонскую веру, на что он не согласился, после чего Кучевского ни разу более не видал. И Иванов и Бочкарев в дополнение к своим показаниям сообщили, что о закрытии масонских обществ они при разговоре с Кучевским не знали. Что касается до всех других показаний, то Кучевский подтвердил их в том виде, как они были даны при первом следствии. С целью проверить показания Кучевского о полном его незнакомстве с масонством, комиссия запросила сведения о числе масонов в Оренбургском крае. В комиссию была представлена выписка из донесения генерала Эссена в январе 1823 г.: «по собрании подписок с генералов, штаб-и обер-офицеров Оренбургского корпуса и чиновников Уральского войска о неприкосновенности к обществам оказались принадлежащими четверо» (один к ложе «Друзей правды», другой к ложе «Ключ к добродетели», третий к ложе «Трех светил великого провинциального союза» в Петербурге и четвертый к ложе «Астрея» в Симбирске) [2]). В виду этого комиссия нашла, что показания Кучевского соответствуют истине, и решила прекратить об этом дальнейшую переписку. Помимо обнаруженных на суде преступлений, Кучевский оказался виновным еще по своей прежней службе. В комиссию была представлена начальником штаба отдельного корпуса внутренней стражи выписка из военно-судного дела над бывшим командиром

---

[1]) Ч. IV л. 564.
[2]) Ч. IV лл. 583—585.

4 линейного Оренбургского батальона майором Сухановым и казначеем прапорщиком Плотниковым. По этому делу Кучевский оказался виновным в подговоре нижних чинов показывать претензии на Суханова, в подстрекательстве к обвинению его в оскорблении чести и умышленном показании и сношении с начальником главного штаба помимо местного начальства; в силу чего Кучевский был признан «подлежащим к всемерному лишению живота». В заседании комиссии от 11 марта 1826 г. решено было приступить к составлению выписки из дела и сентенции.

8 апреля в своей сентенции военно-судная комиссия признала виновными «Кучевского в намерении по нетрезвой жизни собрать шайку воров для краж и грабежей с допущением при таковых случаях всяких жестокостей, в оскорблении самодержавной власти суждениями своими и бранными подписками с приглашаемых им в общество, в разных обманах для обольщения своих жертв, в ябедничестве на командира Астраханского полка, полковника Максимовича, в ругательстве его, в неповиновении власти начальства и суда и в прелюбодеянии с астраханской мещанкой Авдотьей Вороновой; Пружковского — в содействии Кучевскому к основанию шайки разбойников, в богохульстве, в лжетолковании намерения бывшего пришествия в мир господа нашего Иисуса Христа и разных лживых показаниях перед судом для закрытия добровольного участия в намерениях майора Кучевского производить кражи и грабежи; Одуевцева — во втором побеге из службы с намерением вовсе укрыться от оной», в силу чего Кучевского присудили лишить чинов, дворянского достоинства и живота; Пружковскому прожечь язык накаленным железом и потом отсечь голову; Одуевцева наказать кнутом и сослать на вечные работы на галеры; Рыкова от суда освободить [1]). Дело было внесено на ревизию командиру гвардейского корпуса, генерал-от-кавалерии Воинову. «Мнение» последнего было представлено 10 октября 1826 г. Значительно смягчая наказания подсудимым, он заканчивал свое мнение следующим заключением: «А относительно изыскания о зловредных обществах, то хотя по удостоверению

---

[1]) Ч. V, лл. 194—195. До высочайшей конфирмации комиссия постановила оставить Кучевского и Евстигнеева в Петропавловской крепости, Рыкова отправить в сводный батальон, Одуевцева в С.-Петербургский ордонанс-гауз, а Горчакова, Драчева и Егорова (денщика Кучевского) в тюремный замок. Иванов и Бочкарев отправлены были в распоряжение астраханского коменданта Зворыкина, так как последний доносил, что они нужны для окончания начатых против них судебных процессов. В Петропавловской крепости все участники дела Кучевского находились со времени прибытия в Петербург. Только после декабрьских событий 12 января 1826 г. презус (председатель) комиссии об'явил, что по личным об'яснениям коменданта Петропавловской крепости «в рассуждении предстоящей надобности в казематах для содержания преступников по происшествию 14 декабря», Рыков и Одуевцев отправлены под особый присмотр, а Иванов и Бочкарев соединены вместе. Ч. IV л. 517.

генерала Эссена и не следовало бы сомневаться о несуществовании оных на Оренбургской линии и совершенной там тишине и спокойствии, но поелику обстоятельства дела и поступки Кучевского с соучастником его Пружковским по цели и намерению их оказываются близкими к злоумышленникам, открытым 14 декабря 1825 г., почему и навлекают некоторые подозрения в том, что не таится ли еще каких подобных злонамеренных отраслей частно или вообще на Оренбургской линии; к тому же и действия самого Кучевского при приеме в общество вышепоказанных людей подают причины мысли, что если он не был масоном, то по крайней мере знал об них, ибо имел некоторые понятия о правилах принятия в их общества, однако же он о принадлежности к оным не сознался, то я полагал бы, не ограничиваясь нынешним открытием, употребить еще секретное разыскание чрез нарочных веры заслуживающих чиновников, которым поручить ближайшее средство их отыскать чиновника Прохорова и удостовериться, действительно ли в найденном у Кучевского в доме письме к нему того Прохорова, из Грузии писанном 31 октября 1820 г., вопрос, начал ли он строить говоренный им замок, относился к постройке дома Кучевского». Кроме того, за непорядки по производству следствия и суда привлечь к ответственности Зворыкина и др., а все астраханское крепостное начальство за слабый присмотр за арестантами [1]).

В аудиториатский департамент дело поступило 11 октября. В своей сентенции, составленной 17 января 1827 года, департамент подтвердил приговор комиссии, заменив лишь характер наказания для главных подсудимых. Кучевский был присужден к лишению чинов и дворянского достоинства и ссылке на каторжную работу, Пружковский, по исключению из воинского звания, к наказанию кнутом 50 ударами и также ссылке в Сибирь на каторжные работы. Опасения, высказанные Воиновым о возможности существования на Оренбургской линии зловредных обществ, аудиториатский департамент не счел обоснованными, в виду об'яснений, данных оренбургским военным губернатором Эссеном. Доклад аудиториатского департамента получил высочайшую конфирмацию 24 января 1827 года [2]).

Как видно из «Журнала высочайших повелений, полученных в аудиториатском департаменте», конфирмация доклада сопровождалась следующим высочайшим повелением: «высочайше повелено сообщить 1) министру внутренних дел, дабы со стороны оного министерства употреблены были все зависящие и деятельнейшие меры к отысканию Прохорова; 2) генералу Эссену, дабы обратил бдительное внимание и надзор, дабы не могло какое-либо неустройство возникнуть на линии по из'явленному в сем деле

---

[1]) Ч. VI лл. 492—496.
[2]) Подлинного доклада в деле не сохранилось.

подозрению; 3) сотников Иванова и Бочкарева по окончании следствия перевести на службу в казачьи полки, в Финляндии расположенные, и поручить строгому надзору — писать о сем ген. Ермолову и Закревскому в свое время; 4) Пружковского наказать 25 ударами буде бы он был слабого сложения». На что последовала резолюция аудиториатского департамента: «на повеление, по делу Кучевского последовавшее, писать куда следует, дать знать инспекторскому департаменту о Кучевском же и г. министру юстиции со исключением Кучевского и прочих из списков подсудимых» [1]). Таким образом, вопреки сентенции аудиториатского департамента, обращено было серьезное внимание на соображения, высказанные ген. Воиновым [2]).

Как бы подтверждением этих опасений явилось возникшее в апреле 1827 года, по доносу Ип. Завалишина, дело о тайном обществе в Оренбурге [3]). Чиновник Прохоров, как видно из дел, был отыскан, и после 21 мая 1827 г. освобожден от дальнейшей ответственности, повидимому, за отсутствием каких-либо улик [4])

В том же 1827 г. Кучевский был отправлен в Сибирь на каторжную работу, о чем мы узнаем из составленного для III отделения списка государственных преступников, состоявших под надзором полиции в Иркутской губернии в 1835 г.: «Дворянин Александр Кучевский, бывший майор Астраханского гарнизонного полка, уроженец Херсонской губернии, по высочайшей конфирмации, из'ясненной в статейном об нем списке, полученном из Тобольского приказа о ссыльных в 1827 г., за составление общества для краж и грабежей, оскорбление самодержавной власти и другие преступления лишен чинов и дворянства, сослан на каторжную работу» [5]).

Прежде чем говорить о дальнейшей судьбе Кучевского, попытаемся теперь на основании имеющегося материала определить идейную сторону рассмотренного дела, и, прежде всего, остановимся на личности главного обвиняемого, майора Александра Кучевского. Проживший вместе с ним в Петровском заводе декабрист Д. И. Завалишин в своих воспоминаниях дает очень нелестную его характеристику. Он называет его «личностью в высшей степени отталки-

---

[1]) «Журнал высочайших повелений, полученных в аудиториатском департаменте» № 28 из архива аудиториатского департамента II Отделение Юридической Секции Ед. Гос. Арх. Фонда.

[2]) Повидимому, «мнение» Воинова было поддержано дежурным генералом, представившим 18 января рапорт, который, как видно из «Журнала», поступил в аудиториатский деп. вместе с конфирмованным докладом.

[3]) См. Колесников, В. П. «Записки несчастного». Спб. 1914. Вступ. статья П. Е. Щеголева.

[4]) Там же № 209.

[5]) Из Иркутского архива б. генерал-губернаторства Восточной Сибири,напечатано в статье Б. Николаевского «Новое о прошлом». «Былое», № 15, стр. 159.

вающей от себя явным ханжеством и последующими своими действиями, вполне оправдавшими недоверие к своему лицемерию», и в другом месте опять подчеркивает его крайнее ханжество: «Попав в среду политических людей без их идей, без их заслуг и стремлений, без всякого образования и отчуждаемый недоверием, он, вообще неглупый, сейчас сообразил, что легче всего сблизиться на религиозной почве. Поэтому он начал утрировать все внешние выражения, набил себе земными поклонами шишку на лбу и тем умел вкрасться в доверие людей слабодушных и эксплоатировать их очень искусно» [1]). Эти черты характера Кучевского (его лицемерие и лживость) очень отчетливо выступают в рассмотренном нами деле Рядовой армейский офицер, всю свою жизнь тянувший лямку службы, Кучевский прежде всего рисуется мелким карьеристом, человеком трусливым и лицемерным. Для удовлетворения своих мелких житейских интересов, он готов итти на преступление—это достаточно ясно обнаружило дело полковника Суханова, по которому, по выражению официального донесения, Кучевский оказался «беспокойного и мстительного характера» [2]). Он отлично умел, однако, выказывать себя человеком обходительным и приветливым. Мы уже приводили характеристику Кучевского, сделанную Пружковским в одном из своих последних показаний, где он называет его тонким хитрецом, способным обольстить каждого и умеющим выдать себя за добродетельного человека. Нечего и говорить, что в глазах начальства Кучевский «аттестовался по кондуитным спискам по службе и способности ума хорошо, пьянству и картежной игре не предан, к хозяйству хорош, к повышению чина аттестовался достойным» [3]). Внешние успехи в служебной карьере и в устройстве материального блага развили в нем большое самомнение и высокомерное, презрительное отношение к окружающим. Эти черты его характера отразились в дошедших до нас его записках, письмах и показаниях на суде. Среди его бумаг в его доме на Оренбургской линии найдена была записка с такими словами «надежда... мудрость... постоянное терпение», далее шел перечень сделанных им приобретений; на допросе Кучевский об'яснил эти слова, как девизы, характеризующие 3 его качества, способствовавшие его успехам в жизни, о которых он думает всегда, когда вспоминает о сделанных им приобретениях. Самомнение Кучевского проявилось в некоторых его показаниях, в которых он мнит себя чуть ли не ученым и писателем. Враждебное и презрительное отношение к окружающим сквозит в письме Кучевского к жене, в котором он сообщает, что окружен изменниками и подлецами [4]). При всех отрицательных сто-

---

[1]) Д. И. Завалишин «Записки декабриста». Спб., 1906 г., стр. 285 и 346.

[2]) Ч. IV. стр. 443.

[3]) Там же.

[4]) Ч. IV, л. 461.

ронах характера, он, повидимому, хорошо относился к своей семье, помогал отцу и брату, как это видно из письма первого к нему [1]). В своем окончательном признании Кучевский подробно об'ясняет истинный смысл всего дела. Мелкие преступные цели руководствовали им в задуманном предприятии. Его положение и связи заставляли считать себя безнаказанным. Думаю, что все указанные черты его характера действительно не дают никаких данных говорить о каких бы то ни было его идейных стремлениях. Откуда же у Кучевского могла возникнуть мысль о тайном обществе? Если вспомним записку Александра I о широком распространении тайных обществ, то поймем, насколько тогда мысли о тайных обществах, их силе и могуществе носились в воздухе. Обывательские толки, поддерживаемые подозрительностью правительства, уже сами по себе могли навести на мысль использовать эту идею для своих преступных целей. Однако, несмотря на явно грубую мистификацию и на упорное отрицание Кучевским какой бы то ни было связи своей с тайными обществами, во всей его выдумке можно было видеть черты, показывающие если не на близость, то во всяком случае на знакомство с целями и стремлениями тайных политических организаций. Основная цель его общества — уничтожить власть тиранскую, мысль, несомненно, имевшая широкое распространение, о которой говорили, писали и думали [2]). Попытаемся выяснить, откуда могли быть у Кучевского те данные, которые мы находим в его деле. Кучевский, сын обер-офицера из мелких дворян Смоленской губернии, не получил никакого образования (по формулярному списку грамоте знает, наукам не обучался). Тем не менее военная служба в современную ему эпоху давала возможность многому насмотреться. Из формулярного его списка знаем, что он участвовал в кампаниях в Пруссии и Финляндии и один год находился в плену у шведов. Это должно было ознакомить его с иными, чем в России, порядками, а также дать ему большие, чем в России, сведения о революционном движении в Европе. Но помимо личных впечатлений другим источником его сведений было чтение. Материалы дела обнаруживают, что писание и чтение были любимыми занятиями Кучевского, повидимому, унаследованными им от его отца. В деле есть письма отставного поручика Луки Кучевского, являющиеся образцами своеобразного красноречия начетчика [3]). На писания самого Кучевского тоже много указаний в деле. Среди бумаг, отобранных в его доме на Оренбургской линии, был найден журнал жизни с 1799 г., в котором Кучевский писал «о начале познания себя, о вступлении на службу, походах, сражениях, переходе из полка в полк» и т. д. (к сожале-

---

[1]) Там же, л. 452.

[2]) Ср., напр., слова Рылеева, переданные в письме Булатова: «главное, чтобы уничтожить монархическое правление и власть тиранскую». Довнар-Запольский, «Мемуары декабристов», Киев, 1906, стр. 225.

[3]) Ч. IV, л. 452.

нию, этого дневника при деле не сохранилось). О своих писаниях сам Кучевский показывал, что он не писал ничего вредного, а лишь «о перемене погоды, какую благородную фантазию или что-нибудь ученое, занимательное или делал пометки и выписки из истории» [1]). О чтении Кучевского тоже немало сведений в деле. Вспомним, что Пружковский сблизился с Кучевским прежде всего на почве чтения: доставлял ему разные книги—исторические и другие [2]). Упоминает Кучевский о чтении им Карамзина и Всеобщей истории аббата Милота. Это последнее произведение антиреволюционного писателя-эмигранта было очень популярно в России в начале XIX века. В библиотеке Смирдина имелось несколько его изданий, из которых одно доведено до 1815 года. Эта книга могла дать много сведений о революционном движении и тайных обществах на Западе [3]). Сохранились в приложении к делу и собственноручные записки Кучевского, характеризующие его интересы. Значительная часть их относится к его служебной деятельности. Затем довольно много выписок из книг, главным образом, из Карамзина, а также из одного повествования о 1812 г. Собственные произведения Кучевского не блещут особой оригинальностью — это, кроме незначительных записей о погоде и событиях повседневной жизни, не более, как трафаретные и обыденные выражения патриотических чувств по поводу успеха русского оружия в Европе. Встречаем среди записок и пометки из газет о выписке книг, содержащих перечень популярной мистической масонской литературы [4]). Подробная выписка сделана Кучевским из книги «Дух Эккартсгаузена, или сущность учения сего знаменитого писателя, сочинение Михаила Бринкевича» [5]). Эти последние данные свидетельствуют, что упорное отрицание Кучевским своего знакомства с масонством не соответствовало действительности. Кроме увлечения масонской литературой, в выполняемых им при приеме в члены своего общества обрядах, видим пародию на масонские таинства. Наконец, служба в Оренбургском краю могла дать ему ряд впечатлений, отразившихся в отдельных подробностях его выдумки. Как мы видели, генерал Воинов выражал сильное подозрение, не таится ли на Оренбургской линии каких-либо тайных организаций. Согласно с его мнением составлено было и высочайшее

---

[1]) Ч. I, л. 125.
[2]) Ч. IV, л. 111.
[3]) Всеобщая древняя и новая история аббата Милота, содержащая повествование о всех народах мира и доведенная до 1815 г.; новейшее издание; 13 частей, с присовокуплением атласа древней и новой географии. Спб., в театральной т. 1820 г. см. Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В 4 частях. Спб. 1828 г.
[4]) Приложение ч. II, л. 138. Здесь перечислены сочинения Эккартсгаузена «Ключ к таинствам натуры», Иакова Бема «Путь ко Христу», Иоанна Арнтда «Об истинном христианстве» и др.
[5]) Там же, 167.

повеление, предписывающее командиру Оренбургского корпуса ген. Эссену обратить серьезное внимание на положение дел во вверенном ему крае; таким образом, заявлению последнего о полном спокойствии здесь не было дано веры. Почти в таких же словах, как в 1823 г., выражен был взгляд на благополучие края в сентенции военно-судной комиссии, учрежденной для расследования дела о тайном обществе в Оренбурге, открытом И. И. Завалишиным [1]). В предисловии к запискам одного из обвиненных по этому делу, В. П. Колесникова, декабрист В. И. Штейнгель сообщает, что в Оренбурге еще с Новиковской поры существовало тайное общество, одним из деятельных членов которого был в последние годы царствования Александра I директор Оренбургской таможни Величко. После него аудитор Кудряшев собрал несколько молодых людей местного гарнизона с целью просвещения и стремления к свободе. Провокационная деятельность Завалишина, выдавшего себя за агента существовавшего якобы Владимирского тайного общества, сочинившего устав общества и взявшего с членов его подписку, представила этот мирный кружок в виде опасной революционной организации [2]). К сожалению, других сведений, кроме рассказа Штейнгеля, о преемстве тайного общества Кудряшева с более ранними организациями мы не имеем. Во всяком случае, оренбургское дело 1827 г. показывает, что в Оренбургском крае дело обстояло далеко не столь благополучно, как это рисовалось в указанных нами документах, и число лиц, принадлежавших к масонским и другим подобным же организациям, не исчерпывалось теми четырьмя, о которых даны были сведения в 1823 г. [3]). Можно, таким образом, думать, что сведения о масонах и знание масонских обрядов Кучевский мог почерпнуть во время своей службы в Оренбургском корпусе. Еще больший материал для своих рассказов о тайных обществах мог извлечь Кучевский из впечатлений, вынесенных от своей непосредственной службы на Оренбургской линии. Учрежденная для изоляции Башкирии и укрепления колонизованного в 40-х годах XVIII в. края, Оренбургская линия по условиям своего быта давала благодарную почву для возможных волнений. Охрана линии поручена была оренбургским и уральским казакам и местным инородцам, из которых комплектовались поселенные на линии полки. Тяжелые условия жизни, близость степных кочевников, недостаточное вознаграждение были причиной постоянного недовольства, иногда переходившего в открытый мятеж. Часть оренбургского и уральского войска примкнула к Пугачеву,

---

[1]) Колесников, В. П. «Записки несчастного», Спб. 1914 г., стр. XVII.

[2]) Там же, стр. 6. Оренбургское дело отдельными своими подробностями очень напоминает дело Кучевского. Так же, как последний, Завалишин представил себя агентом существовавшего якобы Владимирского тайного общества и сообщал, что существует всего 12 обществ и т. д. (там же стр. XIII и 119).

[3]) Ч. IV, л. 583.

затем в 1804 году возникло крупное восстание уральских казаков, вызванное нарушением обычного порядка отбывания казаками службы, наконец,—волнение среди оренбургских казаков вследствие принудительного переселения [1]). Все это наталкивало Кучевского на мысль представить Оренбургскую линию, как центр и исходное место предполагаемого якобы восстания, и делало эту мысль в известной степени правдоподобной. Одна частная подробность в его рассказе о намерении тайного общества итти походом на Хиву, Бухару и Индию могла также возникнуть во время службы на Оренбургской линии, где, несомненно, памятна была безумная затея Павла I, отправившего в 1801 г. донское войско в секретную экспедицию на Индию через Бухару и Хиву. Только смерть Павла и воцарение Александра I, отменившего рискованную экспедицию, спасло войско от больших потерь [2]). Таковы были те отдельные реальные данные, которые лежали в основе мистификации Кучевского, и вот почему даже окончание дела не уничтожило у правительства подозрения, что Оренбургский край неблагонадежен в политическом отношении.

Остановимся теперь на других лицах, замешанных в дело. Если Кучевский может быть назван уголовным преступником, лишь задумавшим использовать для своих преступных целей мысль о тайном обществе, то не то можно сказать об Евстигнееве-Пружковском. Его последнее признание обнаружило, что он добровольно согласился вступить в организуемое Кучевским общество. Беглый крестьянин, получивший достаточное образование, несомненно, мог сочувствовать политической стороне, выдвинутой Кучевским. Пружковский живо интересуется затронутыми Кучевским темами; повидимому, он много читал и знает, несомненно, искренно говорит он «богохульства» о Христе, как социальном реформаторе. Уничтожение рабства—идеал, как нельзя более близкий сердцу беглого крестьянина. Из других участников дела сотника Иванова привлекла, повидимому, лишь возможность найти покровительство сильных людей. Не вполне ясным является поведение Бочкарева. Он, видимо, не прочь был бы вступить в члены общества, однако не хотел быть масоном. Интересны также фигуры главных доносчиков—Рыкова-Львова и в особенности Одуевцева. Позавидовав успеху Львова, получившему высочайшую благодарность, Одуевцев пускается на распространение провокационных слухов с целью затем путем доноса получить желаемую благодарность. В эту эпоху, проникнутую тревожными опасениями тайных обществ, немало было таких открывателей тайн [3]).

---

[1]) «Столетие Военного Министерства», т. XI, стр., 257—259.

[2]) Шильдер, Н. К. «Император Александр I», т. I, стр. 200 пр. 359—362; «Столетие Военного Министерства», т. XI, стр. 73.

[3]) Кроме общих указаний современников на участившиеся в эту эпоху доносы, есть указания об отдельных таких доносителях. Так, в Омской

Теперь нам остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе Кучевского. Присужденный к каторжным работам, он дошел до Нерчинских рудников. Когда произошла неудачная попытка одного из членов Южного общества Сухинова вызвать возмущение среди ссыльных, горное начальство выслало в Читу всех ссыльных из дворян, как политических, так и уголовных. Вследствие этого распоряжения Кучевский попал в Петровский завод, где и проживал в среде декабристов [1]). Долгое пребывание здесь, близкая связь с некоторыми из декабристов после выхода на поселение привела к тому, что устное предание и некоторые документальные данные относят его к числу декабристов [2]). О жизни Кучевского в Петровском заводе подробнее всего говорит в своих записках Д. И. Завалишин. Мы уже приводили крайне нелестную характеристику, которую дает он Кучевскому. Говорит он дальше об отношении к нему некоторых декабристов, для которых Кучевский был предметом постоянных насмешек. С другими он был, однако, довольно близок, пользуясь не раз их покровительством и даже продолжая иметь с ними переписку. Таким, прежде всего, был Е. П. Оболенский. Сохранилось несколько писем к нему Кучевского, свидетельствующих о том, что было Оболенским для него сделано, а также дающих сведения о его дальнейшей судьбе [3]). В 1839 году Кучевский был освобожден на поселение в Тугуевскую слободу Оекской волости, Иркутской губернии. В письме своем к Оболенскому от 8 декабря 1839 г. он сообщает о переезде из Петровска, об устройстве посева, постройке дома; в других письмах жалуется на свое бедственное положение, просит о помощи. Из писем видно, что он неоднократно получал материальную поддержку от Оболенского, который посылал ему деньги и книги. Письма Кучевского имеют обычно немного деланный, выспренний тон, характерный вообще для всех его писаний. Называет он Оболенского своим «ангелом-утешителем, отцом,

---

газете «Русская армия» за 1919 г. в № от 27 апреля, в ст. Коншина «Архивные очерки. Открыватели тайн и секретов» (ссылку на эту ст. см. в журнале «Былое» № 15, стр. 161), сообщаются данные об одном таком открывателе тайн Ванжерере, сосланном за ложный донос в Сибирь. В 1826 г. он просил направить его в Петербург для сообщения важных государственных тайн, при чем ссылался на то, что еще в 1816 г. сделал уже подобное открытие, за что удостоился высочайшей благодарности. По наведенным справкам оказалось, что действительно он ездил в Петербург по вызову императора, но содержание его тайны не известно. Ярким примером доносителя является Ипполит Завалишин. О доносителях см. также у Шильдера «Император Николай I»,т. I, стр. 423.

[1]) Басаргин, Н. В. «Записки». Птг., 1917 г., стр. 171; Завалишин, Д. И. Указанное соч., стр. 285.

[2]) Николаевский, Б. Указанная статья в журнале «Былое», № 15, стр. 159.

[3]) Копии писем с оригиналов, принадлежащих Б. Л. Модзалевскому, любезно собщены мне А. А. Сиверсом, за что приношу ему большую благодарность.

братом, сыном и другом во Христе Иисусе». В 1840 г. Кучевский неожиданно женился, хотя незадолго перед тем переписывался со своей женой и даже приглашал ее к нему приехать [1]). О женитьбе этой Оболенскому сообщил Ф. Ф. Вадковский, называя Кучевского «твой старик». Кроме Оболенского, в судьбе Кучевского принимали участие и некоторые другие декабристы. Так, известно, что сын Кучевского впоследствии воспитывался в семье Трубецких [2]). Умер Кучевский 1 сентября 1871 года, всеми окружающими признаваемый за декабриста [3]).

---

[1]) Кучевский первый раз женился в 1818 г. на дочери отставного солдата Серебрякова, Ксении Никифоровне (ч. IV, л. 463). В 1826 г. она обращалась с просьбою о помиловании мужа и о выдаче ей с детьми казенного содержания (ч. IV, л. 309).

[2]) Завалишин, Д. И. Указанное сочинение, стр. 347.

[3]) Сведения из архива иркутского генерал-губернатора по I отделению, I ст. за 1871 г. № 84 указаны в статье Николаевского в № 15 журнала «Былое».

Б. Кубалов.

А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов.

Большим знатоком сибирской старины М. П. Овчинниковым была помещена в «Трудах Иркутской Ученой Архивной Комиссии» заметка о А. Л. Кучевском [1]). Автор, не колеблясь, отнес его к декабристам. Декабристом считал Кучевского и Н. Серебренников [2]). По их следам пошел некто г. Ревякин, автор статьи «Памяти славных» [3]).

Действительно, в цитируемых Ревякиным и Серебренниковым документах А. Кучевский называется государственным преступником; наравне с декабристами С. Трубецким и Ф. Вадковским сельскою властью он вносится в списки лиц, сосланных за восстание 14 декабря 1825 г.

Однако, имени Кучевского мы не встречаем ни среди осужденных Верховным уголовным судом, ни среди осужденных военными кимиссиями по делам—Оренбургскому, Белостокскому, бывшим отзвуком декабрьского восстания.

На это обстоятельство обратил внимание Б. Н-ский и, боясь, чтобы с легкой руки Овчинникова, Ревякина и др. определение А. Кучевского, как декабриста, не стало бы «хроническим», дал небольшую справку, намереваясь выяснить, кем в действительности мог быть Кучевский [4]). Оперируя двумя документами позднего происхождения (1865 и 1871 г.г.) да ссылаясь на упоминание о Кучевском в записках декабриста Н. В. Басаргина, Б. Н-ский утверждает, что А. Кучевский никогда не был декабристом. Но кто же он? Автор, к сожалению, определенного ответа на этот вопрос не дал [5]).

---

[1]) «Труды Иркутской Учен. Арх. Ком.». 1914 г., 2-й вып., стр. 59. Овчинников: «Несколько слов о майоре А. Кучевском».

[2]) Серебренников, «Памятники пребывания декабристов в Иркутской губернии». «Сибирь», 1912 г., 5 сентября, № 196.

[3]) «Наше Дело», 1919 г., № 33. Данные архива Оекского волости. правления.

[4]) «Наше Дело». 1919 г., № 93.

[5]) В «Былом», 1920 г. № 15. Борис Николаевский (очевидно, писавший в «Нашем Деле» за подписью Б. Н-ский) говорит о Кучевском почти

Знакомясь с материалами, касающимися пребывания декабристов в Восточной Сибири, я нашел в делах Иркутского центрального архива, а также Нерчинской каторги ряд документов, связанных с именем Кучевского. Кроме того, заведывающий Иркутской публичной библиотекой Н. С. Романов любезно представил в мое распоряжение 19 подлинных писем, адресованных Трубецким, Оболенским и др. декабристами А. Кучевскому. Этот материал касается пребывания Кучевского в Сибири. О первых же его выступлениях, приведших Кучевского на каторгу, позволяет говорить дело о нем, хранящееся в Московской военно-морской секции Центрархива (Лефортовский архив).

На основании указанного материала я попытаюсь несколько осветить эту «загадочную личность» и выяснить отношение к нему декабристов и в частности Трубецкого.

Служа в Азовском пехотном полку, Оренбургском линейном батальоне, позже—в Астраханском гарнизонном полку, Кучевский не оставался чужд тому движению, которым в первую четверть XIX века был увлечен мыслящий слой русского общества.

Личность, бесспорно, одаренная, он не довольствовался теми шаблонами государственного строительства, которые обсуждались членами тайных обществ, и той тактикой, которая признавалась наиболее целесообразной для осуществления поставленных целей В его уме создавался иной путь воздействия на государственную власть. Человек широкой инициативы, он стремился составить тайное общество, в котором приняли бы участие не столько дворянство, сколько низшие, придавленные слои. Кучевский служил на Оренбургской линии, в Астрахани. Волга не раз давала добрых молодцов, готовых отозваться на клич удалого атамана, она жила старинными повериями и ждала того времени, когда вновь придет Степан Разин. Кучевский постиг мятежный дух народа, учел его недовольство бесправно-закабаленным положением и считал возможным поднять народ, и, пожалуй, итти по следам Пугачева. Возможность повторения Пугачевщины, при наличности крепостного права и тех социальных противоречий, которые громко говорили о себе в начале XIX в., не отрицали и современники Кучевского, особенно декабристы [1]).

Юность и первые годы службы Кучевского протекали в условиях жизни конца XVIII и первых десятилетий XIX в., когда общество зачитывалось описанием подвигов знаменитых разбойников Абеллино, Глориозо, Ринальдо-Ринальдини, Карла Моора и

в тех же выражениях, замечая, что в записках декабристов о нем не упомянуто, кроме записок Басаргина. Это утверждение автора не точно. О Кучевском упоминают в своих записках Завалишин, Колесников, Бестужев, Якушкин....

[1]) Фирсов: «Пугачевщина», стр. 133.

др. В это время обаяние «разбойного духа» с его рыцарско-идеалистической окраской было настолько сильно, что в условиях русской жизни, пожалуй, не без влияния разбойной литературы, как переводной, так и подражательной, появились доморощенные Ринальдо-Ринальдини.

Они являлись и раньше, ими полны мрачные страницы русской жизни в период гнета, шемякиных судов, попранной правды народной. В такие моменты народ идеализировал разбойников-защитников и симпатии общества были всецело на стороне тех из них, кто мстил за социальное неравенство, кто действовал во имя высшей справедливости и сам грабил, но не во имя эгоистических целей, а во имя блага неимущих.

Стихийно-анархическая деятельность таких защитников народных носила антиправительственный и социальный характер.

«Разбойники брали на себя страдания миллионов, поднимали и несли громадный крест многих и все время чувствовали, что за ними стоит весь народ, что сами они—только олицетворение стремлений этого народа, символы столь желанной для всех угнетенных социальной правды» [1]). Такой тип выведен в литературе. Достаточно упомянуть Владимира Дубровского, оперировавшего со своими удальцами на берегу великой Волги. Кто знает, быть может, помимо социально-экономических условий, помимо «разиновского духа» на выработку приемов антиправительственной борьбы, усвоенных Кучевским, влияла и разбойная литература.

Не без влияния, конечно, осталась и деятельность тайных обществ, масонских лож, к одной из которых, надо думать, принадлежал Кучевский. На Оренбургской линии накануне декабрьского переворота были офицеры, которые на запрос начальства чистосердечно заявил о принадлежности к масонским ложам [2]); приемы посвящения в члены масонских лож, как увидим, Кучевскому были знакомы.

Кучевский не был представителем богатой, титулованной знати. Постоянным упорным трудом и работой над собою он поднимался по служебной лестнице. После войны 1812 г. он оставляет Азовский пехотный полк и переходит в чине майора в 4-й линей-

---

[1]) Яцимирский—«Дубровский». Соч. Пушкина («Библ. великих писателей» под ред. Венгерова), т. 4-й, стр. 273.

[2]) Лефортовский архив, дело «Дополнительная переписка по секретному делу, начавшемуся 2 января 1823 года за № 1, об открытии в Астрахани тайного общества, в коем обвиняется Астрах. гарниз. полка майор Кучевский». Связка 4, оп. № I, л. 312: Фон-Бальтенцаль—Геберлинской крепости комендант-майор, член ложи «Друзей правды», находящейся в Мангейме. Старшие корпусные ад'ютанты—ротмистр Тимашев, состоял в ложе «Ключ к добродетели» (Симбирск), Муратов шт.-кап. Измайловского полка—в ложе «Трех светил великого провинциального союза», гр. Толстой—в ложе «Астрея» (в Симбирске).

ный Оренбургский баталион. Там он аттестовался «по службе и способности ума хорошего, пьянству и карточной игре не предан и хозяйству хорош». В Кучевском рано пробудился интерес к книге, чтению. С 1799 г., в течение двадцати лет не переставая, он ведет журнал «жизни своей». Враг аристократизма, Кучевский женился на дочери простого солдата Серебрякова. О необеспеченном состоянии семьи майора мы имеем свидетельство его начальства, которое пишет, что жена Кучевского «имеет самое убогое состояние и, по неимению никакой прислуги, должна отыскивать себе с детьми пропитание от трудов своих». Да и сам Кучевский, живя иногда отдельно от жены, убеждал ее в письмах терпеливо переносить все несчастья в надежде на лучшее будущее. Он верил в него, верил потому, что работал во имя этого будущего.

Внимательным отношением к солдатам, справедливостью и исполнительностью по службе он снискал популярность среди нижних чинов. Независимость Кучевского сказалась еще в бытность его в Оренбургском баталионе, когда он открыто критиковал деятельность военного начальства и не стеснялся начальника своего баталиона «чернить разным образом», «возбуждать против него нижних чинов к об'явлению претензий». Он шел дальше и о всех злоупотреблениях, которые он встречал в корпусе, старался заявить во-всеуслышание. «Жаловался с неприличными выражениями обидных слов на здешнее начальство бывшему начальнику главного штаба е. и. в. князю Волконскому».

Кучевский не только «жаловался», но умел и действовать решительно, подрывая среди солдат зачастую авторитет начальства. Из военно-судного дела, произведенного над бывшим командиром 4-го Оренбургского баталиона майором Сухановым, видно, что Кучевский «взял его с квартиры в одном сюртуке без шпаги и без шапки, заключил под стражу на гауптвахту вместе с арестантами» [1]).

После таких выступлений Кучевский, как человек «беспокойного и мстительного характера», не мог оставаться в Оренбургском баталионе и перешел в Астраханский гарнизонный полк. Планы о лучшем будущем Кучевский вырабатывал не один, у него были друзья, сообщники, с которыми он делился мыслями, обсуждал их. К 1820 году у него уже созревали какие-то планы.

В октябре 1820 г. некто Прохоров, находившийся в Грузии, присылает Кучевскому письмо, в котором просит «уведомить, хорошо ли на линии расположился и начал ли строить говоренный им замок», т.-е. приступил ли к приведению в исполнение своих планов. Действительно, Кучевский не сидит в Астрахани сложа руки; среди нижних чинов, писарей, которые запросто собирались у него на квартире, он ведет определенную пропаганду.

---

[1]) Лефортов. архив, св. 4, оп. № I, л. 276.

Особенно к Кучевскому был близок писарь Пружковский—бывший студент Московской семинарии, позже учитель военно-сиротской школы, разжалованный в рядовые за грубость начальству. Посредством Пружковского Кучевский «действовал набором людей в общество». Кучевский высказывал мысль о создании тайного общества, которое поставило бы своею целью «сделать равенство и не быть в подданстве» [1]). «Надобно сколь можно стараться присоединить к обществу более людей и о приумножении денег и вещей потому, что сие и так уже продолжается довольно долгое время и что все сие надобно не для одного здешнего общества, но и для прочих учреждающихся в разных местах по границам и что четыре таковых совсем восстановлены из знатных особ и что есть уже войска, ружья и пушки, войска разделены на когорты, в каждой когорте 700 человек... Каждый видит надобность освободить Россию от ига рабства... разрушить подданство и престол» [2]).

Кучевский говорил, что такое же общество есть на Оренбургской линии и что необходимо завести подобные и в Астрахани. Писарь Одуевцев [3]) дал клятву Кучевскому «на бумаге в сохранении услышанной от него тайны».

Другими лицами также приносилась присяга в верности целям общества. Присяга приносилась на шпаге. Стоя на коленях, присягавший целовал лезвие ее, «ставя остроту конца ее протв груди своей». Подобная присяга обычно практиковалась в масонских ложах. Текст присяги заключал в себе «ругательство на закон и августейшего монарха» и заклинал «напасть неустрашимо на Россию, извлечь подданных от ига рабства, восстановить равенство, учредить парламент и, не щадя себя, приумножить для того капитал, как-то деньги, вещи, сукно»...

Заключительные слова присяги были—«в заключение сей моей клятвы целую жезл, острие коего до пронзит грудь мою».

Присягу приносили не только писаря, но и офицеры, напр., сотник Астраханского казачьего войска Иванов, завербованный, как и некоторые другие офицеры, Кучевским в состав организуемого им общества. Кучевский брал с лиц, вступающих в общество, подписки двух родов.

С мещанина Михеева и писаря Рыкова в том, «чтобы не щадить жизни до последней капли крови для свержения с престола Александра I, а с сотника Иванова и писаря Пружковского на имя Оренбургского масонского братского общества 4-го отд. в подобном же смысле, но без упоминания только имени императора.

---

[1]) Лефортов. архив, св. 4, оп. № 1, л. 43.

[2]) Лефорт. архив, св. 4, оп. № 1, л. 104.

[3]) Дворянин Тамбовской губерн., за растрату сумм питейного сбора по суду был определен рядовым, бежал, был пойман в Астрахани и после 1000 шпицрутенов был определен писарем в канцелярию Астраханского полка.

Кучевский говорил своим последователям, что письменных сношений между Оренбургским и Российским тайными обществами нет никаких, «а сносятся посредством знаков, составленных из разных цветов и кусков лент», посредством шифра.

Неутомимый майор намечал даже и время восстания. «Как скоро откроется весна, то он, Кучевский, воспользуется моментом, когда будет стоять в карауле одного с ним общества офицер, поднимет восстание, в то же время приступят к выпуску из острога арестантов», начнется экспроприация у богатых нужных для общества средств и материалов. Собиравшиеся у Кучевского «рассуждали даже на ландкартах, куда должны следовать и с какого места начинать нападение на Россию».

Кучевский надеялся на успех, он полагался на солдат, среди которых пользовался большой популярностью и даже любовью [1]).

В письмах к жене Кучевского иногда сказывается тревога, он чувствует, что окружен изменниками и начинает видеть их в лице денщика Клементия, в лице хозяев квартиры, портного Алексея, который был на одном собрании у Кучевского, после чего несмотря на приглашения не являлся. У Кучевского родилась даже мысль «истребить» портного. Однако не с этой стороны была опасность. Сеть предательства плели те люди, относительно которых не было и тени подозрения у Кучевского. По доносу писарей Одуевцева и Рыкова за квартирой Кучевского было установлено наблюдение, аудитор Мясников два раза подслушивал разговор под окнами, происходивший в квартире Кучевского в присутствии Одуевцева, Рыкова и др. Была пущена в ход чистейшая провокация—Одуевцев, Рыков передали Кучевскому 500 р., полученные ими якобы от Михеева на нужды общества, при чем деньги эти были вручены предателям командиром полка и номера выданных ассигнаций были записаны.

В конце 1822 г. Кучевский был арестован. При нем найдены «подписки», письма, какой-то шифр. На следствии он упорно отмалчивался и «не давал никаких ответов по делу о намерении его завести в Астрахани тайное общество».

Только по поводу полученных от Михеева 500 р. Кучевский заявил, что взял их от него в залог, ибо хотел взять Михеева на поручительство, так как Михеев сказывался неимеющим срочного вида.

Следствие тянулось долго. На Кучевского посыпались гнуснейшего сорта обвинения; полковое начальство, намереваясь свести с ним счеты, пускало в ход интригу, ябеду. Кучевский протестовал против способов содержания его под надзором, против состава военно-судной комиссии и т. п.

Начальствующие круги ослеплены были прочностью Александровской монархии, они не допускали мысли о том, что в России

---

[1]) Лефорт. арх., св. 4, оп. № 1, лл. 105, 310, 106, 112, 105.

серьезно можно говорить о низвержении самодержавия. Вот почему и астраханский комендант не считал возможным придать делу Кучевского политический характер. Комендант, обратив внимание на средства, которые предлагал Кучевский для осуществления своих планов, а не на планы его, полагал, «что Кучевский точно желал неблагонадежными средствами добывать деньги, а дабы возбудить в людях, к тому приглашаемых, более действия, представлял им разные нелепости насчет российского престола, чего, обсудя рассудком здравым, никогда случиться не могло; а через писаря Пружковского, как человека хитрого ума, надеялся он перенять людей к тому непозволительному обществу» [1]).

Делу не суждено было закончиться в Астрахани, им заинтересовался Петербург и вот по какому поводу.

Одуевцев, сделавший донос на Кучевского, бежал из Астрахани и был пойман в Курске. На допросе он обещал открыть высшему начальству о тех обществах, о которых упоминал Кучевский; с этой целью, говорил Одуевцев, он оставил Астрахань и прибыл в Курск. В сентябре 1824 г. Одуевцева доставили в Петропавловскую крепость (в бастион Анны Иоанновны), где полковник Жуковский должен был допросить его. Пока шли допрос и переписка с Астраханью, вспыхнуло восстание на Сенатской площади и юге России. Дело о тайном обществе Кучевского, начатое в конце 1822 г., не могло быть оставлено без должного внимания. Необходимо было узнать, не имело ли оно связи с восстанием 14 декабря. Кучевский, Пружковский и др. вместе с военно-судным о них делом были вытребованы из Астрахани в Петербург. Одуевцев втянул в дело целый ряд новых лиц—Горчакова, Драчева и др. Николай I повелел для разбора дела Кучевского учредить секретную комиссию при Гвардейском корпусе. Презусом был назначен командир лейб-гвардии Преображенского полка Исленьев.

Если в Астрахани у Кучевского еще была надежда на сравнительно благополучный исход дела, то, сидя в Петропавловской крепости, Кучевский понял, что дело его принимает серьезный оборот. К суду начали привлекать новых лиц: сотника Бочкарева, майора Беккера, Самарина и др. Сотники Иванов и Бочкарев были вытребованы из Астрахани в Петербург.

На допросе относительно содержания взятых с Иванова и др. подписок Кучевский отозвался «запамятованием по давности времени». Чувствуя, что веских оснований, позволявших говорить о создании им тайного общества, в распоряжении комиссии не имеется, Кучевский ведет ту же политику, что и в Астрахани, или отмалчиваясь, или утверждая, что общества он не организовывал, а если и взяты им подписки с некоторых лиц, то «сообразно лживым рассказам его о вымышленном им обществе».

---

[1]) Лефорт. архив, св. 4, оп. № 1, л. 112.

На следствии Кучевский упорно утверждал, что членом масонского общества никогда не был, «знакомства с ними никакого не имел, цели их совершенно не знает. К тайным обществам не принадлежал, не принадлежит и существуют где-либо такие общества— равномерно не знает».

Человек «не малого ума», каким аттестуют Кучевского опрошенные по его делу лица, он, конечно, в этих наивных показаниях был не искренен. Резолюция суда в части, касающейся сотника Иванова, признала факт выдачи им Кучевскому подписки на вступление в масонское общество,—подписки, оскорбляющей к тому же высочайшую особу.

Кучевскому, повидимому, удалось направить следствие по тому пути, по какому оно шло в Астрахани.

Исленьев пришел к выводу, что «основанием его, Кучевского, рассказов и поведения было намерение приобрести несколько денег для поправления неимущественного его состояния».

Секретная комиссия военного суда, «не имея по судопроизводству ничего такого, что бы заставляло думать, что майор Кучевский, сверх намерения собрать шайку воров для кражи и грабежей, имел еще другие преступнейшие взгляды», пытается пойти по другому пути и, не веря, что Кучевский не состоит членом масонской ложи, просит оренбургское начальство дать сведения, не было ли на Оренбургской линии масонской ложи и, если существовала, то «доставить список членов оной» [1]).

Так как комиссия военного суда ничего нового по делу Кучевского не нашла, то ей пришлось базировать обвинение на том сомнительном материале, который был собран астраханской комиссией, не жалевшей ушатов грязи, чтобы очернить строптивого майора.

Кучевский оказался по суду виновным «в составлении из бесчестных людей общества для краж и грабежей, в оскорблении самодержавной власти своими суждениями и подписками, взятыми с набираемых в общество людей, и сверх того в ябеде на командира Астраханского гарнизонного полка, неповиновении власти начальства и суда, в... прелюбодеянии». На основании этого обвинения Кучевский был приговорен после пятилетнего пребывания в тюрьме и крепости к смертной казни.

Конфирмацией 24 января 1827 г. смертная казнь [2]) была заменена Николаем I бессрочной каторгой.

Кучевский осужден не за составление шайки, а составление общества для краж и грабежей; в этой формулировке обвинения подчеркивается не эгоистический характер грабежа, а его социальная подоплека. Тайное общество, созданное Кучевским, имело

---

[1]) Лефорт. архив, св. 4, оп. № 1, л. 311.
[2]) Лефорт. арх., л. 312.

в виду экспроприацию, как путь изыскания необходимых средств. Понятие об экспроприации сливалось в представлении судей со стереотипным: кража и грабеж. Полтора года пробыл еще Кучевский в крепости, летом 1828 г. он был отправлен в Сибирь.

По прибытии с колодничьей партией в Тобольск, Кучевский был направлен в Нерчинскую каторгу в Кутамарский завод [1]). Преступники, водворенные в Нерчинской каторге и не совершавшие там никаких преступлений, не носили оков, жили на частных квартирах и даже могли иметь собственные дома [2]).

Между тем, едва Кучевский был доставлен в Кутамарский завод, как тотчас же последовало из Петербурга предписание «немедленно заковать Кучевского и иметь в строгом присмотре днем при работе, а ночью за караулом и считать его государственным преступником» [3]).

Немного ранее Кучевского в колодничьей партии прибыли на каторгу Соловьев, Мозалевский, Сухинов (все участники восстания Черниговского полка); III отделение, получая донесения с мест о благополучном водворении каждого из них, тотчас же предписывало ген.-губернатору считать их не уголовными каторжниками, а государственными преступниками.

Сама власть, таким образом, видела в лице Кучевского не вора или грабителя, не уголовного преступника-поджигателя, а, наравне с декабристами, считала его весьма важным и опасным государственным преступником.

Не прошло еще и трех месяцев со дня первого приказа о Кучевском, как III отделение, познакомившись, повидимому, ближе с делом Кучевского, с идеями, планами южанина-майора, усмотрело в нем идейную близость с теми, кого для большей безопасности, согласно воле Николая I, водворило в Читинском остроге под особым ведением коменданта С. Б. Лепарского.

Попытка декабриста Сухинова поднять восстание на каторге побудила III отделение обратить внимание на тех декабристов, которые, будучи размещены по разным рудникам, не были в ведении Лепарского. 30 декабря 1828 г. последовало приказание не-

---

[1]) В партии ссыльных, в которой следовал Кучевский, находился причастный к оренбургскому делу Хрисанф Дружинин. Иркутское губернское правление, считая как Дружинина, так и Кучевского государственными преступниками, обратилось к Лепарскому с таким отношением: «ежели он имеет об них предписание от начальства, то, остановя партию, принял бы из оной Дружинина и Кучевского в свое ведомство». Лепарский уведомил правление, «что о Дружинине и Кучевском ниотколь повеления не имеет и потому не считает себя в обязанности принять их в свое ведомство». Ц. А. В. С. Карт. 3., оп. № 31, лл. 117, 121.

[2]) В уставе о ссыльных в § 249 сказано: «При каждом заводе и на фабрике работников разделить на два рода: 1) на имеющих дома и обзаведения, 2) на неимеющих дома.

[3]) Ц. А. В. С. Карт. 49, оп. № 280, л. 2.

медленно отправить в Читинский острог Мозалевского, работавшего на Акатуевском руднике, Соловьева на Култуминском и др.

Испол. должность начальника Нерчинских заводов фон-Фриш, сообщая об исполнении этого приказа, решил проявить и со своей стороны инициативу. Он доносит III отделению о необходимости перевести в Читинский острог Х. Дружинина, а затем и Кучевского [1]).

Для Бенкендорфа не было сомнения, что Кучевский такой же, как и все декабристы, противник самодержавной власти и потрясатель основ государственного порядка. Вот почему горному начальству, согласно повелению Николая I, предписано было исключить Кучевского из списков каторжных Кутамарского завода, немедленно отправить в Читу и сдать тамошнему коменданту, «а до отправления содержать строжайшим образом на гауптвахте под личным надзором караульного начальника» [2]).

В данном вопросе Николай I и его ближайшие помощники руководились не одним случайным фактом неудачно организованного Сухиновым восстания, а и определенной точкой зрения на те преступления, которые инкриминировались Кучевскому и ему подобным. Всех их власть бесспорно считала декабристами или близкими по духу им людьми, иначе и не помещала бы под общую кровлю Читинского, а позже Петровскозаводского острога.

Когда генерал-губернатор Сулима в 1834 г. поместил по своей инициативе старика-повстанца Сосиновича в Петровский завод и о том сообщил в III отделение, то военный министр Чернышев, уведомляя, что Николай I одобрил такое решение, все же напомнил генерал-губернатору, что «как казарма Петровского завода назначена единственно только для содержания государственных преступников, прикосновенных к известному вам делу, то прежде распоряжения о помещении в оную Иосифа Сосиновича следовало бы испросить на сие установленным порядком надлежащее разрешение» [3]).

Раз был помещен туда по приказу военного министра Кучевский, то сомнений насчет характера его преступлений и близости его к движению декабристов быть не может. К тому же, когда по разным случаям уменьшались сроки наказания для тех, кто был осужден Верховным уголовным судом, амнистия распространялась

---

[1]) «Сомневаюсь, пишет Фриш, к какому роду преступников его (Кучевского) причислить должно. Если же и он принадлежит к числу государственных, то не благоугодно ли будет и сего Кучевского перевести к содержанию в Читинский острог...»

[2]) Ц. А. В. С. Карт. 49, оп. № 280, л. 10. «Дело об отправлении Кучевского в Читинский острог».

[3]) Ц. А. В. С. Карт. 8, оп. № 165, стр. 35.

в той же степени и на осужденных разными военными комиссиями, в том числе и комиссией при Гвардейском корпусе.

Так, в 1832 году военный министр гр. Чернышев об'явил г.-губернатору Восточной Сибири повеление Николая I, в силу которого Кучевский, сосланный в Сибирь на каторжную работу без назначения срока, должен оставаться на каторге 15 лет.

Подобно Соловьеву, Дружинину и др. Кучевский был отправлен с Кутамарского завода в Читу скованным, под присмотром штабс-капитана Мавродия, в сопровождении унт.-офицера и рядового. Мавродию дана была подробная инструкция и при ней точный маршрут. Сельским старшинам приказано было оказывать шт.-капитану полное содействие.

Все расстояние от Кутамарского завода до Читы (543 версты), надлежало проехать в течение десяти дней.

Мавродий вез Кучевского не за страх, а за совесть. Вместо десяти дней он пробыл в пути неделю, доставив Кучевского к месту назначения 1-го августа.

Как же был встречен декабристами разжалованный майор, признали ли они в нем человека своего лагеря?

«Своим» не хочет признать Кучевского декабрист И. Д. Якушкин. Перечисляя всех заключенных, которым оставалось с 1836 года сидеть в Петровском заводе еще три года, Якушкин упоминает и Кучевского, «попавшего, по его словам, бог знает почему в Читу». Этим он как бы хотел подчеркнуть, что Кучевскому не место среди декабристов [1]).

К Якушкину в данном вопросе примыкал и Н. Басаргин. В своих записках он отмечает: «По прибытии (декабристов) в Петровский завод прислали туда слепого старика Сосиновича (из поляков) и какого-то разжалованного майора К-ского. Мы приняли их радушно, не обращая внимания и не спрашивая, за что они попались к нам» [2]).

Если И. Д. Якушкин и Н. В. Басаргин только мимоходом упоминают о Кучевском, не давая его характеристики, то Д. И. Завалишин, человек далеко не беспристрастный, не жалеет красок, чтобы очернить личность бывшего майора. «Ханжа», «лицемер», «негодяй»—иных эпитетов по отношению к Кучевскому нет в лексиконе Завалишина—этого сурового обличителя нравов и порядков, уста-

---

[1]) И. Д. Якушкин. «Записки».

[2]) Записки Н. В. Басаргина, составленные во многих местах по памяти, не всегда точны. Связывая Кучевского с Сосиновичем и утверждая, что их привезли в Читинский острог, он допускает две ошибки. Кучевского и Сосиновича привезли на каторгу разновременно, К-ский прибыл в Читинский острог 1 августа 1829 г., а Сосинович ровно через пять лет, 19 июля 1834 г. И Кучевский привезен был не в Петровский завод, как утверждает Басаргин, а в Читу. Записки Басаргина «XIX в.» изд. Бартенева, стр. 171.

новившихся среди водворенных в Чите, а позже в Петровском заводе декабристов. Упоминая о Кучевском и называя его «загадочной личностью», Завалишин этим самым выделяет его из среды декабристов [1]). Кучевского, как и привезенных в Читу из разных заводов участников восстания на юге, а также осужденных по Оренбургскому процессу, он считал «очень невыгодной примесью, которая своими действиями навлекала дурную славу на весь каземат».

Зная, что в планы созданного Кучевским общества входило намерение поджечь Астрахань, Завалишин насмешливо называет Кучевского не просто майор, а брандт-майор.

В оценке Кучевского, произведенной Завалишиным, все утрировано и далеко от истины [2]).

Кучевский был не глуп—этого не отрицает и Завалишин. В Читу он прибыл со сложившимися убеждениями, чувствами, привычками и набивать шишку на лбу, чтобы вкрасться в доверие людей слабодушных, ему не к чему было; «шишка» была нажита в Кутамарском заводе, где некого было эксплоатировать подобного рода эмблемами.

Пятилетнее заключение в тюрьме и крепости, полуторагодовое «шествие по канату» через всю Сибирь, постоянный звон и лязг оков, грозные окрики караульных не могли пройти бесследно для Кучевского. Человек сравнительно немолодой, убежденный враг царизма, он отчетливо сознавал, что для него возврата к прежнему быть не может, что настало время подвести итоги прошлому, что «с жизнью покончен расчет». Разбитые идеалы, неудавшаяся попытка провести их в жизнь, все это стало для него чем-то далеким, неосуществимым.

Широкая волна мистицизма захватила в 20-х годах XIX стол. верхние круги русского общества, захлестнула она и Кучевского.

Безнадежность и уныние парализовали в нем привязанность к миру с его борьбой, радостями. В таком состоянии Кучевский безжалостным ударам судьбы мог противопоставить лишь силу веры.

На каторге он весь во власти религиозного настроения, с жа-

---

[1]) Д. И. Завалишин. «Записки декабриста», стр. 346, 288. О Кучевском вскользь упоминает в своих записках Бестужев, считая, что он был водворен в каземате по каким-то соображениям Лепарского; стр. 200; Колесников, осужденный по Оренбургскому процессу, настигает Кучевского в Красноярске и оттуда идет с ним в одной партии ссыльных. «Записки несчастного», СПБ, 1914 г., стр. 100.

[2]) Об'ективность Д. И. Завалишина, как автора «Записок декабриста», весьма подозрительна, брать на веру произведенную им оценку нравственных качеств декабристов и их друзей нельзя. Завалишин—человек даровитый, с психическим надломом, честолюбивая натура, страдавшая манией величия. Большинство декабристов относились к нему с нескрываемым враждебным чувством. Соузники временами даже переставали с ним кланяться (стр. 335), о чем сам он упоминает в своих записках, и чтобы не остаться в долгу, расписывает густыми красками портреты своих действительных и воображаемых недругов.

ром отдается чтению евангелия, посту и молитве. Это не лицемерие и ханжество, а скорее болезненная потребность души, потребность, доходящая иногда до экзальтации. В таком состоянии Кучевский усердно молился, частые земные поклоны оставили на лбу его заметные следы. Еще в крепости он перестает следить за своею внешностью, не стрижет волос, а связывает их сзади в пучек, как связывали свои волосы в старое время церковные причетники.

Человек неглупый, с твердой волей, Кучевский не считал для себя возможным подчиняться влиянию непрошенного блюстителя нравственности заключенных, каким был Д. Завалишин, и сошелся не с ним, а с теми, кто был ближе Кучевскому по духу и настроению.

Доброта и ум Кучевского, его твердая вера и та безропотность, с которой он переносил тяжесть каторги, особенно сблизили его с так же, как и он, мистически-настроенным князем Е. Оболенским: их дружба крепла с каждым годом.

Чуткий, нежный Е. П. Оболенский увидел в непривлекательной фигуре Кучевского, напоминавшей замоскворецкого дьячка, мягкое отзывчивое сердце, и ему он открывал глубины своей души. Эту дружбу не разлучили ни время, ни пространство. Отправленные в 1839 г. в разные места на поселение, друзья не прекращали оживленной переписки. Бескорыстная дружба, переходившая временами в проявление высшей христианской любви, просвечивала в каждом из их писем.

В одном из писем Оболенского к Кучевскому мы читаем: «Душевно желаю Вас видеть в Вашей мирной хате, мирно побеседовать с Вами и отчасти отвести душу после долгого молчания, или беседы с самим собою, которая не всегда бывает сопряжена с теми мирными ощущениями, которые дают ответ душе». Увидеться друзьям не удалось. «Прощаюсь с Вами, любезнейший мой Александр Лукич; сегодня еду в Урик, завтра в город, а оттуда в дальний путь. Грустно мне расставаться с Вами навсегда, невольно вздохнешь и скажешь: зачем разлучаться, зачем терпеть эту скорбь, но мы—странники и потому не можем постоянно пребывать на одном месте... Итак, обниму Вас, милый и добрый во Христе друг; в нем Вас люблю и буду любить... Любите меня и не забывайте того, который Вас не забудет»... [1]).

Говорить о том, что Кучевский был в Чите или Петровском заводе «отчуждаемый недоверием», конечно, нельзя. Разжалованный майор быстро завоевывает среди декабристов определенное положение и пользуется авторитетом у таких лиц, как Пущин, Артамон Муравьев, Павел Бобрищев-Пушкин, Беляевы, Крюков Н., Киреев и др. Беседы с Кучевским доставляли немало наслаждений особенно Муравьеву и Бобрищеву-Пушкину. И тот и другой надолго

---

[1]) Письмо от 7 января 1842 года.

сохранили свежесть их впечатления и не отказывали себе в удовольствии поддерживать «со старцем» переписку в то время, когда все они уже были на поселении.

«Доброе и умное письмо Ваше,—пишет ему Муравьев,—я получил, ощущая при чтении оного большое удовольствие. Это истина, и истина, в которой, я убежден, Вы не сомневаетесь. Я жду Вас непременно великим постом и заранее обещаю себе душевных наслаждений... я никогда не льстил Вам, и потому Вы поверите, если скажу, что усилилось уважение мое к Вам, узнав, как славно Вы несете крест свой». Человека «отчуждаемого недоверием» не будут так любить и жаждать с ним встречи, как это мы видим из целого ряда писем к Кучевскому со стороны тех, кто понял и оценил его в течение десяти лет совместного пребывания в Чите и Петровском заводе.

По отбытии каторги, Кучевский с 1839 г. был водворен в с. Тугутуе, Иркут. губ.

Прибыв к месту назначения, Кучевский тотчас же отправил письмо своей жене в Оренбургскую губернию, где она проживала вместе с сыном Василием, судьбою которого Кучевский интересовался еще в бытность свою в Петровском заводе, где при содействии Оболенского получал о нем кое-какие сведения.

В Чите, в Петровском заводе Кучевский всегда был в кругу своих друзей, встречая с их стороны заботливое внимание и поддержку. В Тугутуе же, кроме одиночества, он стал испытывать худшее состояние: сознание, что никому не нужная и ненавистная старость начинала вступать в свои права. Но все-таки в таких условиях бывший майор не падал духом.

На отведенном обществом двухдесятинном наделе он строит небольшой деревянный дом.

Как и все водворенные на поселение государственные преступники, Кучевский должен был получить пятнадцатидесятинный земельный надел.

Ему была отведена «поблизости дома из лучших хлебопахотная земля». Однако, в силу каких-то причин, Кучевский не принял ее, а «просил отвод сделать из земель крестьянина Тарбеева, а Тарбеева наделить тою землею, которая назначена ему». Общество не могло удовлетворить эту просьбу. Земельные наделы происходили не ежегодно, и Кучевский был наделен лучшей из оставшихся земель Возможно и то, что земля, отведенная Тарбееву, лежала вблизи усадьбы Кучевского, но это не давало права крестьянам отводить ее Кучевскому, и вполне понятно, почему посягательство поселенца встретило отпор со стороны общества, видевшего к тому же в лице декабристов (Трубецкого и Вадковского), живших в Оекской волости, благотворителей, бескорыстных советников и помощников.

Если у большинства поселенных декабристов были родственники, которые облегчали участь своих сыновей, братьев, племян-

ников, оказывая им нравственную и материальную поддержку, то о Кучевском родственной заботливости никто не проявлял.

Оставаться бобылем в условиях поселенческой жизни равносильно было отказу от занятия сельским хозяйством. Женщине в нем принадлежала видная роль.

У Кучевского отстраивался домишко, возникало хозяйство. Сам он был уже не молод. Заботы о хозяйстве, с одной стороны, невыносимость одиночества — с другой, заставили его притти к мысли подыскать среди сельчан человека, с которым можно было бы разделить все труды и невзгоды поселенческого прозябания.

И вот, 13 ноября 1840 г. Кучевский, как рапортует тугутуевский староста, «женился и заручил брак на крестьянской девице той же слободы крестьянина Езекиля Ревякина, Аксенье» [1]).

Женитьба не улучшила материального положения поселенца. Чем дальше, тем нужда сильнее давала о себе знать. Об этом красноречиво говорят донесения с мест.

Государственные преступники, водворенные на поселение, находились под надзором местной власти: старшин, голов, обязанных следить за «образом мыслей» поселенцев и ежемесячно доносить волостному правлению о поведении поселенцев, их житье-бытье. Дело для старост было непривычно, да и не всегда под-силу: читать мысли других не всем дано. Поэтому и донесения с мест получались удивительно колоритные. Староста, напр., доносит: «Людвиг Савицкий молится богу не по православному порядку, читает книги не по-русски».

«Когда собирались преступники у Трубецкого, то хотя и говорили они по-русски между собою, но понять то, о чем они говорили, невозможно, хотя в образе мыслей они скромны, особенно С. Трубецкой, занимающийся хозяйством и чтением душеспасительных книг».

«О поведении», «образе мыслей» Кучевского мы имеем целый ряд донесений местной власти.

Приведу наиболее характерные:

«А. Кучевский ведет себя добропорядочно, с подозрительными людьми знакомства или склонными к шалостям связи не имеет. Занимается хозяйственным упражнением и чтением книг».

«А. Кучевский ведет себя честно и добропорядочно во всяком настоящем виде, никаких за ним неблагопристойных обстоятельств не предвидится» и т. п.

«Кучевский проживает в доме своем в здоровом обстоятельстве и в занятии земледельческой работой...» [2]).

Однако с годами занятие земледелием становится для Кучевского все тяжелее и тяжелее.

---

[1]) Архив Оекского волостного правления, № 12, стр. 73.
[2]) Архив Оекс. волостного правления, дело № 1, лист 10.

В июле 1848 года старшина Ревякин доносит волостному правлению, что «Кучевский занимается самое малое количество хлебопашеством наемкою людей по нездоровью своему и занимается чтением книг и присмотром своего домохозяйства».

В 1848 г. Кучевскому было около 70 лет. Здоровье его становится слабее. О нем он писал Оболенскому. Недаром тот, высказывая другу целый ряд пожеланий, пишет: «желал бы душевно... Вам облегчения от болезней, которые всегда и во всем стесняли Вас». Но кроме старости и болезни его преследовал третий неотвязчивый друг—бедность. К концу 1848 г. материальное положение Кучевского ухудшилось. Волостное правление доносит: «А Кучевский хлебопашества не производит наемкою людей и оставленная хлебопахотная земля безо всякой разработки по неимению у него до сего времени денег; сенокосные все убрата и вывезено к дому своему и так более ничем не занимается, кроме сохранением домашней птицы и призрения дома».

Неуменье жить и полнейшая оторванность от общества еще более усугубляли тяжелое положение тугутуйского отшельника.

О своей нужде, не скрывая, Кучевский писал друзьям-декабристам:

«Сердце вещим голосом вспомнило Вас. Я сам понимал и чувствовал, что Вы требуете руку помощи, но за собственными нуждами откладывал до лучшего времени желаемую мною и Вами требуемую помощь»,—писал ему Оболенский. Одновременно Оболенский просил губернатора выслать Кучевскому 250 р. из той суммы, которая со дня на день должна была получиться на имя Оболенского от его брата.

Е. И. Трубецкая, бескорыстный ходатай по делам «несчастных», приехав из Оека в Иркутск, справлялась у губернатора, отправлены ли деньги Кучевскому.

Большое участие в тугутуйском поселенце принял и С. П. Трубецкой. Он знал Кучевского, знал хорошо и запросы его духа. «Необразованный» старец любил читать светскую, серьезную книгу. Трубецкой посылает ему «Отечественные Записки», «Петербургские Ведомости». Посылают ему книги Оболенский, Арт. Муравьев и др. С. П. Трубецкой помогал Кучевскому в течение 16 лет.

Трубецкой в силу целого ряда причин не успевал своевременно оказывать помощь Кучевскому; последний зачастую сетовал на невнимательное якобы отношение к нему Трубецкого, который оправдывался: «Посылка в Тугутуй не всегда мне возможна и доставление нужного вам сопряжено с затруднениями и без малейшей для пользы вашей расходами».

Роль заботливого опекуна и поставщика иногда раздражала Трубецкого, особенно в те моменты, когда Кучевский всю вину в своем несчастии сваливал на других, в том числе и на Трубецкого.

С. П. Трубецкой выходил тогда из себя и посылал отповедь майору. «В письме вашем вы извещаете меня, что на февраль нет у

вас никаких припасов, ни даже дров.... что у вас табаку нет, мяса нет, рыбы нет, муки пшеничной нет, муки ржаной нет, свечей нет.... жена и сын в лохмотьях. Признаюсь, я опять не понимаю, почему у вас этого ничего нет, когда я для того послал вам деньги, чтобы вы могли все припасы закупить.... Я просил вас не обременять меня закупкою для вас муки и прочего подобного, потому что я не имею никакой возможности вам это доставлять. Я не понимаю, каким образом вам неугодно нисколько войти в мои обстоятельства, а угодно заставлять меня делать то, от чего я прошу вас меня уволить. Сверх всего я должен вам сказать, что если 100 р. ассигн. вам едва стало на муку, мясо и дрова на 6 недель, то я не нахожу себя в состоянии оказывать вам впредь вспоможение. Я сам лично не имею никакого имущества, а то, что я уделяю вам, я должен брать у жены моей и детей, и вы не один, который требуете моего вспоможения».

Казалось бы, что после такой отповеди Трубецкой прекратит дальнейшую переписку и, пожалуй, помощь требовательному «другу». Ничуть не бывало. Трубецкой продолжал оказывать помощь Кучевскому.

В отношениях между С. П. Трубецким и А. Кучевским много загадочного. Просматривая дальнейшие письма Трубецкого, убеждаешься, что «составитель общества для краж и грабежей» не мог быть чужим человеком как самому Трубецкому, так и «странникам русской земли», как называл декабристов Е. П. Оболенский.

Зная, что Кучевский тяготится жизнью в Тугутуе, рвется из этого медвежьего угла, Трубецкой принимает меры к тому, чтобы осуществить желание майора. Он лично просит жандармского обер-офицера оказать содействие в деле перевода Кучевского на новое место, а самому Кучевскому рекомендует написать просьбу о переводе.

Время шло, Кучевский никому ничего не писал, полагая, что за него должен действовать ходатай по его делам.

«По случаю желания вашего переселиться в Щукино или Могилево, Глазково—тож (предместье Иркутска) я... должен известить вас, что вам чрезвычайно трудно найти в этих деревнях пристанище, доколь вы не будете иметь собственного жилища. Обзаведение ваше потребует много времени и порядочное количество денег. Наша помощь даже и совокупная не может быть достаточна для пополнения всех издержек перемещения вашего» [1]).

Если Трубецкой питал к Кучевскому некоторое влеченье (хотя из писем, сухих, местами раздражительных, можно заключить как раз обратное) или помогал ему по своему мягкосердечию, то слова «наша помощь, даже и совокупная» говорят за то, что не только Трубецкой, но и остальные декабристы считали себя нравственно обязанными помогать Кучевскому.

---

[1]) Письмо от 24 дек. 1843 г. Письмо от 16 февр. 1847 года.

Делать это «артелью» они могли только в отношении к людям, пострадавшим за общее дело. Все это дает право думать, что Кучевский идейно был близок декабристам.

В 1844 г. прибыл в Иркутск для производства ревизии сенатор Толстой, и Трубецкой снова убеждал Кучевского «не упустить случая» подать кому следует просьбу о переводе.

Но и на этот раз Кучевский лично не пожелал обращаться с просьбами к представителям той власти, которую он в корне отрицал.

В следующем году Трубецкой получил разрешение наезжать в Иркутск, где жили его жена и дети; он предложил Кучевскому перебраться в Оек и жить в его доме.

Кучевский отказался принять это предложение, обидев даже Трубецкого своим предположением, что тот в лице его хочет иметь сторожа дома.

Но Трубецкой не оставляет в покое не в меру подозрительного старика; спустя короткое время вторично приглашает его переселиться в Оек.

«Если вы хотите, и я теперь могу приютить вас в Оеке... и пользы для себя в переселении вашем я не ищу и никакой не вижу, но если повторяю предложение, то единственно потому, что полагаю, что положение ваше будет сносное». Но и это письмо не достигло цели. Отказавшись от мысли убедить Кучевского перебраться в Оек, Трубецкой добился, однако, того, что старик согласился отдать на воспитание Трубецкому своего сына Федора, родившегося в 1841 г.

Не только те декабристы, что жили в Вост. Сибири, находились в переписке с А. Л. Кучевским и помогали ему,—не забывали старика и заброшенные в Зап. Сибирь; по мере сил и возможности они старались облегчить тяжесть его жизни в Тугутуе. Бобрищев-Пушкин, живший в Тобольске, поддерживает переписку со своим другом и находит возможным, при своей необеспеченности, разновременно уделять Кучевскому небольшие суммы.

Когда умер Краснокутский и родственники его получили разрешение вырученную от продажи принадлежащих покойному вещей сумму разделить между нуждающимися его товарищами, то наравне с декабристами Щепиным - Ростовским, Киреевым, Мозгалевским, Фаленбергом и Кучевский получил от них 200 рублей [1]).

В 1856 г. с декабристов и со всех осужденных за государственные преступления было снято клеймо преступников. В день коронации (26 августа) последовала амнистия «тем» политическим, которые по из'явленному ими раскаянию и безукоризненному после произнесения приговора поведению заслуживают помилования».

---

[1]) Ц. А. В. С. Кар. 18, оп. № 505.

Список таких лиц, составленный в мин. внутр. дел, был препровожден генерал-губернатору Восточной Сибири.

В дополнение и пояснение списка министр С. С. Ланской добавил, что Александру II «благоугодно было из осужденных по приговору Верх. уголовного суда 13 июля 1826 г., постановлением военно-судных комиссий, состоявшимся в 1826 и 1827 г.г., и мнению государственного совета 24 февраля 1829 г. за прикосновенность к тайным обществам, открытым в 1825 и 1827 г.г., даже не помещенных в вышеназванном списке.... освободить от всех ограничений».

Казалось бы, что имя Кучевского, осужденного военно-судной комиссией в 1827 г., должны были встретить в списке амнистированных, между тем о нем там нет ни слова.

Удивляться этому не приходится. Список, как и самый манифест (вызвавший, к слову сказать, резкую критику на страницах герценовской «Полярной Звезды» за 1857 г.), были составлены наспех.

Со дня восстания 1825 г., суда над декабристами и членами тайных обществ 1825—1827 г. прошло тридцать лет. Делопроизводство, касавшееся этих громких событий, было под строгим запретом, чиновники, хранившие его, не были знакомы с его содержанием. Когда понадобилось составить списки амнистированных, то немудрено, что при таких условиях многих могли и упустить из виду. В списке были опущены заведомые декабристы—В. Раевский, Луцкий, солдат-декабрист Поветкин и др.

На пропуск имени Кучевского обратил внимание председательствовавший в совете главного управления Вост. Сибири Венцель. Этот пропуск показался ему странным, так как имя Кучевского помещалось в ежемесячных срочных донесениях о государственных преступниках, в которых Кучевский, правда ошибочно, значился, как осужденный Верховным уголовным судом [1]). В силу этого он потребовал от иркутского губернатора раз'яснений, «за какое преступление сослан Кучевский, когда именно и по чьему распоряжению, на каком основании он помещался в списке государственных преступников».

Завязалась оживленная переписка по этому вопросу между Венцелем, губернатором, III отделением. Все они пытались выяснить: декабрист ли Кучевский, государственный ли преступник, не имеющий отношения к делам 1825—27 годов, или просто поселенец, находящийся в исключительном положении? Выяснить этот вопрос никому из них не удалось. Переписка обнаруживает полное незнание не только центральной властью характера преступлений тех лиц, кои томились в ссылке за высказанные мысли или совершенные тридцать лет тому назад деяния, но и слабую осведомленность об этом и местной власти.

---

[1]) Ц. А. В. С. Кар. 37, оп. № 7, лист 95.

В вопросе об амнистии Кучевский остался верен себе; противник самодержавия, он отказался воспользоваться милостями самодержца. Но у Кучевского был сын Федор. Мальчик рос и воспитывался в семье Трубецких. Отказавшись от милости для себя, Кучевский высказал пожелание, чтобы сыну его были дарованы те права, которыми пользовался сам Кучевский до осуждения, «что даст возможность Федору продолжать и окончить образование и впоследствии избрать по желанию род службы» [1]).

Получив, помимо своего желания, разрешение возвратиться на родину, Кучевский не пожелал ни выехать в Херсон, где он родился, ни в другую какую-либо губернию, «по неимению (как доносит ген.-губ. шефу жандармов) во внутренних губерниях никакого имения или хозяйства». В апреле 1857 г. последовало разрешение Кучевскому «остаться на жительстве в Сибири».

Непримиримый майор прожил в с. Тугутуе еще лет двадцать. Умер он в 70-х годах прошлого века.

Использованные мною архивные данные, а также целый ряд писем декабристов к Кучевскому позволяют притти к заключению, что в лице Кучевского мы должны видеть, если не декабриста в узком значении этого слова, то во всяком случае человека, близкого им по идее, сознательного врага самодержавия, пытавшегося незадолго до восстания декабристов организовать движение народных низов в далекой Астрахани.

Не будь предательства и связанного с ним ареста Кучевского, быть может к восстанию на Сенатской площади, на юге России, в Белостоке, к движению в Оренбурге присоединилось бы и возмущение в Астрахани.

Приложение.

I [2]).

Получено 14 сентября через В. Голову.

Почтенный друг, Александр Лукич! Вот уже прошло более полутора месяца со времени разлуки нашей с вами, и доселе нет еще известия о месте вашего поселения: то, которое было вами назначено для себя, по странному случаю досталось мне в удел, и вот уже третий день, как *я*

---

[1]) Согласно докладу Долгорукова, Федору Кучевскому было даровано личное дворянство. Вместе с семьей Трубецких Федор выехал из Иркутска в Киевскую губернию в 1856 году.

[2]) Приводимые ниже 19 писем разных декабристов к А. Кучевскому представляют значительный интерес для истории их пребывания в Сибири. Письма I—V, VII, XIV—XVI, XIX были уже напечатаны в «Трудах Иркутской ученой архивной комиссии» за 1914 г., вып. 2-й—издании, очень мало распространенном, почему они и воспроизводятся здесь снова, тем более,

гуляю по Етанце и осматриваю местность, которую я должен поселить; ваше назначение еще загадочно для меня, но мне думается, что вы в хорошем месте, при хорошей реке; дай бог, чтобы удобства местности соответствовали вашим желаниям и нуждам; что касается до меня, то нищета и бедность меня окружают; несколько неурожайных годов и иней, т.-е. мороз июльский нынешнего года, истребили большие запасы хлеба и не дают людям поправиться надлежащим образом: белкование и звериный промысел много им помогают; вот все, что я мог узнать доселе о знаменитых Етанцах, к которым я начинаю уже привыкать и с которыми я, может быть, сживусь без большого горя. По странному столкновению чисел, я выехал из Петровского завода вместе со всеми жильцами каземата 27-го июля, т.-е. ровно месяц после вас, и так как моя повозка выезжала последняя, то мне пришлось выехать в 9-м часу, как-будто нарочно в одно время с вами, не ранее, не позже. В продолжение всей дороги сердце не могло сдружиться с мыслию о разлуке с друзьями и товарищами; смотря на них, на детей, невольно слезы накатывались на ресницы и тяжело было на сердце; наконец, в Удинске настал час разлуки, давно ожидаемый, но не менее того горестный: мы расстались, и я остался один, как бы осиротелый от большой и богатой семьи; помаленьку первая скорбь утешилась, господь усладил горькую чашу, и я пошел странствовать и добрел до места нынешнего моего жительства: моя квартира состоит из одной обширной комнаты, которую я занимаю у нашего приходского дьячка, человека доброго и кроткого. Стряпкою у меня—женщина пожилая, которая мне стряпает довольно хорошо, и из семейства вам известных Балаганских: это сестра того рядового Егора Балаганского, который снабжал вас трутом и рассказывал о своей родине Етанце. Вот пока весь мой дом:—Крашенинников везет ко мне оставшиеся вещи на моей собственной лошади, которую я купил в Петровском перед выездом; он будет служить в Удинске до своей отставки, а жена его с детьми будет проживать при мне; по близости селения моего от города, от которого мы не более как в 50 верстах, она может иметь довольно частые свидания с мужем и услаждать ими тяжесть разлуки, которая необходима по дороговизне городской жизни, где бедному человеку почти невозможно содержать и маленькую семью.—О сельских своих занятиях я еще ничего не могу сказать потому, что ни за что не принимался, и даже не имею в виду, чтобы я мог сделать какое-нибудь начало в нынешнем году; время укажет, что можно будет предпринять; наша речка Етанца не изобилует рыбою, но маленьким неводком можно в ней добывать разную рыбу; между прочим, попадаются и довольно большие таймени; главная беда в народе к неводу, который весь занят уборкою сена и хлеба и которого почти не видать в селении, где одни старые и малые мелькают изредка, как памятники былого и как надежда будущего, а настоящего ничего нет. От брата Константина получил я письмо, в котором он меня уведомляет, как товарища по свекло-сахарному заводу, что всходы свекловицы были неожиданно хороши, и если господь благословит его труды, то в сентябре завод начнет настоящее свое действие, об успехе которого я вас уведомлю в свое время. О вашем сыне Василии я не

что находятся в неразрывной связи с остальными девятью письмами, не бывшими до сих пор в печати.

Подлинники этих писем принадлежат Н. С. Романову, который получил их от Ф. А. Патарман; последнему они достались вместе с библиотекой ценных книг после смерти иркутского библиофила А. М. Храмцова, но где они были приобретены самим Храмцовым и при каких обстоятельствах—неизвестно.

Ред.

получал никакого сведения после того письма, которое вам известно. Вот, любезный друг, все, что я нашел сказать вам о моем житье-бытье. Живу мирно, покойно, без больших искушений, и не могу не благодарить благого промыслителя о всех нас. Ему поручаю и мои желания относительно вас и всех тех, которых сердце привыкло издавна любить и уважать. Любите и помните и пишите любящему вас

Евгению Оболенскому.

Августа 7 1839 года.
Етанцинской волости,
Турунтаевская слобода.

II

Получено 13 марта.

Любезный и почтенный друг, Александр Лукич! Первое письмо ваше от 1-го февраля, давно ожидаемое, я прочел с тем чувством скорби, которое столь естественно тому, кто принимает в вас живое участие и чувствует, что нужды ваши, которые вы терпели столь долгое время, должны лежать тяжелым бременем на нем. Хотя я не получал первого вашего письма от 8-го декабря, которого копию вы ко мне послали, и не мог себе представить той нужды, в которой вы находились и доселе еще находитесь не менее того, сердце вещим голосом вспоминало вас. Я сам понимал и чувствовал, что вы требуете руки помощи, но за собственными нуждами откладывал до лучшего времени желаемую мною и вами требуемую помощь. Слава богу за то, что вами перенесено; это — время, которое слегло; дай бог, чтобы оно впредь не возвращалось на истощенные ваши плечи, которые нужно беречь и облегчать от тягости, а не отягощать. Так, любезный друг, говорится по сердечному чувству: но не всегда возможно предупредить то, что не всегда находится в нашей власти. С того времени, как мы расстались с вами, я немного успел в науке жить бережливо и осторожно: со всем вниманием к тому, что составляет предмет первой потребности; многое и многое издерживается у меня без пользы для себя и для других. Но полно говорить об этом: вы нагляделись на мое хозяйство в течение десяти лет и потому можете себе представить, что оно и теперь не улучшилось ни в чем.

Но, говоря о прошедшем, не должно терять из виду настоящего; по получении вашего письма, огляделся я со всех сторон и не нашел ни одной копейки, которую я мог бы послать к вам; но я в надежде, что деньги, посланные ко мне братом, должны уже быть в Иркутске. Посему решился утрудить его превосходительство г. гражданского губернатора просьбою о том, чтобы немедленно по получении денег выслано вам было 250 рублей. Сколь ни скудна эта помощь, если ее сравнить с вашими нуждами, но она вам поможет на время и, может быть, приготовит вам нечто к будущему продовольствию, если господь благословит ваши труды. Если же письмо мое к его превосходительству не застанет уже моих денег в Иркутске, тогда замедление в отсылке их может продолжиться от двух до трех недель, но вы получите их со вторичным моим письмом.

Окончив эту статью довольно скучную, т. е. статью о нуждах, которая в нравственном смысле и в высшем значении промышления о нас всеблагого отца и промыслителя нашего не может и не должна быть названа таковою, ибо в его руке все благо и все к благу нашему служит, скажу вам, что я пред вами много виноват в молчании моем от первого письма моего к вам и до сего числа. Простите меня, любезный друг, и не исследуйте причин. Частию я ожидал вашего ответа, частию желал, но не мог к письму приложить то, что я желал; вот вам вся тайна моего

молчания. Ничто бы не должно бы остановить руки дружеской в излиянии чувств святых, но и добро наше, которое поистине мы себе не можем присвоить, всегда борется в нас самих с частицею зла, и оттого добро не всегда исполняется. Деньги еще не получены—посылаю 150 руб. своих, остальные же пришлю по получении. Душевно радуюсь вашему водворению в собственной вашей хижине: пусть будет мир и благословение божие как в доме вашем, так и в той храмине, которая невидимо созидается внутри нас самих. Когда там будет прославляемо имя господне, то внешняя храмина исполнится тем же, и незримое людьми будет зримо и видимо свыше:—так оно и есть в самом деле и так с помощию господа пребудет до конца. Скажу вам теперь нечто о себе:—со времени последнего моего письма к вам в дом мой или, лучше сказать, в квартиру, которую я занимаю, прибыла семья Балаганских, которую вы знаете, т.-е. мать с пятью детьми всякого возраста. Дом мой полон, дети меня утешают, и хотя они мне чужие, но я как-будто присваиваю их себе, по родству высшему; не знаю, останусь ли с ними на долгое время или расстанусь для переезда в другое место. Я еще не решился ни на что. Вместе с вашим письмом получил я от Пущина листок бумаги, исполненный сердечною глубокою скорбию и унынием. Этот листок потряс меня в глубине души: это голос чистейшей дружбы, которая зовет к себе, дабы облегчить тяжесть бремени, которую он несет. Разлука была ему не по силам: его любящая душа глубоко поражена и не может снести тяжести разлуки. Он живет в Туринске с добрыми товарищами, но друга там нет. Живое чувство требует удовлетворения; но сколь оно ни сильно требует моего отзыва, я медлю в исполнении, доколе не уляжется то волнение, которое оно во мне произвело. Думаю, что не буду в силах противиться сердечному требованию и что с первою же почтою буду просить милостивого перевода; во всяком случае, я уведомлю вас о моем решении. Теперь скажу вам, что мое хозяйство еще не достигло той степени, на которой вы уже стоите; вы имеете собственный дом и засеяли землю, а у меня еще нет ни своего дома, ни своего колоса: я приехал сюда в самое время жатвы и озимого посева; но здесь и семян нельзя было достать, потому что жали только остатки хлеба, не побитого морозом, бывшим в июле прошедшего года;—эти остатки послужили для посева счастливым хозяевам приготовленных полей, а в сторону продать было нечего. Таким образом я остался без озимого посева; не знаю, удастся ли мне яровой; семена у меня готовы, землю можно будет найти готовую. Если господь благословит, то начну маленькую запашку; кроме ярицы, у меня приготовлено с пуд ячменя и 5 пудов пшеницы; это все пойдет в посев. Скота у меня немного: две коровы, два барана и три лошади; но при всем малом их числе сено и солома мне стоили дорого; и нерасчетливо было держать, но почти нельзя было обойтись и без них. О постройке дома я не мог еще помыслить за дорогой ценой, в которую обойдется самая малая постройка. Вот вам вкратце очерк моего домашнего быта. В будущем письме моем поговорю с вами подробнее о домашних своих и о всем, что придется в мысль и под перо. Теперь же пора кончить письмо и, обняв дружески, сказать вам, что неизменно любит и уважает вас верный друг ваш *Евгений Оболенский*. Я не забыл поговорить о письме вашем к жене; оно у меня в памяти и в сердце, но не хотел мимоходом коснуться предмета, который для вас столь важен.

Спиридов мне писал из Красноярска и желал узнать о вашем житье-бытье. Наш Пущин тот же, каков был, но, кажется, в состоянии уныния болезненного для сердца любящего.

13 февраля 1840 года.
Турунтаевская слобода,
Етанцинской волости.

III.

Почтеннейший Александр Лукич! Доброе и умное письмо ваше я получил, ощущая при чтении оного большое удовольствие. Это истина и истина, в которой, я убежден, вы не сомневались. Отрадно мне было видеть, что, невзирая на нужды ваши и на все тягостные лишения, от оной проистекаемые, вы довольны своим положением. Я буду у вас непременно великим постом и заранее обещаю себе душевных наслаждений. Я никогда не льстил вам, а потому вы поверите, если скажу, что усилилось уважение мое к вам очень, узнав, как славно по милости творца вы несете крест свой и что дух ваш бодр, невзирая на немощи и страдания плоти. Я живу в городе, ибо зима эта крепко стала щипать меня, развив несовершенно прошедшие петровские ревматизмы; недели же через 3 или 4 возвращусь или в томительную Елань, или переселюсь в деревушку, поближе к городу. Из дому и от всех моих получаю очень часто-вато письма утешительные; сестра не оставляет ни намерения, ни надежды перетащить меня на Кавказ—что будет, то увидим. Брат произведен был в августе в ген.-лейтенанты и назначен дивизионным командиром; сын будет в нынешнем году произведен в офицеры, но остается в училище. Вот все, что о себе и о своих могу вам сообщить, разве прибавить, что Канкрин едет в мае за границу на 4 месяца.

До свидания, добрый Александр Лукич!

Весь душою ваш *Ар. Муравьев.*

21 февраля.
Аиок.

Получил 27 марта 1840 года, в среду, в вечер. Доставил ко мне лично волостной голова Осипов.

IV

Получено 3 марта чрез казака, находящегося при г-не заседателе В. В. Селиванове.

Милостивый государь,
Александр Лукич!

Посылаю вам три книжки «Отечественных Записок» и 14 номеров «С.-Петербургских Ведомостей». Последние буду пересылать вам по мере получения, что будет в неопределенные сроки. От Евгения Петровича по случаю получили письмо от 22 февраля; он, кажется, получил, наконец, ваше письмо. Он ожидает денег от брата своего и писал к гражданскому губернатору, просил его из числа ожидаемых денег отделить 250 р. и доставить вам. А жену мою просил осведомляться, будут ли они вам доставлены. Жена моя была в городе и знает, что их еще нет в получении.

Пожелав вам доброго здоровья, имею честь быть, милостивый государь,

ваш покорный слуга *С. Трубецкой.*

3 марта 1840 г.
Оек.

Артамон Захарович чуть не умер, и теперь еще лежит больной в Урике.

V.

Получено 2 августа.

Любезнейший и почтенный друг, Александр Лукич! Давно, и очень давно не беседовал с вами, а от вас, после последнего вашего письма от 1 февраля, решительно не получил ни одной строчки. Я уверен, что по получении посланных вам мною денег 250 руб. вы мне писали, но это письмо ваше затерялось и не достигло своего назначения. Душевно рад, что деньги дошли до вас, хотя позднее, нежели я ожидал, но доставили вам средства прожить, хотя с нуждою, до будущего урожая. Наши хлеба нас здесь радуют:—несколько дождей исправили в скором времени засушливую весну. Теперь и травы и хлеб идут быстро вперед и дают надежду на безбедное продовольствие нашей волости, которая находилась на последней степени истощения.

О себе могу вам сказать, что 5-го мая я отправил письма к родным с просьбою о переводе моем в Туринск; если на это будет милостивое решение, то к концу августа или в сентябре я могу ожидать решительного ответа, и тогда останусь или постоянным жильцом Етанцы, или проездом через Иркутск буду в надежде вас увидеть, мой добрый и почтенный друг. Это свидание будет мне отрадно; может быть, оно будет последним в этой жизни, но будет исполнено тех чувств, которые, таясь в глубине души, проявляются в свое время и оставляют глубокие впечатления, но это—еще впереди и бог знает, сбудется ли или нет. Вообразите, что по странному стечению обстоятельств Пущин писал к сестре, что его здоровье требовало бы советов и помощи доктора Вольфа. Сестра его, вероятно, будет хлопотать о перемещении брата поблизости Иркутска;—если это исполнится, то мы оба встретимся на пути, чтобы растаться. Я не скорблю о моей просьбе, не зная, что я ее отдал на произвол всевышнего, который устроит к лучшему наши внешние дела и отношения. Буду огорчен о разлуке моей с другом и об одиночестве меня ожидающем, но, по крайней мере, воспользуюсь годовою опытностью нашей поселенческой жизни, чтобы жить лучше нынешнего во всех отношениях. А о своем хозяйстве скажу вам, что я поднял десятин пять залежи тридцатилетней под посев ржи. Вот пока все, что я мог сделать; дома я не строил, а приютился кой-как в наемной квартире и живу до времени решения моей участи. Из весеннего посева, одна ярица обещает вознаградить за труды; овес, пшеница и ячмень заросли лебедой и повелицей и не дают надежды никакой. Остальное хозяйство не в должном порядке. Когда двор и дом не свой, то ничего не прибирается к месту и ничего не бывает в порядке. Вот вам отчет о внешней жизни. О домашних сношениях скажу вам, что они большею частию утешительны. Сестры счастливы в детях и в самих себе. Внутренняя красота отразилась и во внешних поступках: все, что близко коснулось к ним, принесло впечатление добра, и оттого семьи их растут во славу божию.

Вот все, что скажу вам в коротком моем письме. Простите и помните вас любящаго

Евгения Оболенского.

24-го июня 1840 года.

VI.

Получено 9 сентября.

Любезный и почтенный друг, Александр Лукич!

Давно ожидаемое мною от вас письмо, о неполучении коего я уже вас уведомлял, наконец, достигло своего назначения:—вами оно писано

19-го марта, а мною получено 20-го июля, вероятно, задержка произошла от какой-нибудь ошибки, которая везде может встретиться.—Благодарю вас за слово любви, которое так утешительно, что невольно слеза пробьется, согретая тем чувством, которым дышат ваши добрые строки.—Последнее мое письмо к вам было сопровождено двумя книгами, о которых я не упомянул в письме по какой-то поспешности и хлопотливости, неизбежной в нашей жизни, более суетной, нежели истинной.—Две книги Муравьева, давно вам обещанные и давно уже мною полученные, оставались у меня без отсылки и ждали той минуты, когда я их отправлю к вам. — Извините замедление, которое отдалило удовольствие, которое вы будете иметь, прочтя книги, достойные внимания и любви к творцу их;—о себе не могу вам сообщить много утешительного:—вся жизнь проходит в борьбе, как и должна проходить, в ней укрепляются силы души и ею мы мужаем, если можно так выразиться; но если в ней слабеешь, если дашь противнику малую поверхность, то, пользуясь слабостию, он усиливает свои нападения и готов низложить, если скорая помощь не восстановит равенства сил и не возобновит скоро исчезающую бодрость. Вот, почтенный друг, что происходит в тайнике нашем, невидимо от взоров человеческих.— Об остальном что и говорить, или что вам сказать, не знаю.—В домашнем быту отчасти я доволен, а отчасти нахожу и противное чувство:—многое облегчается в моей жизни теми, которые при мне; во многом однако-ж нахожу и препятствия к той жизни, которая меня бы примиряла с самим собою и давала тот простор и ту свободу, которую душа желает.—Но вообще более хорошего, нежели дурного.—В хозяйстве моем ничего нет постоянного, а в том виде, в каком бы оно могло представиться, если бы я имел свой дом и вместе с тем уверенность, что моя будущность утверждена на долго в здешнем краю.—Без этих необходимых условий всякого улучшения хозяйственного, все в моем доме имеет вид временного, квартирного жительства, с некоторою мыслию на постоянное водворение в будущем.—Таким образом, вы увидите у меня 6 десятин земли поднятой из 30-ти летней залежи и готовой под засев:—это знак водворения;—вы увидите лес, заготовленный на избу, и это знак водворения; но самого хозяина и пашни и лесу вы увидите беспечного, не приложившего сердца своего ни к пашне, ни к лесу и готового оставить и землю и людей, чтобы перейти в другое место, с некоторою скорбью, без которой обойтись нельзя; но с такою, которая сносна и не оставляет по себе других следов:—впрочем, если мое перемещение не найдет удовлетворительного отзыва, то я буду доволен и теми началами водворения, которые уже мною сделаны, и самим местом поселения, где находится много привлекательного в хозяйственном отношении и, может быть, даже в пользу тех, с которыми я ныне одноволостянин.—О нынешнем урожае весеннего хлеба не могу еще ничего сказать положительного:—по неопытности я купил земли невыгодные и потому вопреки благословенных дождей, коими господь окроплял наши поля, ярица у меня вышла мелкоколосная и мелконалитая; овес не взошел, но заглушен травою; пшеница и ячмень также не представляют больших надежд на богатый урожай:—хотя все эти хлеба были посеяны в малом количестве, в виде опыта, а еще более для семян, и сожалею о пропадшем зерне.—Огород в плохом положении: на чужом поле и не под глазами. Вот, любезный друг, краткий очерк моего домашнего быта:—по сношениям с родственниками я более получаю утешений, нежели мог и должен бы ожидать, но слава богу, вложившему в сердца сестер и братьев обильный источник любви, из которого они щедро меня наделяют.—Давно мне хочется сообщить вам довольно странное явление в болезни сестры Наташи, вышедшей замуж в начале прошедшего года за вдовца князя Оболенского:—вы помните продолжительную ее болезнь, которая затихла после двух курсов

карлсбадских вод;—после свадьбы, через два или три месяца, болезнь сестры возобновилась с прежними припадками; но замечательное явление в ее болезни есть сон необыкновенного свойства, который, приходя к ней ежедневно в одном и том же времени и продолжаясь не более часа, облегчает и болезнь на целый день и делает ее способною ко всему:—этот сон приходит ей, когда муж подержит ей руки в продолжение пяти или десяти минут;—во время этого сна она говорит, молится, благодарит бога, отвечает на вопросы мужа о причинах нынешнего ее расстройства; наконец, наяву и во сне об'явила, что она отказывается от лекарств всякого рода, а предвестила, что если бы она стала принимать лекарства, то эти снадобья ее уморят.—Когда сестра расстроится в продолжение дня какими-нибудь неважными домашними огорчениями, то благодетельный сон посещает ее вторично, и вторично успокаивает.—Вот, почтенный друг, явление, которое вы можете приписать чему хотите, но оно не стоит в ряду обыкновенных болезней:—по действиям этот сон должно отнести к явлениям магнетизма; но, по словам мужа, он не магнетизировал сестру;—следовательно, это какой-то естественный магнетизм, которым обладает мой зять и который действует благотворно для сестры. Извините, что я вас заставил прочесть статью о магнетизме, но признаюсь, желал сообщить вам не баснословные предания, но явление истинное, которое всегда полезно и приятно знать.

К концу письма перейду к статье о деньгах: вы пишете, что получили сто пятьдесят рублей при моем письме от февраля месяца.—Благотворительная рука, вложившая в мое письмо эти деньги, много обязала и вас и меня:—если бы не это благодетельное пособие, то вы бы оставались без денег до мая месяца:—по стечению обстоятельств брат опоздал высылкою и я насилу дождался денег, весьма мне нужных;—между тем, согласно с моею просьбою его превосходительству г. гражданскому губернатору, при получении моих денег в Иркутске, отделили от них 250 руб. для передачи вам,—это обстоятельство заставляет меня думать, что недополученные вами сто руб. переданы вам в мае месяце; сделайте одолжение, уведомьте меня и о получении и о неполучении.—О Пушкине скажу вам, что он переведен в Тобольск, откуда я еще не имел от него известий:—вероятно вы это уже знаете, равно как и то, что Беляевы и Киреев на Кавказе.—Затем прощусь с вами, почтенный и добрый друг; мир божий да услаждает вашу жизнь, молитва да укрепляет вас, а благословение божие да возрастит и умножит то, что вами посеяно, и даст успех вашим посильным трудам.—Ваш верный друг,

Евгений Оболенский.

26 июля 1840 года.

VII

Любезнейший друг Александр Лукич!

Не стану извиняться перед вами в долгом моем молчании и в замедлении моего ответа на последнее ваше письмо, которое я уже давно получил, но молчал с вами потому, что нечего было вам сказать приятного о себе. Вы спрашиваете меня о моем переселении отсюда; но доселе я еще не могу сказать ничего положительного о сем важном для меня деле;—оно затянулось, запуталось и какой-то странный приняло вид, которым нельзя положительно сказать, здесь ли я останусь на Етанце, или перееду поближе к вам, к Иркутску. В последнем заключается мое сердечное желание: около вас мне хочется встретиться с Пущиным, и не

расставаться, доколе господь не разделит судьбы нашей с ним. В конце марта надеюсь получить решительный отзыв, о котором вы будете извещены или личным моим прибытием к вам, или письмом. Первое было бы для меня приятнее. Душевно желаю вас видеть в вашей мирной хате, мирно побеседовать с вами и отчасти отвести душу после долгого молчания, или беседы с самим собою, которая не всегда бывает сопряжена с теми мирными ощущениями, которые дают ответ душе, борющейся со всем тем, что ей препятствует на том пути, которым она желает выходить. Вы сами знаете и все трудности и всю легкость пути, которым мы должны итти, а потому согласитесь со мною, что в том и другом единым истинным путеводителем и помощником может быть господь: он побеждает и отстраняет препятствия; он же есть и веселие и отрада для утомленного путника; но при всем том, вы сами знаете, как легко при нашей неверности потерять того, которого мы обретаем, при едином сердечном воззвании.—Но, что я вам говорю, любезнейший Александр Лукич, как старец, вам уже не предстоит того, что вы уже пережили. По воспоминанию вы знаете, что с вами было, а теперь господь, по благости своей, вам даровал, может быть, мир и тишину, которые так отрадны. Впрочем, не думайте, чтобы я душою роптал: нет, если я скорблю, то единственно о самом себе, а радуюсь о господе. Оставим это. Недавно я получил известие о вашем бракосочетании; признаюсь вам, первая весть об этом меня так удивила, что я не мог увериться, точно ли я прочел верно то, что мне писали. Не оскорбитесь моими словами;— я вам это говорю только потому, что первое впечатление, действительно, не могло быть другое, как вы вероятно сами убедитесь: размышление показало мне и вероятность и возможность вашего брака. Душевно желаю, чтобы узы, которыми вы ныне соединены, послужили вам к мирному и безмятежному провождению тех дней, которыми господь вас благословит. Если же известие, мне сообщенное, не верно, то вы извините меня, что я вас поздравляю с тем, что до вас не касается: не нужно мне вам об'яснять, что, зная вашу беспомощность во всех отношениях, вам нужна рука такой помощницы, которую вы бы могли назвать своею; вот почему я верил и верю, что вы могли вступить во второй брак, лишившись надежды увидеть вашу первую жену. Вот мое предположение и вот мое извинение пред вами в том, что я, не ожидая личного вашего извещения, поздравляю вас с таким событием, которое я должен бы слышать от вас прежде, нежели самому о нем вам говорить. Впрочем, я вам этим даю право мне отплатить тем же, если когда-нибудь узнаете о моей свадьбе, о которой, впрочем, доселе нет никакого слуха. Затем, пожав вам дружески руку, с любовию останусь вам преданный

Евгений Оболенский.

Февраля, 1-го дня 1841 года.

VIII

Прощаюсь с вами, любезнейший мой Александр Лукич; сегодня еду в Урик, завтра в город, а оттуда 10-го числа в дальний путь.

Грустно мне расстаться с вами навсегда, невольно вздохнешь и скажешь—зачем разлучаться, зачем терпеть эту скорбь, но мы—странники и потому не можем постоянно пребывать на одном месте.—Я вас оставляю в болезни, бедности и в старости—вот ваши три спутника и ни одного из них не могу сменить и заступить его место, чтобы хотя немного дать вам отдохнуть от скорби;— надежды на казенные деньги не осуществились. Исправник в Тунке; его не могли найти в городе:—говорят,

что он всем разослал уже деньги и, если вы не были в числе получивших, то нечего об этом и думать.—Итак, одна ваша надежда — помощь божия, которая не оскудеет и в свое время посетит вас:—ей предоставляю вас, любезный друг, и с надеждою на него уезжаю отсюда.—Если мне не суждено облегчить теперь бремя, которое на вас лежит и тяготеет, то видно, что господь избрал для этого другого, который лучше меня это исполнит.—От руки добрых людей получил для вас: две рубахи, подштаники, чекмень, панталоны, две пары сапог и простыню.—Я вам посылаю табаку 4 фунта в напутиях и турецкого для смешения, вещи вам пригодятся.—Уксус от Сергея Петровича будет вам доставлен.—Домашний ему не удался, он достанет у соседей и вам пошлет.—Не осудите, что долго медлил с табаком:—разные случаи препятствовали исполнению желания. Итак, обниму вас, милый и добрый во Христе друг;—в нем вас люблю и буду любить, обнимаю вашу Ксению.—Любите меня и не забывайте того, который вас не забудет. Преданный

Евгений Оболенский.

Января 7-го 1842 года.

Милостивому государю, Александру Лукичу Кучевскому в Тугутуй, при сем тюк.

IX

Милостивый государь, Александр Лукич!

На полученное мною сегодня письмо ваше, в котором вы описываете весь ужас вашего положения, не имею лучшего ответа сделать, как принять меры для облегчения вашего состояния, сколько то в моей силе. И потому первые слова мои будут о том, какие к этой цели сделаны распоряжения. С подателем сего, крестьянином Устюговым голова посылает письменное приказание своему брату доставить вам 20 пудов ржаной и 10 пудов пшеничной муки, купить 5 саженей дров с вывозкою их к вам на двор; нанять человека, который привозил бы вам ежедневно потребное на сутки количество воды. Вручено Устюгову для доставления вам: 1 ф. чаю, 5 ф. сахару, 1 бутылка уксуса и 1 ф. масла орехового, 70 омулей соленых, 5 богульдейских, 1 большой и 1 харюз и 5 ф. соли. Если посылка моя бедна, то в этом винить не волю мою, а недостаток на это время средств. Этим, по крайности, главнейшие ваши нужды, хотя на малое время, будут удовлетворены, а между тем, я надеюсь получить средства доставить вам вновь, что будет нужно, и удовлетворить другим вашим потребностям. Из вашего письма я вижу, что вы вчера еще не получили записки, посланной мною вам неделю тому назад о мерах, какие вы должны предпринять для получения перемещения. Эта записка послана была с куядским крестьянином, и голова принял меры для отыскания ее и немедленного доставления вам. Здесь повторю, что вы не худо сделаете, если сами напишете к майору, препровождая бернский жандармский штаб-офицер дал мне слово доставить ваше письмо и ходатайствовать о вашем переводе. Ранее по этому предмету я не мог сделать исполнения; нужно было лично видеться с теми, кто в этом случае могли оказать содействие. Чтоб не было остановки за бумагою, посылаю вам несколько листов простой и почтовой. Я полагаю, что вы не худо сделаете, если сами напишете к майору, препровождая к нему письмо к генералу или, по крайней мере, ко мне такое письмо, которое я мог бы майору переслать. Я не сомневаюсь, что майор подвигнет генерала взять на себя перевод ваш, основываясь на том, что вы осуждены не верховным уголовным судом. В противном случае пойдет представление о вашем переводе и, следовательно, не скоро можно будет

ожидать решения. Прошу вас уведомить меня при первой возможности, все ли будет исполнено по распоряжению головы. Имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

С. Трубецкой.

9-го декабря 1843 г. Оек.

X

Милостивый государь, Александр Лукич!

Посылаю некоторые из нужных вам вещей, для одежды маленького и матери его, табаку и бумаги писчей. Денег прилагаю в сем письме 25 рублей. Прошу вас извинить, что посылка моя бедная, но я не в состоянии послать более. Должен был занять как на этот предмет, так и на собственные надобности. Сукна купить сам в городе не успел, а просил доставить и надеюсь получить сегодня, но не хочу задерживать далее посылаемое, но как получу, то не замедлю доставить, только уже после первых дней праздника.—Письма ваши Сергею Григорьевичу и к Марье Николаевне вручены лично первому. Артамон Захарович читал ваши большие письма и намерен подать вам руку помощи. Но теперь он болен жабою в горле. Прошу вас уведомить меня, исполнено ли по моему распоряжению и доставлены ли вам мука и дрова, сколько именно дров и какой муки какое количество, также, привозится ли ежедневно достаточное вам количество воды. По случаю желания вашего переселиться в Щукино или Могилево (Глазково то-ж) я по собранным сведениям должен известить вас, что вам чрезвычайно трудно будет найти в этих деревнях пристанище, доколе вы не будете иметь собственнаго жилища. Обзаведение ваше потребует много времени и порядочного количества денег. На скорую помощь выдачи от казны вы не можете надеяться, потому что, как я вчера узнал, только после праздников собираются сделать представление в Петербург о выдаче за текущий 1843 год и об ассигновании на то сумм. Наша помощь, даже и совокупная, не может быть достаточна для пополнения всех издержек перемещения вашего. Я долгом поставляю представить все эти обстоятельства на рассуждение ваше, тем более, что молчание мое о сем предмете, могло бы ввести вас в ошибочные расчеты и поставить в обстоятельства еще труднейшие тех, в которых вы теперь находитесь. С желанием моим всех благ вам и новорожденному имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

Сергий Трубецкой.

24-го декабря 1843. Сл. Оек.

XI

Милостивый государь, Александр Лукич!

Вам известны обстоятельства, заставившие меня отложить ответом на письмо ваше от 6-го января. При том я еще откладывал в ожидании, что обстоятельства мои сколько-нибудь поправятся и подадут возможность оказать вам хотя небольшую денежную помощь. Но я обманулся в своих ожиданиях. Четыре месяца живу, занимая по самым мелким суммам для удовлетворения потребностей, необходимых довольно значительного семейства. Из этого признания вы усматриваете уже, что ответ мой на требование ваше должен быть повторением сказанного уже мною. К прискорбию моему я должен еще раз сказать, что не могу обнадежить вас моею помощию в случае переселения и доставить вам средства к основанию предполагаемого вами обзаведения.

Я вполне постигаю все ваши бедствия, но что же мне делать, когда не имею средств прекратить их. Могу ли обещать вам что-нибудь положительное, когда не имею возможности предвидеть, в состоянии ли буду исполнить свое обещание. Доходы мои так неверны, что я заранее не могу делать никакого предположения, а капитала я не имею. Постоянный недостаток в деньгах есть недуг, которым страждут все те лица, на которых вы полагаете вашу надежду. Вы провели с нами 10 лет в Чите и Петровском заводе; вы знаете, что многие из нас не имеют средств сами собою существовать, положение же наше лишает всякой возможности снискать себе пропитание посильными трудами. Все таковые требуют вспоможения. Приезд сенатора и жандармского окружного начальника подают надежду, что разрешены будут средства существования, доселе бывшие нам недоступными. Не упускайте этого случая, обратитесь, как уже и прежде я вам указывал, к г. губернскому штабофицеру, об'ясните свои нужды и просите того, что может подать вам надежду улучшить ваше положение. Между тем я охотно берусь снабжать вас по возможности на теперешнем месте вашего жительства и потому прошу вас написать ко мне, что и в каком количестве вам нужно ежемесячно. Знаю, что это письмо вас не удовлетворит. Знаю, что оно, к несчастию, не изменит вашего положения; но я должен был показать вам вещи в действительном их положении, и не обманывать вас надеждами, которых исполнение не в моей власти. При желании вам и семейству вашему доброго здоровья, имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

С. Трубецкой.

20-го февраля 1844 г. Оек.

При сем посылается полпуда свежей рыбы, 10 ф. свеч сальных и мешок с некоторыми вещами, оставшимися от покойного Федора Федоровича, на которые вы найдете употребление: таз медный, два подсвечника и с'емы.

XII.

Давно, давно не писал к вам, мой любезный Александр Лукич. Хотелось что-нибудь послать, но собственные недостатки не допускали и теперь бы не имел чем поделиться из иждиваемого мною, если бы сам небесный распорядитель, которому принадлежат все и все, не представил мне указания послать вам пятьдесят рублей ассигнациями. А потому и примите их не как от меня, но от него, заботящегося о всех, а особенно о душах, через веру ему принадлежащих. Давно ничего не знаю о вас, мой любезный, но уповаю, что господь вас никогда не оставит и во всех состояниях сохранит залог жизни во всех, кому он дал. Что же сказать вам о сбее—право ничего нет доброго, а греховного много и даже тяжело греховного. Но и что же тут удивительного: земля всегда земля и прах всегда прах. Но господь всегда и везде тот же, Он так же свят, правосуден и милосерд. Милосердие ли его, или правосудие прославится и в отношении моей грешной души. Я должен быть равно доволен, говорю должен, потому что не чувствую еще в себе этой бескорыстной готовности принимать одинаково волю божию во всех ее направлениях. Понимаю, что так надобно любить господа, и между тем люблю только свое я мерзкое и грешное.

Брат мой все в одном положении, но тих и спокоен и за сие слава богу. 75-летний старик мой батюшка еще жив, а матушка еще скончалась в 37-м году. 4 брата продолжают служить—один по болезни, похожей на болезнь здешнего брата Николая, года три живет в отставке дома и единственная оставшаяся сестра девица успокаивает теперь отца

старика. Затем прощайте, мой возлюбленный Александр Лукич. Христос с вами, обнимаю вас целованием веры и поручаю себя вашей любви и молитве, остаюсь много любящий вас

П. Б. Пушкин.

1845. Марта 7-го дня. Тобольск.

О Беляевых, Крюкове Н. и Кирееве давно ничего не знаю. Оболенский живет тою же жизнию в Ялуторовске. Петр Николаевич Свистунов, который стал мне близок по вере, вам кланяется.

XIII.

Милостивый государь, Александр Лукич!

Из письма вашего от 31 марта я вижу, что вы действительно ничего не поняли из переданного вам от меня Осиповым, ибо заключаете, что я требую от вас услуги, которой вы не в силах мне оказать. Дело было следующее:—Я на-днях перевожу семейство мое в город, дом мой остается почти пуст, вы давно желали избавиться Тугутуя, о чем много раз ко мне писали и требовали моего содействия, но оно было такого рода, что превозмогало мои способы. Нынешний случай давал мне средства без всякой просьбы с вашей стороны к начальству, успокоить вас жилищем, прислугою и содержанием, в замен чего получил бы я от вас ту услугу, что на время моего отсутствия, дом мой не оставался бы без хозяина. Услышав от Осипова, что он едет в Тугутуй, я поручил ему предварительно спросить вас, у г о д н о л и в а м б у д е т п е р е е х а т ь ж и т ь в О е к? К этому простому вопросу он, как видно, прибавил свои рассуждения и предположения, которые дали вам ложное понятие о моем намерении. Неосторожность, сделанная мною поручить словесный, хотя и бесьма простой вопрос уму необразованному к понятию простых вещей, заставляет меня об'яснять вам теперь то, о чем я хотел писать тогда, когда узнал бы, что вы согласны переехать в Оек. Я надеюсь, что изложенное оправдает меня перед вами и удостоверит вас, что я не имел в виду сделать из вас для себя работника, а думал по мере моих сил сделать вам приятное. Прошу вас простить мне мою ошибку, и имею честь быть, милостивый государь, ваш покорный слуга

Сергий Трубецкой.

5-го апреля 1845. Оек.

XIV.

Давно ничего не знаю о вашем житье-бытье, любезный Александр Лукич! Давно и сам не писал к вам. Последнее письмо ваше, в ответ на мое, получил еще в начале лета при выздровлении от тяжкой болезни, которая едва не сделалась последнею. Что же сообщить вам о себе: с прибавлением лет чаще посещают и хворости. А о сокровенном человеке не знаю, что и сказать вам; не знаю, умер ли он и проходит сень смертную—ничего не ведаю. О Евгении сообщу вам, что он женился в Ялуторовске на простой девушке и, как верует, не без указания божия Дай бог счастие этой доброй душе. По его распоряжению, посылаю вам 50 руб., примите и от моей скудости лепту. Всего вы получите семьдесят пять рублей, необходимых на ваши крайние нужды.

Христос с вами, мой любезный во Христе отец и брат. Обнимаю вас от всей души, поручаю себя вашим молитвам и, поздравляя с приближающимся великим праздником, остаюсь многолюбящий и почитающий вас слуга

Павел Бобрищев-Пушкин.

Марта 5, 1846. Тобольск.

XV.

Милостивый государь, Александр Лукич!

Я получил письмо ваше от 4-го сего месяца, в котором вы говорите о бедственном вашем положении и требуете моей помощи. Вы знаете, что в последней я вам не отказываю и всегда готов сделать, что могу по силам моим. Если я не удовлетворяю вполне вашим надобностям и не успеваю в моих намерениях оградить вас от той нищеты, которую вы часто терпите, то позвольте вам сказать, что вы сами тому главным препятствием. На 70-верстном расстоянии я имею от вас сведение только тогда, когда получаю от вас письма; я не имею средств чаще иметь о вас известие. Есть множество мелочных нужд ваших, которых я удовлетворить не могу, но которые, между тем, составляют важное лишение. Вы целые три года приступали ко мне, чтобы я избавил вас Тугутуя, тогда, когда это не зависело от меня; когда же я мог дать вам убежище в собственном моем доме, где вы могли иметь прислугу, теплую горницу и где вы не имели бы случая терпеть голод, вы отказались принять мое предложение и обидели меня предположением, что я хочу сделать себе из вас слугу. Посылка в Тугутуй не всегда мне возможна, и доставление нужного вам сопряжено с затруднениями и излишними без малейшей для пользы вашей расходами. Теперь у меня в Оске хлеба нет, я должен купить в городе, чтобы послать к вам; одна пересылка будет стоить десять рублей... Кому из нас обоих эта излишняя трата полезна будет? Вы хотели, чтобы я послал вам корову, у меня тогда молочных не было, но если-б и были, то должно бы было послать и корму для нее, чего я не мог бы сделать, и корова осталась бы для вас бесполезною. При первой возможности я доставлю вам, что можно будет, но каким образом доставлять вам мясо и рыбу в течение лета, я средств не придумаю; те, к которым я прежде прибегал, оказались для вас неудобны. Извините, что я вам решился сказать истину, что вы сами препятствовали улучшению вашего положения, особенно в течение последнего года. Если вы хотите, то я и теперь могу приютить вас в Оеке, но это не есть требование с моей стороны, и пользы для себя в переселении вашем я не ищу и никакой не вижу, но если повторяю предложение, то единственно потому, что полагаю, что положение ваше будет сноснее.
Ваш покорный слуга

С. Трубецкой.

6 мая 1846.

XVI.

Июля 13-го, 1846 года.

Любезный мой друг, Александр Лукич!

Отрадно мне было получить ваше письмо от 1-го мая; отрадно по любви, которая водила вашим пером,—той любви истинной, вечной, которая не ищет и не желает земного. Так, любезнейший друг, от души благодарю вас за доброе слово. В новом моем бытье оно дорого для меня, немногие смотрят на мою женитьбу с той точки зрения, с которой должно смотреть. Жизнь по вере—чудная, необ'ятная, об'емлющая и настоящее и грядущее, недостижимая человеческому рассуждению—чудная по глубине богатства и милосердия божия, открывающаяся всякому, ищущему спасения. По этой жизни чудной, непостижимой для ума, и женитьба и всякий шаг по вере освящаются истиною, которая дает всему и силу и свою священную печать. Отчасти скажу вам, что и мое супружество освятилось верою, слава богу, во всем и за все. Из

письма Пушкина вы могли видеть, что моя жена—не из высшего круга, но простая, безграмотная девица; честно и бескорыстно я искал ее руки. Она мне отдала себя так же честно и так же бескорыстно. Господь благословил нас обоих, и мы в житье мира и любви, в мире проводим дни. Этот шаг на 50-м году жизни был мною сделан не без сильной борьбы—тесно мне было отовсюду, но господь помог, и все кончилось благополучно. С 6 февраля нынешнего года я женат и не перестаю благодарить бога. Вот вам все, что могу сказать о себе и о жене. О будущем сообщу вам, если господь благословит нас и утешит. Я желал вычитать из вашего письма что-нибудь о вашей Ксении и о вашем сыне, но вы молчите. Из писем Трубецкого я мог видеть, что у вас в семействе все благополучно, но ваши занятия, ваши труды успешны ли—не знаю, но желал бы душевно, чтобы господь благословил вас и в этом отношении и дал вам пожать плоды многолетних ваших трудов и облегчение от болезней, которые всегда и во всем стесняли вас. Знаю, что вы во всем и за все благодарите промыслителя о нас, но дайте мне радоваться вашей радостью и знать вас в мире и тишине. Вы говорите мне спасибо за убогую мою лепту. Слава богу, что она достигла вас в час нужды. Не умею еще жить, любезнейший мой друг. Эта трудная наука не всегда уловима, и потому живу все попрежнему, как вы меня знавали в Петровском. Со временем, может быть, научусь жить, как должно, и буду хорошим домохозяином. Здесь, в городе, ничем нельзя заняться. Я полюбил хлебопашество и мог бы с пользою потрудиться над землею, но здесь это почти невозможно; притом всякое начало требует капитал, которого нет, а доходом своим ничего нельзя начать. Итак, все мои труды ограничиваются столярным мастерством, которым я в досужные часы занимаюсь. Затем кончу мое письмо к вам. Господь да благословит вас, любезнейший друг, всего лучшего вам желает вас любящий

Ев. Оболенский.

XVII.

1847 год. Получено 18 февраля в вечеру—

Милостивый государь, Александр Лукич! Письмо ваше от 31-го января я имел честь получить несколько дней тому назад. Оно дошло до меня нескоро, потому что прислано чрез волостное правление. Отвечать вам на него я случая не имел, а посылать нарочного из города стоит 30 рублей. Вы мне в этом письме, между прочим, отвечаете на записку, в которой я вас уведомлял, что если вам угодно получать двойное от правительства пособие, то вы должны теперь же написать о том к губернатору или исправнику, чтоб они могли внести вас в представление, которое будет подано на-днях г-ну генерал-губернатору. Вы меня в самых жарких выражениях благодарите за это уведомление и поручаете мне хлопотать о вас, сами же не пишете ни к тому, не к другому из лиц, мною назначенных. По прежним данным я действительно полагал, что оно так будет и что вы сами для себя не захотите сделать никакого шага. Но признаюсь, я не понимаю почему, когда вы сами для себя не хотите ничего сделать, то почему находите вы, что я обязан прилагать попечение о всех ваших нуждах. В теперешнем случае вы сами лишаете себя на текущий год 200 руб. лишнего дохода, что при ваших средствах, кажется, составляет значительное количество. Впрочем, это дело ваше, а не мое. В письме же вашем от 31-го января вы извещаете меня, что на февраль у вас нет никаких припасов ни даже дров. В полученном сей час мною чрез нарочного посланного вами от вчерашнего дня, вы подтверждаете, что у вас чаю нет, табаку нет, мяса нет, рыбы нет,

муки пшеничной нет, муки ржаной нет, свечей нет, жена и сын в лохмотьях. Признаюсь, я опять не понимаю, почему у вас этого ничего нет, когда я для того послал вам деньги, чтобы вы могли все припасы закупить (исключая табаку, чаю и сахара). Я именно просил вас не обременять меня закупкою для вас муки и прочего подобного, потому что я не имею никакой возможности вам это доставлять. Я не понимаю, каким образом вам неугодно нисколько войти в мои обстоятельства, а угодно заставлять меня делать именно то, от чего я прошу вас меня уволить. Сверх всего этого я должен вам сказать, что если ста рублей асс. вам едва стало на муку, мясо и дрова на шесть недель, то я не нахожу себя в состоянии оказывать вам впредь вспоможение. Я сам лично не имею никакого имущества, и то, что я уделяю вам, я должен брать у жены моей и детей, и вы не одни, которые требуете моего вспоможения. У меня есть товарищи, с которыми я обязан делиться, и которых я не могу оставить в нужде. Вы пишете также, что жена ваша и сын в лохмотьях; это я понял бы, если-б не высылал им на одежду в течение прошедшего года. Теперь я решительно не знаю, что могу для вас сделать. Все испытанные мною средства были без успеха, вас не удовлетворили, а мне наводили неприятности. Сначала я поручил доставлять вам все нужное для продовольствия вашего крестьянину, пользующемуся общим уважением в волости; после нескольких месяцев он вынужден был просить меня уволить его от этой обязанности, после того я просил голову, вы остались недовольны.

Потом, пока имел возможность, сам доставлял к вам, и, наконец, когда и эта возможность для меня прекратилась, я послал вам столько денег, что надеялся, что вы себя необходимым продовольствием обеспечите на несколько месяцев. И в этом ошибся.—Денег я теперь не имею и долго еще иметь не буду. Если вы хотите их иметь, то можете написать к исправнику, или даже к трактовому заседателю, чтоб он представил о выдаче вам вперед: генерал-губернатор часто разрешает такую выдачу. Пока мне прошу об этом не относиться потому, что я не могу говорить и просить вместо вас. Я уже не раз приготовлял для вас средства, которыми вы не пользовались, а собою я не могу представлять пред начальством ваше лицо. Вы сами это очень хорошо знаете, хотя поступаете, как-будто бы этого не знали. Я с вашим же посланным пишу к голове и прошу его снабдить вас 5-ю мешками ржаного и 1 мешком пшеничного запаса, 2-мя саженями дров и, если он может, некоторым количеством рыбы соленой. Отсюда посылаю 2 фу чаю 6 фу сахару 2 фу табаку и 15 ф. рыбы свежей и 30 свеч. Чаю, сахару и табаку пришлю еще к пасхе, а муки вам станет на 2 месяца, и если к тому времени получите деньги, то распорядитесь запастись оною, если же не получите, (что я буду знать), то я сделаю подобное нынешнему распоряжению.—Письмо мое будет вам неприятно, но мне невозможно было сделать его инаковым. Прошу вас оставить его без ответа.—Имею честь быть ваш покорный слуга

16 февраля 1847 г. Иркутск.

Сергий Трубецкой.

XVIII.

Получено 23 октября, после полудня.

29 сентября 1847.

Милостивый государь, Александр Лукич!

Получив письмо ваше, я занялся отправкою вам потребных вещей и не имел достаточно времени отвечать на вопрос ваш об Артамоне Захаровиче. К общему нашему прискорбию, этот добрый человек окон-

чил жизнь свою 5-го числа прошлого ноября, после пятинедельных тягостных страданий, происшедших от сильного ушиба и излома двух ребер, повреждения лопатки, и все это от падения с изломавшихся дрожек. Он скончался на моих руках в полной памяти и с полным сознанием, ожидая нетерпеливо последней минуты; и во все время своей болезни утвердительно говорил, что она—последняя и он более не встанет. Тело его положено в Большой Разводной, возле А. П. Юшневского, с которым он последние годы жил рядом. Таким образом, ему не удалось исполнить своего намерения—посетить вас.

Недостатки, которые вы терпели последним летом, требуют с моей стороны некоторого об'яснения. Не имея, как вам известно, возможности снабжать вас хлебом из города и не имея его в Оеке, где у меня остается только сторож для охранения дома, и имея только одного знакомого в Тугутуе, Щетинина, я было решился просить опять его снабжать вас, но ваш отец Иван, между тем, заехал ко мне и предложил мне доставлять вам хлеб, о чем я тогда к вам и писал, и потом однажды заплатил ему за доставленное, по вашей записке. Но с тех пор я отца Ивана более не видел и не ожидал, что он прекратил вам доставление, полагал только, что он не имел времени быть в городе, и все ожидал его приезда для посылки вам чаю и проч. С моей стороны это было упущение, которого я себе не прощаю. Теперь некоторые из ваших потребностей последней посылкой удовлетворены, как, напр., белье, а прочее, что нужно, по возможности не в продолжительном времени доставлено будет; напишите, что нужно, а я доставлю, что могу. Только хлебом постарайтесь запастись, потому что я решительно его доставлять не могу.

Голова доставил мне ваше уведомление о получении посланных вещей и записку о термометре, который также будет доставлен, потому что скоро их привезут.

Имею честь быть ваш покорный слуга

С. Трубецкой.

XIX.

Давно ожидал я от вас известия и наконец просил протоиерея, у которого останавливается отец Иван, чтоб он попросил его заехать ко мне, когда будет в городе. Я не знаю, доставлено ли было к вам посланное мною, потому что уведомления от вас не получал, а голова у меня давно не бывал и ни чрез кого не имел о вас никаких сведений. Посланный ваш доставит вам 6-ть фунт. чаю фамильного, 12 фу. (целую головку) белого сахара, 5 фу. леденцу;—6 картузов табаку и полстопы писчей бумаги. Термометра не мог вам послать, сам для себя ожидал привоза их, потому что прошлогодних не было, и дождался, но когда в лавке раскупорили, то нашли, что все поломались, и я не знаю, где достать, в других лавках спрашивал и не нашел. Желаю вам с семейством доброго здоровья.

Трубецкой.

Оболенский недавно писал ко мне и спрашивал о вас. Знаете ли вы, что он женат два года, была дочь, но полугодовая померла? После нового года у нас еще скончался брат Александра Викторовича Поджио.

27-го января 1848 г.

М. Муравьев.

Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты.

Около 1820 г. у Пестеля оформилась мысль о республике и о переходной к ней стадии — временном правительстве.

Вопрос этот обсуждался на с'езде южан в Киеве во время контрактов 1823 года.

Предполагалось вооруженное восстание начать одновременно Северному и Южному обществам и в столице обнародовать отречение высочайших особ от престола и учреждение временного правительства [1]).

По плану Пестеля, временное правительство должно было состоять из директоров тайного общества, само общество должно было продолжать свое существование во все время деятельности временного правительства, т.-е. от 8 до 10 лет, «чтобы создать новое политическое мнение насчет нового порядка вещей», должностных лиц предполагалось назначить только из членов тайного общества [2]).

Временное правительство должно было ввести в России республику в той форме, как она изложена в «Русской Правде», и последняя являлась наказом или наставлением верховному правлению для его действий [3]).

По этому плану—«Пестель садился в директорию», как выразился М. Муравьев-Апостол [4]), а этого не желали некоторые члены Южного общества, отчасти по причинам чисто приниципиальным, отчасти потому, что видели в Пестеле человека жестокого и властолюбивого; об этом у Васильковской управы был разговор с Трубецким, и последний в этом смысле делал доклад Рылееву. Северное же общество еще до этого стало относиться к Пестелю с недоверием, видело в нем «хитрого властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте», и Трубецкому, переведенному в Киев, было поручено наблюдать за Пестелем [5]).

В Южном обществе мыслителем был Пестель, энтузиастами—С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, в Северном обществе мыслителем был Никита Муравьев, энтузиастом—Рылеев; и в том и

в другом влияние понемногу переходило от мозга к душе, мысль претворялась в действие, и поспешнее, нежели это допускало теоретическое построение; недаром Пестель говорил о Сергее Муравьеве-Апостоле: «Муравьев—скор».

В то время, как Тульчинская и Каменская управы занимались теорией конституции, Васильковская подготовляла солдат, увеличивала число своих членов, и неудивительно, поэтому, что С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, независимо от Пестеля, составляли план переворота и, несомненно, начали бы действовать, если бы государь появился в лагере.

В этом отношении у С. Муравьева-Апостола и Пестеля было постоянное несогласие, но во избежание всяких споров Муравьев поступал просто: вырабатывал план и извещал Пестеля о возможном начале действия. Так, Муравьев, после того как северяне отвергли «Русскую Правду», убеждал Трубецкого воздействовать на Северное общество, чтобы они оставили пустые споры о форме конституции, и предлагал, в случае успеха революции, временное правление вручить Северному обществу, а для выработки конституции составить особый Комитет и его проект послать на одобрение западно-европейских авторитетов [6]).

Таким путем не только Пестель, но и его многолетний научный труд отодвигались на второй план.

С Никитою Муравьевым у Пестеля тоже существовали важные принципиальные разногласия.

«Конституция» Никиты Муравьева предполагала конституционную, федеративную монархию, а «Русская Правда»—республику с единой и сильной властью.

Энтузиасты смотрели на это практичнее.

Мнение С. Муравьева-Апостола мы уже привели, а Рылеев в своих показаниях говорил: «Мы в праве разрушить то правление, которое почитали неудобным для своего отечества, и потом тот государственный устав, который будет одобрен большинством членов обоих обществ, представить на рассмотрение Великого Собора, как проект. Насильно же введение оного я почитаю нарушением прав народа» [7]).

Что приступ революции надлежало произвести в Петербурге, «яко средоточии всех властей и правлений» [8]), на этом сходились все мнения; но Васильковская управа ждала удобного случая—приезда государя в Лещинский лагерь, а Северное общество, чувствуя себя неподготовленным и слабым, начало «приступ», вынужденное к тому обстоятельствами.

Диктаторство Трубецкого необходимо было только для действия переворота; в проектированном им манифесте говорилось, что «для управления государством до решения, какое последует от депутатского собрания, назначается временное правление из 2 или 3 лиц из известнейших особ государственного совета» [9]), ему вверялась

«вся верховная исполнительная власть, но отнюдь не законодательская и не судная».

Временному правлению по проекту манифеста поручалось:

1) Уравнение прав всех сословий.

2) Образование местных волостных, уездных, губернских и областных управлений.

3) Образование внутренней народной стражи.

4) Образование судной части с присяжными.

5) Уравнение рекрутской повинности между всеми сословиями.

6) Уничтожение постоянной армии.

7) Учреждение порядка избрания выборных в палату представителей народных, кои долженствуют утвердить на будущее время имеющий существовать порядок правления и государственное законоположение [10]).

В этом проекте видна спешность, недостаточная продуманность и даже несогласованность с основными взглядами декабристов на права народа. Так, по п. 7 на временное правительство возлагалось установление порядка избрания членов учредительного собрания (депутатов), а прочими пунктами поручалось выполнить ряд крупных органических реформ.

Из изложенного видно, что вопрос о временном правительстве, приниципиально давно уже предрешенный, теоретически не был разработан, но схема Пестеля в практическом отношении наиболее удачно разрешала вопрос.

Теперь перейдем к выяснению того, кого именно декабристы намеревались облечь временной правительственной властью.

В опубликованном во всеобщее сведение «донесении следственной комиссии» по интересующему нас вопросу нет ровно ничего, но в 1875 г. в «Русском Архиве» Бартенев опубликовал «приложение к докладу следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 г.», полученное им (с известной запиской Бенкендорфа 1821 г.) от наследников тайного советника М. М. Попова.

В этом «приложении» рассматриваются три вопроса:

1) Не имели ли влияния на действия и планы злоумышленников державы иностранные?

2) Не были ли с ними в сообществе люди значительные по сану своему или местам, ими в государстве занимаемым?

3) Какими средствами злоумышленники надеялись обольстить войско, народ и вообще найти себе пособников между непринадлежащими к их сообществам?

Комиссия не упоминала об этих обстоятельствах в опубликованном «донесении» из опасения, чтобы они, «сделавшись известными, могли бы обратиться в орудие зложелательства, дать повод к неосновательным толкам или быть причиною какого-либо, даже самого малейшего, волнения в умах непросвещенных, наипаче же в низших состояниях».

По второму вопросу комиссия отвечает, что «никто из значительных в России людей не имел ни малейшего участия в открытом заговоре, в том давно удостоверяют и единогласные показания допрошенных злоумышленников, и действия, и самая степень влияния над ними известных ныне их начальников, людей почти ничтожных».

Затем комиссия говорит, что руководители Северного общества, «замышляя учреждение временного правительства, назначили в оное членов государственного совета—адмирала Мордвинова и тайного советника Сперанского.—Но единственно потому, что первый, адмирал Мордвинов, часто в совете из'являл мнения, противные предложениям министерств, а второго, т.-е. Сперанского, считали «не врагом новостей», полагая также, что на него может влиять Батеньков, но последний говорил—«нет, Сперанского не надобно», и хотел сделать членами временного правительства—себя, архиепископа Филарета и адмирала Мордвинова, надеясь вскоре удалить Мордвинова, заместив его Сергеем Трубецким.

По «приложению», некоторые члены Южного общества упоминали о вице-адмирале Сенявине потому только, что, слыхав об его отставке, считали его в числе недовольных правительством. «Другие, здешние (т.-е. члены Северного общества) надеялись также на сенаторов Муравьева-Апостола, Баранова, а прежде и на покойного Столыпина, но почему особливо на двух последних (ибо первого они, конечно, мыслили увлечь посредством сыновей его), того никто из них не умел об'яснить» [11]).

После этой справки в официальном документе обратимся к свидетельствам современников и характеристикам лиц, намеченных во временное правительство декабристов, так как характеристики эти немало помогут освещению вопроса.

Обратимся сперва к «Автобиографическим запискам» А. Д. Боровкова, правителя дел следственной комиссии. Записки эти во многом противоречат архивным изысканиям П. Е. Щеголева, приводимым нами ниже.

В своих записках Боровков говорит, что «некоторые злоумышленники показывали, что надежды их на успех основывали они на содействии членов государственного совета графа Мордвинова, Сперанского и Киселева, бывшего тогда начальником штаба 2-й армии, и сенатора Баранова»—здесь уже разногласие в только-что нами цитированном «приложении»; далее он говорит, что «изыскание об отношении этих лиц к злоумышленному обществу было произведено с такою тайною, что даже чиновники не знали; я сам собственноручно писал производство и хранил у себя отдельно, не вводя в общее дело». Противоречие имен в «Автобиографических записках» и «приложении», составление которого себе приписывает Боровков, подрывает доверие к первым. Записки писались им в 1826 г. и, может быть, Боровкову изменила память.

В записках Боровков говорит, что «по точнейшем изыскании обнаружилось, что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлечения легковерных. Не думаю, чтобы об этом было известно подвергнувшимся без ведома их следствию» («Русск. Стар.», 1898 г., ноябрь, стр. 348).

Не только правительство, но и члены тайных обществ предполагали прикосновенными к их заговору лиц значительных. Так, Бобрищев-Пушкин I-й в своем «признании» говорит, что среди членов Южного общества не было уверенности, что Пестель являлся главным лицом в обществе, «думали, что, вероятно, есть кто-нибудь гораздо значительнее Пестеля».

М. Ф. Орлов показывал следственной комиссии, что мятежники «действовали отдельно от всякого внушения свыше и что, ежели были у них какие-либо покровители, то сии взошли с ними в сношение весьма поздно, после 27 ноября и даже после 12 декабря» [12]).

П. И. Пестеля следственная комиссия спрашивала, «не считали ли общества своими покровителями кого-либо из высших лиц в государственной службе, которые или знали о существовании оных, или по правилам и образу мыслей подавали надежду на содействие или же на одобрение намерений общества». Пестель отвечал:

— Я никого не знал и теперь не знаю такового лица из высших чинов в государственной службе; а ежели петербургский округ был с кем-нибудь из таковых лиц в сношении или получил на кого-нибудь надежду, то сие должно было случиться незадолго перед сим: ибо нам в южном округе не было ничего о том сообщено.

А когда во время переговоров с представителями Польского тайного общества в январе 1825 г. они задали ему тот же вопрос, он отвечал так же (Бороздин. «Показания Пестеля», стр. 115, 137).

Об адмирале Д. Н. Сенявине разговоры в тайном обществе были еще в 1820 г.,—по крайней мере 8 ноября 1820 г. он уже был осведомлен об этом и ездил к министру внутренних дел гр. Кочубею опровергать эти слухи [13]).

Видный декабрист М. А. фон-Визин в своих воспоминаниях говорит, что для временного правительства тайное общество имело в виду двух всеми уважаемых сановников, известных своим свободомыслием и патриотизмом—адмирала Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанского [14]).

И. И. Пущин дополняет сведения фон-Визина; он пишет, что 11-23 декабря 1825 г. на собрании у Рылеева было решено, что в случае успеха переворота сенат должен был назначить временным правительством: членов государственного совета Сперанского и Мордвинова и сенатора И. М. Муравьева-Апостола. При временном правительстве должен был находиться один избранный член тайного общества и неослабно следить за всеми действиями правительства [15]).

На собрании у Рылеева были лишь руководители общества, и принятое ими решение было рядовым членам общества просто предложено к исполнению и в силу партийной дисциплины было принято беспрекословно; так, мягкий по характеру, идеалист по убеждениям и юный по возрасту декабрист А. П. Беляев в свои «Воспоминания» занес: «Нам, энтузиастам, сказали, что во временное правление будут призваны всеми уважаемые люди, как-то Мордвинов, Сперанский и те из высших сановников, которых уважало общественное мнение. Конституцию предложили бы Константину, а при его отказе императрице Елизавете» [16]).

Как-то Рылеев говорил Каховскому о том, что Дума должна будет при перевороте на некоторое время удержать правление за собою, на что Каховский возражал, и тогда Рылеев ему ответил:

«Ты хочешь от аристократов чего доброго? Что, Мордвинова что ли сделать правителем? Пожалуйста, не мешайся, ты ничего более, как рядовой в обществе, да и от меня немного зависит; как определит Дума, так и будет» [17]).

Из этого видно, что о составе временного правительства на общем собрании суждений не было.

Что же касается до сказанных тогда слов Рылеева о Мордвинове, то они не согласуются, как мы это увидим ниже, с его взглядами на Мордвинова, и, надо думать, были им сказаны Каховскому, чтобы до поры до времени не обнаруживать лиц, намеченных Думою во временное правительство.

Из показаний Пестеля и Никиты Муравьева известно, что члены тайных обществ в конце 1825 г. сознавали себя и общественное мнение недостаточно подготовленными для близкого переворота, тем не менее южане намечали его на лето 1826 года.

О другом сроке, пока не подтвержденном иными свидетельствами, военный историк Михайловский-Данилевский в своих записках говорит, что ему «писали из Петербурга, что у заговорщиков найдены черные кольца с надписью 71, т.-е. семьдесят первого дня, считая от 1/13 января; это выходило 12/24 марта—день двадцатипятилетия вступления на престол Александра, которого все ожидали с великим нетерпением... Посему заключить должно, что этот день, всем столь желанный, был избран мятежниками для приведения в действие их умыслов. Вероятно, что тогда вспыхнуло бы везде пламя бунта, что смятение сделалось общим» [18]). И еще осенью 1825 года кременчугский городничий передавал Михайловскому-Данилевскому, «что ходят в народе какие-то глухие слухи, что будто бы в Петербурге не совсем покойно и что будто кроется что-то тайное, побудившее императора оставить столицу» [19]).

Но смерть императора Александра застала участников тайных обществ врасплох, многих его видных деятелей не было в Петербурге [20]), план не был выработан в деталях, общественное мнение и войска не были достаточно подготовлены.

На последних собраниях заговорщиков, происходивших 12/24 дек. у кн. Е. П. Оболенского и К. Ф. Рылеева, решено было во главе военного мятежа поставить М. Ф. Орлова, которого и пригласили эстафетою спешно приехать из Москвы; в случае, если бы он не явился, руководительство мятежом возлагалось на Трубецкого [21]), а последний хотя был и достойный человек, но не отвечал по характеру своему требованию обстановки [22]). Роли не были распределены, не было заблаговременно сделано должного сношения с Южным обществом [23]) и своими московскими и провинциальными единомышленниками; состав временного правительства был, вероятно, только намечен.

В этом всем надо видеть неуспех обоих мятежей и крушение надежд молодой России.

Здесь возникает важный вопрос: с ведома ли Мордвинова, Сперанского, Муравьева-Апостола, Ермолова намечались они в члены временного правительства?

Основанием к тому, что они были намечены, послужили их дарования, известность и либеральный образ мыслей, и, как мы увидим ниже, они, несомненно, о многом были осведомлены.

Декабрист фон-Визин в своих записках определенно говорит, что Н. С. Мордвинову и М. М. Сперанскому известно было существование тайного общества и сокровенная его цель, они знали лично некоторых членов и удостаивали их своим благорасположением [24]).

Относительно Н. С. Мордвинова в «Алфавите декабристов» занесено интересное показание поручика л.-гв. Измайловского полка Ивана Павловича Гудима: 15/27 декабря 1825 г. на квартире моряков Беляевых и Дивова (декабристов) он рассказывал, что слышал от своих однополчан Ильи и Василия Федоровичей Львовых, что член государственного совета Мордвинов, уезжая от отца их во дворец для присяги, говорил: «Может быть, я уже не возвращусь, ибо решил до конца жизни своей противиться сему избранию» (т.-е. избранию Николая Павловича) и, обращаясь к молодым Львовым, сказал: «теперь вы должны действовать» *). Беляевы этот рассказ Гудима подтверждали, а Львовы отрицали и говорили, что адмирал Мордвинов и не был у отца их между 27 ноября и 14 декабря [25]).

По французским источникам (донесение французского посла графа Ферронэ и чрезвычайного посла виконта Сен-При), на известное заседание государственного совета, только-что ознакомившегося с пакетом, на котором стояла надпись Александра I—«вскрыть после моей смерти», и собиравшегося присягать Николаю Павловичу, прибыл этот последний и приглашал членов совета присягнуть императору Константину I.—«Члены совета все еще оста-

---

*) В «приложении» к донесению следственной комиссии говорится, что Мордвинов сказал Львовым: «теперь не нам, а вам, господа, и гвардии должно действовать» (с. 436).

вались в нерешимости. Заговорил первым адмирал Мордвинов: «Господа,—сказал он,—коль скоро император Николай повелевает нам присягнуть на верность подданства императору Константину, наш долг—повиноваться. Но нужно, чтоб сам он был свидетелем этого акта подчинения его воле. Пусть же он идет с нами в церковь, и принесем перед ним требуемую им от нас присягу» [26]).

Это свидетельство французских дипломатов весьма знаменательно—словам Мордвинова придавали они значение—присягою Константину закреплялся отказ Николая, престол был вакантным, на это рассчитывали и декабристы.

Нет никакого основания не верить показанию Гудима, и совершенно понятно отрицание Львовых, которым, конечно, не хотелось быть замешанными в заговор. Слова Мордвинова молодым Львовым: «теперь вы должны действовать»,—показывают, что он был осведомлен о военной организации.

Мордвинов, незадолго до декабрьских событий вступивший в сношение с Рылеевым, как правителем дел Северо-Американской компании, всегда благоволил к нему, а Рылеев, ценивший его воззрения и гражданскую доблесть, посвятил ему свои «Думы», а в оде «Гражданское мужество» посвящает ему следующие строфы:

«Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней
В совете бодрствует Мордвинов...
Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в совете и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу» [27]).

Рылеев отмечает в этой оде общественное гражданское мужество Мордвинова, который, храня свободу души, является подпорой власти и народа, т.-е. олицетворял собою демократический идеал того времени.

В альманахе «Полярная Звезда» на 1823 г., издававшемся будущими декабристами К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым (Марлинским), был приложен портрет Мордвинова с четверостишием гр. Хвостова:

«Здесь кистью оживлен Мордвинов—друг людей.
В совете, на войне, в чертогах у царей
Он разумом своим и духом отличался—
Он правду говорить и делать не боялся».

Не только пылкая молодость, но и зрелая старость сходились в своих взглядах на Мордвинова.

По словам В. А. Бильбасова, Мордвинов «всегда во всем остается представителем культуры и гуманности» [28]), его смело высказываемые мнения А. С. Шишков называл «золотые голоса Мордвинова» и держал их у себя на столе в золотообрезном переплете; по свидетельству декабриста Н. И. Тургенева, «мнения» эти переписывались в сотнях экземпляров и ходили по рукам [29]), а гр. М. А. Корф (недружелюбно относившийся к Мордвинову) удостоверяет, что Мордвинов играл важную роль «особенно в 20-х годах, когда он был настоящим идеалом тогдашнего нового поколения» [30]).

Помимо деловых отношений с Рылеевым, у Мордвинова были такие же отношения и с Н. И. Тургеневым, который с 1816 г. был статс-секретарем департамента экономии в государственном совете, Мордвинов же был председателем этого департамента и в 1818 г. обратил внимание на книгу Тургенева «Опыт теории налогов» [31]); наконец, у Мордвинова были близкие родственные отношения с фамилией Муравьевых [32]).

Все это об'ясняет, почему Мордвинов был намечен в члены временного правительства, и допускает возможность его осведомленности в заговоре.

Таким же из ряду вон выходящим сановником был и М. М. Сперанский, хотя его отношения к декабристам являются более сложными, менее искренними и, может быть, даже более боязливыми.

Если он и мог быть представителем демократических интересов страны, то выделялся отнюдь не гражданским мужеством.

Сперанский, необычайно быстро выдвинувшийся на поприще государственного служения, после Тильзита занял место «молодых друзей» в доверенности императора Александра, олицетворяя собою символ тогдашнего французского настроения императора, пал, когда это настроение изменилось, и был заменен Аракчеевым, потому что Александр неизменно находился под чьим-либо влиянием.

После опалы и ссылки (1812—1816 г.) Сперанский был губернатором в Пензе и генерал-губернатором в Сибири; в Петербург вернулся он только в 1822 г., но уже не прежним Сперанским, старавшимся проводить в жизнь либеральные реформы, но «уклончивым и искательным, добивавшимся дружбы сильных людей»; эта перемена, как мы увидим ниже, сказалась в его роли в процессе декабристов.

Проект государственного устройства Сперанского имел задачею реформы общественного строя и государственного управления; проект отвечал либеральным стремлениям Александра—отрицал крепостное право и шел к представительству, «но либеральный по принципам проект этот мог быть очень умерен и осторожен по исполнению» [33]). Неуспех его надо видеть в его теоретичности и преждевременности.

Сперанский создал государственный порядок, не думая предварительно провести в согласие с ним действующие отношения; он торопился исполнить вторую часть задачи, не исполнив первой [34]).

В этом—неуспех реформы, задуманной Сперанским, но основы ее находили самый живой отголосок в идеалах декабристов.

С некоторыми декабристами он был близок, с другими знаком: Батенькова он знал еще мальчиком, сблизился с ним в 1819 г. в Сибири, а по возвращении оттуда назначил его производителем дел Сибирского Комитета, в котором сам председательствовал. С 1822 г. до ареста Батеньков жил у Сперанского, стал близок к семье его, а «Михайла Михайловича любил душою» [35]).

С Рылеевым Сперанский имел дело и дарил его своим вниманием с того времени, как в Сибирском Комитете стал рассматриваться вопрос о передаче Северо-Американскому союзу нашей калифорнийской колонии Росс.

На вечерах у Сперанского бывал Бестужев.

Сперанский был близок с Чернышевыми еще в 1823 г., откуда его знакомство с будущими декабристами З. Г. Чернышевым и Никитою Муравьевым [36]), был знаком с Басаргиным [37]), Волконским [38]) и, вероятно, в петербургском обществе встречал немало участников будущих мятежей.

В своих очерках «Николай I и декабристы» П. Е. Щеголев приводит целый ряд данных о том, что Сперанский был Николаем Павловичем привлечен «к активному участию в процессе (декабристов) не потому только, что он был самый дельный и самый умный из всех сановников... Не без злорадного чувства, надо полагать, Николай Павлович поручил Сперанскому судить и распределять наказания—от ссылки на поселение до смертной казни декабристам, среди которых у Сперанского было немало и личных знакомых. Николай Павлович правильно рассчитал, что при распределении вины, при назначении наказаний Сперанский, при всем желании быть мягким, несомненно, усугубит строгость, ибо малейшее снисхождение с его стороны было бы истолковано, как свидетельство о сочувственном отношении Сперанского к декабристам, а вся дальнейшая жизненная и служебная карьера Сперанского возможна была только под условием решительно доказанного отсутствия каких-либо отношений и сношений его с мятежниками» [39]).

Щеголев говорит, что Сперанский являлся ближайшим помощником Николая Павловича в процессе декабристов и это самая неизвестная и темная страница его биографии—«он умышленно старался быть в тени и избегал высказывать свое мнение» [40]).

На основании многочисленных черновиков, сохранившихся в архиве, и до сих пор не привлекавших интереса исследователей, можно утверждать, что почти ни одна бумага по верховному уголовному суду не миновала рук М. М. Сперанского. Все судебные акты, все доклады составлены и записаны начерно Сперанским. Рескрипт

самого государя и даже письмо барона И. И. Дибича князю П. В. Лопухину «о смертной казни, с пролитием крови не сопряженной», написаны рукою Сперанского. Сохранились черновики его руки—вопросов и распоряжений, которые председатель должен был предложить и сделать в заседании суда, и детальнейшая программа заседаний суда с указанием, что в каждый день и час должен делать верховный суд.

Сперанский был избран членом «разрядной комиссии» (по распределению виновных по категориям), и все бумаги этой комиссии начерно набросаны самим Сперанским, а ее работы, без всякого изменения, восприняты верховным судом.

Наконец, он же составлял всеподданнейшее донесение верховного суда и редактировал ответный указ 10 июля.

Одним словом, Сперанский явился главным выполнителем всех предначертаний Николая Павловича в процессе декабристов.

Не легко давалось Сперанскому это участие. Дочь его свидетельствует, что ее отец сильно волновался и плакал по ночам во время процесса.

Мягкосердечному, мистически настроенному и человеку безупречной честности, Сперанскому не легко давался этот компромисс, вызванный, с одной стороны, какими-то нитями, которыми его имя было связано с движением декабристов, с другой—недостаточностью его гражданского мужества.

Имя его неоднократно произносилось во время производства дела. Заговорщики относились к Сперанскому с уважением. Ходили слухи, что при успехе восстания Сперанский перешел бы на сторону восставших. Правда, следственная комиссия не нашла никакого подтверждения этим слухам, «но осталось какое-то подозрение, тень подозрения, а предшествовавшая судьба Сперанского питала такое подозрение» [41]).

Декабрист Н. В. Басаргин, описывая об'явление сентенции верховного суда, говорит: «в той стороне, где досталось мне стоять, сидел за столом М. М. Сперанский. Он был знаком с моим батюшкой и со всем нашим семейством. Я сам раза два был у него, когда был в Петербурге. Мне показалось, что он грустно взглянул на меня, опустил голову, и как-будто слеза выпала из глаз его» [42]).

В связи с процессом декабристов нам надо вернуться к Батенькову, который «любил его душою», но, по свидетельству следственной комиссии, не хотел его видеть среди членов временного правительства, не хотел этого, может быть, потому, что сам рассчитывал вступить в него и боялся превосходства Сперанского.

23 марта 1826 г. Батеньков подал в следственную комиссию записку, в которой говорит, что 15 декабря 1825 г. Сперанский призвал его к себе и, видя, что он смущен, «спрашивал, не принимал ли я какого участия, будучи так хорошо знаком с Бестужевым и быв так часто в доме Американской Компании. Я отвечал, что участия

никакого не принимал, но что разве могут меня припутать за разговоры. Он приказал мне каждый день быть на виду в своем корпусе, что и исполнял я несколько дней.—Перед праздником рождества я опять зашел к нему; он спросил, перестал ли я бояться».

Итак, участие Сперанского к положению Батенькова несомненно.

В своих воспоминаниях Э. Стогов рассказывает, что друг декабриста Г. С. Батенькова—Матвей Матвеевич Гедельштром (sic), переодевшись солдатом Преображенского полка, благодаря знакомству с начальником караула, виделся с заключенным в Петропавловской крепости Батеньковым, и тот говорил ему, что «в Шлиссельбурге было несносно. Удалось написать к моей невесте, приказал чертенку сходить к Сперанскому и просить о переводе меня в Петропавловскую крепость. Перевели по болезни».

Стогов, знавший и Сперанского и Батенькова в 1819 г. в Иркутске, заинтересовался рассказом Гедельштрома и в 1833 г. разыскал невесту Батенькова, которая ему рассказала, что «Сперанский принадлежал к обществу 14 декабря и боялся показаний Батенькова; она несколько раз посылаема была в каземат к Батенькову с обнадеживанием, что дело принимает хороший оборот.

— Как же вас пропускали?

— Как скажу—от Сперанского, то крепостной офицер и проведет.

Эта девушка, с хорошим образованием, была очень жива; вероятно поэтому Батеньков и называл ее чертенком».

«Гораздо позже,—продолжает Стогов,—я слышал подтверждение рассказа Гедельштрома о просьбе Батенькова».

«Рассказывали мне еще,—пишет Стогов,—что, когда по приговору суда Батеньков должен был быть сослан в каторжную работу, в Сибирь, Сперанский будто бы входил с докладом о том, что Батеньков имеет двойное наказание, потому что в Сибири известно всем, что он составлял положение о ссыльных; что будто бы по этому докладу и сделано для Батенькова исключение—вместо Сибири—в каземат крепости» [43]).

Несмотря на хвастливый и развязный тон записок Стогова, в данном случае нет основания заподозрить правдивость приведенного им рассказа.

Близость Батенькова к Сперанскому—факт несомненный, исключительность понесенной первым кары ничем не об'яснима, но можно допустить, что и подсылом невесты и одиночным заключением Сперанский обеспечивал себе молчание Батенькова.—Стогов рассказывает, что Батеньков в 1819 г. предлагал вступить ему в тайное общество, мог он это предлагать и Сперанскому.

Но если все это так, то сколько здесь малодушного коварства, чтобы не сказать более.

Н. И. Тургенев в своем «оправдании» дает об участии Сперанского в верховном уголовном суде наиболее резкий из отзывов совре-

менников; он об нем пишет: «в верховном уголовном суде был член, который, как говорят, был главным рычагом всего этого дела. Он будто бы редактировал заключение суда и умолял императора не прощать осужденных. Однако, этот человек был в свое время несчастен. Он сам был жертвою несправедливых подозрений и ничем не доказанных обвинений» [44]).

«Мордвинов,—пишет Бильбасов, деятельный сотрудник и верныі друг Сперанского,—оставил нам в своем архиве знаменательные следы своего участия в составлении плана государственного преобразования» [45]). Но Мордвинов был не чужд и самостоятельных работ в области переустройства России на представительных началах, об этом свидетельствует его краткая записка: «Для составления палат государственных» [46]).

Ни тот, ни другой не касались принципа самодержавия, в чем сильно расходились и с «Конституцией» Никиты Муравьева и «Русской Правдой» Пестеля, но возможно, что Мордвинов был сторонником мер радикальных; в одной частной беседе с Н. И. Тургеневым он как-то сказал: «лестницу метут сверху».

Знаменательно, что Сперанский и Мордвинов почти одновременно были удалены от активной государственной деятельности: Сперанский пал 16/28 марта 1812 г., а 2/14 апреля того же года Мордвинов был, по прошению, уволен от должности председателя департамента государственной экономии. Бездействие Мордвинова продолжалось около 2-х лет, опала Сперанского кончилась только через 4 года.

Нельзя не отметить, что Мордвинов был дружен со Сперанским и переписывался с ним и во время опалы последнего.

Переходим к 3-му лицу, намеченному декабристами в состав временного правительства,—Ивану Матвеевичу Муравьеву-Апостолу.

Менее Мордвинова и Сперанского подвинувшийся в служебной карьере, он, как и они, выделялся своим умом, образованием и либеральными воззрениями.

Переводчик, писатель, член Российской Академии и общества «Арзамас», Муравьев-Апостол получил блестящее классическое образование. Общий голос его современников утверждал, что это был человек замечательный, а по мнению иных—даже «явление исключительное».

В 1793 г. он назначен кавалером к великим князьям Александру и Константину, затем незаурядный дипломат, в 1800 г. вице-президент иностранной коллегии, а затем посланник в Испании; в 1805 г. он был отозван. В Петербурге его встретило, нисколько не чаемое им, холодное обращение императора Александра, он покинул службу и уехал в Бакумовку, свое Миргородское имение [47]).

О причинах его опалы читаем у Пушкина в анекдотах: «Дмитриев [48]) предложил императору А. Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, об'яснил на то причину. Он был в заговоре Палена, Пален заставил Муравьева писать конституцию, а

между тем произошло 11 марта. Муравьев хвастался впоследствии времени, что будто бы он не иначе соглашался на перемены, как с тем, чтобы наследник подписал хартию» [49]).

Пушкин слышал этот рассказ от И. И. Дмитриева, но сомневаемся, что дело было именно так.

Здесь речь идет о первом заговоре против Павла, который относится к весне 1800 г.; задуман он был вице-канцлером гр. Н. П. Паниным и адмиралом де-Рибасом [50]); в заговоре принимал участие и Пален. По плану этого заговора предполагалось Павла об'явить сумасшедшим (как это было сделано в Англии с Георгом III), Александр Павлович должен был быть назначен регентом; Александр был посвящен в заговор, имел тайные свидания с Паниным [51]).

Панин и Пален подверглись ссылке в деревню, Муравьев-Апостол был назначен в Испанию.

Не лишнее здесь отметить, что в 1800 г. Панин был вице-канцлером, а Муравьев-Апостол и Пален—послами коллегии иностранных дел. И. М. Муравьев-Апостол был дружен с гр. Н. П. Паниным и об его опале писал 16/28 февраля 1801 г. гр. С. Р. Воронцову в Лондон.

После восшествия на престол Александра, Панин тотчас же был вызван из Дугина (его вяземского имения) и занял прежний пост вице-канцлера, но через 7 месяцев получил отпуск и, не вступая более в дела, в 1805 г. впал в окончательную немилость.

Муравьев-Апостол пользовался большим расположением Александра Павловича (его сын Матвей видел у него целую кипу писем великого князя, он мог рассчитывать на особое расположение императора во имя прежних отношений, но дело вышло не так. «Когда составился заговор, Иван Матвеевич получил приглашение принять в нем участие и отказался; потом участники заговора сумели восстановить Александра I против Муравьева, который так никогда и не пользовался его милостью».

Здесь нельзя не сопоставить, что опала Панина и Муравьева-Апостола произошла в 1805 г.

Совершенно правдоподобно, что Дмитриев мог в промежуток времени между 1810 и 1816 г.г. ходатайствовать, и безуспешно, о его назначении сенатором; Дмитриев должен был знать Муравьева-Апостола по литературным кругам. Сенатором Муравьев-Апостол был сделан только в 1824 г.

Восемь лет после постигшей его опалы, в 1812 г., И. М. Муравьев-Апостол писал Державину:

«Я родился с пламенной любовью к отечеству; воспитание еще возвысило во мне сие благородное чувство, единое, достойное быть страстью души сильной. И сорок четыре года не уменьшили его ни на одну искру. Как в двадцать лет я был, так точно и теперь: готов, как Курций, броситься в пропасть, как Фабий обречь себя на смерть. Но отечество не призывает меня. Итак безвестность, скромные се-

мейные добродетели—вот удел мой. Я и в нем не вовсе буду бесполезен отечеству: выращу детей достойных быть русскими, достойных умереть за Россию»—через 15 лет это пророческое письмо исполнилось; а далее о причинах опалы Муравьев писал: «Я многим показался любимцем счастья, а гнусная клевета отравила полдень жизни моей... Людей ищут, говорите вы, меня искать не будут; я это знаю. Рука, которую и несправедливую противу меня я лобызаю, отвела меня навсегда от пути служения»..... [52]).

По этому письму можно допустить, что Муравьев-Апостол отклонил предложенное ему участие в первом заговоре против Павла.

Среди декабристов у Муравьева-Апостола было 3 сына и 5 племянников (4 Муравьевых и Лунин). По своей петербургской светской и литературной жизни знал он многих участников заговора, в некоторых принимал участие [53]), встречая их и в миргородском своем изгнании.

О деятельности тайного общества И. М. Муравьев-Апостол знал несомненно в 1824 г., об этом он, очевидно, имел суждение со своим племянником Николаем Назарьевичем Муравьевым, тогда статс-секретарем, что видно из письма декабриста Матвея Муравьева-Апостола из имения Полтавской губернии к его брату Сергею в Васильков от 3/15 ноября 1824 г. Он в нем писал: «Что касается меня, милый друг, я немедленно приехал бы, я бросил бы свои купанья. Но мне было строго приказано не ездить к тебе. Батюшка заставил меня дать ему положительное обещание, что я не поеду, после того как он получил предостережение от Ник. Назарьевича, а ты знаешь как этот последний хорошо осведомлен.—Правительство теперь постоянно настороже и если оно не действует так, как следовало бы ожидать, то у него на то свои причины. Юг сильно привлекает его внимание, оно знает, какой там царит дух, и меня крайне огорчает, что вы действуете, словно прекратилось всякое подозрение» [54]).

Семейство декабриста Трубецкого было в близких отношениях с семьей флигель-ад'ютанта Бибикова, зятя И. М. Муравьева-Апостола. 13 декабря предполагался от'езд Трубецкого в Киев, и Бибиков хотел, чтобы его брат, Ипполит Муравьев-Апостол, ехал с ним. Трубецкой показывал следственной комиссии, что 12 декабря вечером, с заседания у Рылеева, заехал он к И. М. Муравьеву-Апостолу, чтобы переговорить с Бибиковыми по этому делу [55]).

Зачем понадобилось Трубецкому об'яснять следственной комиссии причину своего посещения И. М. Муравьева-Апостола 12 декабря 1825 г.? Не надо ли было отвести подозрение?

Выдающихся дарований и не пользующиеся расположением императора—таковы были три сановника, намеченные декабристами во временное правительство.

По «запискам» [56]) Трубецкого членом временного правительства намечался еще Алексей Петрович Ермолов.

Трубецкой описывает очную ставку с Рылеевым, происходившую в присутствии члена следственной комиссии, личного друга императора Александра—кн. А. Н. Голицына.

«Голицын,—пишет Трубецкой,—вступил с Рылеевым и со мной в частный разговор и продолжал его некоторое время в таком тоне, как-будто мы были в гостиной, даже с приятным видом и улыбкой. Разговаривая, кн. Голицын касался различных предположений Рылеева, Пестеля и моих относительно временного правления в случае, если-б попытка наша удалась. Он разбирал различные эти предположения, говоря о Сперанском, Мордвинове, Ермолове, как о лицах, которых мы предполагали облечь временною верховною властью. Рассуждал о составе Пестелевой директории, шутил, что Пестель, находя, что образ моих мыслей не сходен с его, не хотел меня иметь членом своей директории и оттого назначил мне министерство внутренних дел, а Сергею Шипову министерство военных сил, и расспрашивал нас по этим предметам, рассуждал о лучшем, по его мнению, составе временной верховной власти, о различных мерах, которые смогла установить конституция, и развивал суждения свои об этих предметах, словом—он меня удивил несказанно».

Декабрист С. Г. Волконский в своих записках приводит рассказ декабриста А. И. Якубовича о существовании Кавказского тайного общества, во главе которого стоял Ермолов, но Волконский относится к рассказу Якубовича скептически [57]).

В своем показании Пестель упоминает о слухе, что Кавказское тайное общество в случае неуспеха общей революции склонно было ввести новую династию Ермоловых. Далее он показывал: «о генерале Ермолове сказывали, что он об обществе (Кавказском) ничего не знает, но членам общества покровительствует при старании тех лиц, Ермолову приближенных, кои суть члены общества» [58]).

В записках декабриста И. Д. Якушкина описано свидание генерала Ермолова с декабристом М. А. фон-Визиным в 1822 г.; оно происходило после неоднократных бесед Ермолова с императором. Увидев фон-Визина, Ермолов воскликнул: «поди сюда, величайший карбонарий!», после чего прибавил—«я ничего не хочу знать, что у в а с делается, но скажу тебе, что о н вас так боится, как бы я желал, чтобы он меня боялся». Есть такие сведения, что член тайного общества М. Ф. Орлов был предостережен Ермоловым о том, что правительство следит за обществом [59]).

Когда, после 14 декабря, предписано было выслать А. С. Грибоедова в Петербург со всеми бумагами, Ермолов пред'упредил его, и никаких компрометирующих бумаг у Грибоедова не нашли [60]).

А еще 12/24 декабря 1825 г. Николай Павлович, уже домогавшийся престола, писал: «Как лицо полуофициальное, но еще не ваш государь... вы также не оставьте меня уведомлением обо всем, что у вас или вокруг вас происходить будет, особливо у Ермолова. К нему надо будет, под каким-нибудь предлогом, и от вас кого выслать, на-

пример, Германа или такого разбора; я, виноват, ему менее всех верю» [61]).

В 1826 г. А. П. Ермолов сказал однажды в Тифлисе флигель-ад'ютанту кн. Илье Долгорукову (один из основателей Союза Благоденствия, лишь по ходатайству великого князя Михаила Павловича «оставленный без внимания») в присутствии многих, что он, Долгорукий, послан на Кавказ лазутчиком [62]).

Наконец, в 1827 г. Ермолов, ожидая приезда Дибича и опасаясь у себя обыска, отдает свои записки на хранение Н. Н. Муравьеву (Карскому), к которому он питал большое доверие [63]).

Все эти данные позволяют заключить, что А. П. Ермолов, не будучи членом тайного общества, также знал о его деятельности.

Не следует забывать, что этот умнейший и популярнейший воин все царствование Николая I был в немилости и не у дел.—Военные подвиги Ермолова и его высокое просвещение очень ценились Н. С. Мордвиновым.

По своей военной службе Ермолов знал многих декабристов, а декабрист В. Л. Давыдов доводился ему двоюродным братом.

По плану переворота, намеченному заговорщиками 12/24 декабря 1825 г., предполагалось об'явить престол вакантным, верховная власть вручалась временному правительству, и в 3-месячный срок по каждой губернии должны были состояться выборы по одному представителю от каждого свободного сословия, по 2 на губернию, и эти избранники и должны были составить учредительное собрание и решать судьбы России.

Представителем от тайных обществ во временное правительство намечался П. И. Пестель, а правителем дел Г. С. Батеньков [64]).

Что же касается до лиц, намеченных в состав временного правительства—Мордвинова, Сперанского, Муравьева-Апостола и Ермолова—то они знали о существовании тайного общества, о его целях и планах, но по своему положению активно выступить в перевороте не должны были, а призывались только в случае успеха его для управления государством до созыва народных представителей, но им не довелось услышать формулу: «caveant concules».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Довнар-Запольский. «Тайное общество декабристов» с. 71, 98—100, показания Давыдова.

2) Ib. 305.

3) Довнар-Запольский. «Идеалы декабристов», с. 316, 324.

4) Д.-З. «Тайное общ.» 305.

5) Донесение следствен. комиссии 1826 г., с 27, слова Рылеева.

6) Д.-З. «Тайное общ.» 322—3.

7) Бороздин. «Из писем и показаний декабристов», 172.

8) Ib. 112.

9) Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», 320.

10) Ib. 95.

11) «Русский Архив» 1875 г. Декабрь, с. 434—438.

12) Д.-З. «Мемуары» 287, 19, 20.

13) «Рус. Арх.» 1875, № 12, с. 431.

14) Записки фон-Визина в «Общ. движ. в России в первую половину XIX в.» т. I, с. 192, 193.

15) «Тайное общество в России и 14 декабря», лейпцигское изд., с 13.

16) «Рус. Старина».

17) «Былое» 1906 г. Янв. Щеголев, с. 164. Д.-З. «Тайное общ.» 262.

18) Записки генер.-лейтенанта Михаловского-Данилевского. «Русская Старина» 1900 г. XI.

19) Ib.

20) Так, член директории Никита Муравьев и зять его гр. Чернышев находились в отпуску в орловском имении Чернышевых—Тачине, где и были арестованы, Тургенев был за границей, Лунин в Варшаве, Якушкин и другие в Москве, Свистунов и Ипполит Муравьев-Апостол были посланы в Тульчин.

21) Шиман. «История России в царствование Николая I», цитируем по ст. Штейна в «Историческом Вестнике» за 1909 г., № 12, с. 1116.

22) Кн. С. П. Трубецкой, человек испытанной на войне храбрости, совершенно растерявшийся.

23) Только 13/25 дек. Ипполит Муравьев-Апостол со Свистуновым выехали из Петербурга посланцами в Южное общество, они везли и письмо Трубецкого к М. Ф. Орлову. Письмо не дошло по назначению, потому что, когда пришли арестовать Свистунова, Ипполит Муравьев-Апостол успел его истребить («Тайное общ. и 14 дек. 1825 г.», 3-е лейпцигское изд., рассказ Вотновского, с. 93). Николая Павловича очень беспокоил выезд Свистунова в Москву, и ему было очень приятно, когда он узнал, что генерал-ад'ютант гр. Комаровский 17/29 об'ехал Свистунова до Москвы. Комаровский был послан в Москву об'явить о вступлении на престол Николая I; выехав из Петербурга 15/27 дек. в 8 час. вечера, приехал в Москву в ночь на 18/30 дек., в семь суток обернулся, пробыв двое суток в Москве («Рус. Арх.» 1867 г., с. 1317). С. М. Семенов 11/23 дек. писал в Москву И. И. Пущину о предположенном возмущении (он писал, что заговорщиков в городе 50—60 человек и что они имеют на своей стороне 1000—1500 солдат); письмо это было получено не ранее 15/27 дек. Орлов получил эстафету слишком поздно—21. 1/2.II он был арестован (статья В. И. Семевского о фон-Визине в книге «Общ. движен. в России в перв. полов. XIX в.» с. 46, 48, 50).

24) «Записки», с. 193.

25) «Алфавит декабристов», весьма важный документ. В 1919 г. был издан Б. Л. Модзалевским и А. А. Сиверс в незначительном числе экземпляров, в продажу не поступал. С. с. 70, 71 и 127. В настоящее время вышел в свет в издании Центрархива.

26) «Русский Вестник» 1893 г., статья Татищева.

27) «Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева» (Библиотека декабристов, в. I, 1906 г.) с. 155—156.

28) Бильбасов. «Исторические монографии, гл. V, с II.

29) Ib., с XXX и «Сочинения С. Т. Аксакова» 1886 г., т. III, с. 195.

30) Бильбасов. «Исторические монографии», т. V, с. XXIX.

31) Н. И. Тургенев. «Россия и Русские», изд. 1915 г., с. 72.

32) Отец Н. С. Мордвинова—адмирал Семен Иванович М. (1701—1777) в 1-м браке ж. на Федосье Савишне Муравьевой (ум. 1750), двоюродная племянница Н. С.—Александра Михайловна Мордвинова (1769—1809) была за Николаем Николаевичем Муравьевым (1768—1840), основателем школы колонновожатых, их дети: Александр и Михаил Муравьевы, члены тайных обществ; сестра помянутой Александры Михайловны Мордвиновой—Варвара Михайловна в 1 бр. за Александром Федоровичем Муравьевым (их внук М. А. Бакунин). Еще одна родственница Н. С.—Екатерина Николаевна Мордвинова (1791—1819) была за Николаем Назарьевичем Муравьевым (1775—1845).—В 1807 г. Н. С. Мордвинов начальствовал московским ополчением, его свойственник Н. Н. Муравьев (колонновожатый) был начальником его штаба; семьи их часто видались.

33) С. Ф. Платонов. «Курс лекций по русской истории», с. 629.

34) В. О. Ключевский. «Лекции по русской истории», т. V., с. 186.

35) «Гр. Сперанский и гр. Аракчеев по воспоминаниям Батенькова», «Рус. Стар.» 1897, окт. и Д.-З. «Тайное общество», с. 187.

36) Сборник «В память гр. М. М. Сперанского», под редакц. А. Ф. Бычкова, с. 588.

37) «Записки», с. 180.

38) «Записки», с. 142.

39) с. 27.

40) П. Е. Щеголев: «Николай I и декабристы», с. 24.

41) Ib., с. 25—27.

42) «XIX век», ч. I. «Записки Н. В. Басаргина», с. 108.

43) «Рус. Старина» 1878 г., т. XXIII, с. 517—518. В своем показании следственной комиссии Батеньков говорит, что во время ревизии Сперанского он очень сблизился с отрешенным от должности Гедельштромом, переехал к нему в дом и это не понравилось Сперанскому (Д.-З. «Мемуары», с. 151).

44) «Рус. Старина», 1901 г. Ноябрь, с. 327.

45) Бильбасов. «Исторические монографии», т. IV, с. II.

46) Ib., с. III—IV.

47) И. А. Кубасов. «И. М. Муравьев-Апостол» в «Рус. Старине», окт. 87—104, ноябрь 347—359 и С. Я. Штрайх «Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма», с. 25—26. В первом сочинении много биографических данных и содержательная характеристика И. М. Муравьева-Апостола.

48) Дмитриев, Иван Иванович (1760—1837), известный писатель, министр юстиции с 1810 по 1816 г.г.

49) «Сочинения Пушкина», изд. Суворина в 10 томах, т. IX, с. 153.

50) Покровский. «Русская история», т. III, с. 268—269.

51) Рассказ, переданный Пушкину Дмитриевым, подтверждается рассказом гр. Петра Александровича Толстого, записанным декабристом фон-Визиным. Панин, Пален и другие вожди заговора,—рассказывал Толстой,—хотели ограничить самодержавие, заставя Александра в первую минуту принять конституционный акт. Это намерение известно было и командующему Преображенским полком Талызину, человеку искренно преданному Александру. Талызин предупредил об этом Александра, который последовал его внушениям и устоял против настоятельных требований Палена и Панина. Далее Толстой говорит, что они догадались об этом, и Пален «в отмщение ему нашел способ отравить его». Это было на 3 или 4 день после убийства Павла. Занемогший Талызин послал за

Александром и успел ему открыть свои подозрения. «Это и было главною причиною удаления от двора Палена и Панина» (записки фон-Визина, стр. 142—143). Кн. Чарторыжский («Mémoires», p. 225) говорит, что «Пален тотчас после кончины императора Павла думал управлять Россией». На его удаление могла повлиять и императрица Мария Федоровна, которая из Гатчины писала Александру Павловичу: «so lange Pahlen in Petersburg ist, kehre ich nicht dahin zurück (Гейкин «Aus den Tagen Kaiser Pauls» c. 234—237).

Пален со свойственной ему пронырливостью вскоре опять выплыл, что же касается до гр. Панина, то даже в 1826 г. все мольбы его тестя гр. Вл. Гр. Орлова о его помиловании были отклонены Николаем I, так как «единственное обещание, вырванное у него Марией Федоровной, при вступлении его на престол, было не прощать Панина; императрица-мать его возненавидела, приписывая ему руководящую роль в низвержении Павла» (проф. Шиман «История России в царствование Николая I», т. II, цитируем по статье ф.-Штейна в «Историческом Вестнике» за 1909 г. дек., с. 1120).

Тьер второй заговор против Павла приписывает английскому влиянию: «les soubors, пишет он, avaient une soeur (Жеребцова) liée avec toute la faction anglaise, amie de lord Witworth, l'ambassadeur d'Angleterre, et qui leur soufflait toutes les possions de la politique» («Histoire du consulat et de l'empire», vol. I, p. 235).

52) «Сочинения Г. Р. Державина», изд. 1876 г., т. VI, с. 331—332, Берсенев. «Сергей Иванович Муравьев-Апостол» 1920 г., с. 10.

53) Так, И. М. Муравьев-Апостол и А. С. Шишков рекомендовали адмиралу Грейгу на должность профессора литературы в Севастополе на курсах для морских офицеров В. Т. Кюхельбекера, о чем последний писал 5—XII—1825 г. своей матери; тогда Кюхельбекер жил с поэтом кн. А. И. Одоевским, тоже декабристом. «Рус. Стар.», 1875 г., т. XIII, с. 347.

54) Довнар-Запольский «Мемуары», с. 268.

Все сенаторы были назначены членами верховного уголовного суда, разбиравшего дело декабристов, были среди них и родственники заговорщиков, напр., сенатор Дивов, но Николай Назарьевич Муравьев членом верхного уголовного суда назначен не был.

55) Довнар-З. «Мемуары» 313—315.

56) Лондонское издание «Записок декабристов», вып., 2 и 3, с. 89 и 53.

57) Ib., с. 53 и «Записки» Волконского, с. 416.

58) Бороздин. «Из писем и показаний декабристов», с. 93—94, 135.

59) Лондонское издание «Записок декабристов», в. I, с. 70.

60) «Рус. Стар.», т. XI, с. 290.

61) «Рус. Стар.» 1882 г., июль, с. 195—6 «Междуцарствие в России».

62) Записки Н. Н. Муравьева-Карского. «Рус. Архив» 1888 г., март, с. 587.

63) Ib. 1889 г., март, с. 67.

64) Цитированное сочинение проф. Шимана, по фон-Штейну с. 1116.

И. Звавич.

Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством.

I.

В биографии декабриста Н. И. Тургенева эпизод с неосуществившейся выдачей его Англией по требованию николаевского правительства оставался до сих пор неосвещенным. В литературе мы находим очень мало указаний на обстановку предполагавшейся выдачи и на характер этой не увенчавшейся успехом попытки русской дипломатии. Так, в новейшей работе А. Шебунина мы находим всего лишь несколько слов с указанием самого факта этой попытки и слухов, носившихся в Петербурге о выдаче Тургенева [1]).

Более подробно об этом эпизоде рассказывает сам Тургенев в своей книге «Россия и Русские». Мы приводим его рассказ полностью с тем, чтобы сравнить описание Тургенева, знавшего лишь по наслышке о попытках русского посольства в Лондоне добиться его выдачи, с теми фактами, которые вырисовываются из дипломатической переписки по этому делу.

Вот что пишет Тургенев в своих воспоминаниях [2]):

«О декабрьском происшествии я узнал из газет в Париже... Проявляя живейший интерес ко всем лицам, замешанным в нем, я не предполагал и не мог предполагать, что это дело может иметь какое-либо отношение ко мне лично.

«В январе 1826 года я отправился в Лондон, и ничто в Лондоне не нарушало моего покоя. Только когда я был уже в Эдинбурге, я узнал, что я оказался замешанным в процессе, начатом по поводу декабрьского восстания. По получении этой новости я поспешил составить об'яснительную записку о моем отношении к тайным обществам и отправил ее по почте в Санкт-Петербург [3]).

«Я был твердо уверен, что этого об'яснения будет достаточно и что, так как алиби было само по себе довольно ясным фактическим доказательством моей неприкосновенности к восстанию, меня более беспокоить не будут.

«Несколько дней после отправки моей об'яснительной записки (в начале мая.—*И. З.)* меня посетил секретарь русского посольства в Лондоне. Он передал мне сначала приглашение, направленное мне от имени императора графом Нессельроде, предстать перед верхов-

ным трибуналом в качестве обвиняемого в участии в восстании. Нужно было, чтобы эти господа сильно спешили, чтобы допустить подобную ошибку (в тексте—lapsus calami.—*И. З.)*. Я ответил секретарю, что я отправил несколько дней тому назад об'яснительную записку о моем отношении к тайным обществам, и полагал, что эта записка сделает мое пребывание в Санкт-Петербурге совершенно излишним и что к тому же состояние моего здоровья не позволяет мне предпринять подобную поездку. Секретарь нашел необходимым прибавить к приглашению своего начальника совет от себя лично и указал, между прочим, что моя честь обязывает меня подчиниться приказу, который я получил. Я был в тот день в довольно хорошем расположении духа и ограничился тем, что указал молодому человеку, что я сам являюсь судьей в том, что требует от меня честь, и что я не буду удивлен, если в этом вопросе наши мнения расходятся. Тогда он сообщил мне содержание депеши графа Нессельроде поверенному в делах (повидимому, русскому поверенному в делах в Лондоне Потемкину.—*И. З.)*. В этой депеше поверенному в делах предписывалось на тот случай, если я откажусь последовать приглашению (выехать в Петербург.—*И. З.)*, потребовать от меня письменный ответ. Я прочел депешу и заявил о своем отказе сначала устно, а затем и письменно. В депеше поверенному в делах предписывалось также, все на случай моего отказа, указать английскому правительству, каким людям оно дает убежище. Эти слова, а также кое-какие сведения, которые я получил впоследствии, убедили меня в том, что русское правительство предписало своему представителю в Лондоне перед тем, как обратиться ко мне, потребовать моей выдачи. Такое приказание представляется довольно странным; но что совершенно непонятно, так это то, что поверенный в делах, повидимому, выполнил его, не задумываясь. Мне было указано самым категорическим образом, что моя выдача была совершенно серьезно затребована у Каннинга. Но я узнал также, что в ответ на ноту, в которой содержалось это требование, английский министр ограничился тем, что лишь подтвердил ее получение, без всякой ссылки на ее содержание.

«Чем, в таком случае, занимаются русские дипломаты за границей, если они даже не стремятся узнать об основных чертах государственного строя, законах и характере правительства страны, в которой они находятся. Передать подобное требование английскому министру! Каннингу! Повторяю, этому трудно поверить...»

Тургенев сообщает далее о попытках русского правительства организовать за ним слежку в Англии через английского купца, бывшего русским консулом в Лейте. Тургенев в бытность свою в Лейте останавливался у этого купца и полагает, что тот с негодованием отверг предложение посольства.

С другой стороны, Тургенев указывает, что, по дошедшим до него сведениям, это была не первая попытка добиться его выдачи.

«Через некоторое время после восстания русское правительство, полагавшее, что я нахожусь в Неаполе, дало предписание своему послу добиваться моего ареста. Не найдя меня в Неаполе, русский посол передал это приказание русскому посольству в Риме, а это последнее отправило его с депешей в Париж. В конце-концов русские посольства во всех столицах континентальной Европы получили приказ захватить меня, где бы я ни находился. Даже в Англии меня хотели арестовать через тайных агентов, специально подосланных из Санкт-Петербурга... Впрочем, это стремление захватить меня было только преходящим...» [4]).

Дипломатическая переписка английского министерства иностранных дел, хранящаяся в Record Office, проливает новый свет на этот эпизод в биографии Тургенева. Вместе с тем содержащиеся в этой переписке документы дают представление о приемах работы дипломатических канцелярий того времени.

II

Первая попытка николаевского правительства заполучить Николая Тургенева в руки «правосудия» относится к началу января 1826 года (по новому стилю). Через две недели после восстания 28 декабря (9 января) император Николай Павлович писал в Варшаву своему брату Константину:

«Я велел написать Меттерниху, чтобы он принял меры к аресту секретаря государственного совета Николая Тургенева, путешествующего со своими двумя братьями по Италии» [5]).

Мы знаем, что в то время Тургенева в Италии не было. Когда Тургенев прибыл в январе 1826 года в Лондон, в русском посольстве, повидимому, еще ничего не знали о его участии в тайном обществе и пред'явленном к нему обвинении. Об этом мы можем судить по тому, что, как сообщает Каннинг в письме к лорду Гранвиллю, Тургенев обедал у Ливена только неделю перед тем, как Ливен просил о его выдаче английским правительством [6]). Странными показались Каннингу нравы русского посольства, ходатайствующего о выдаче государственного преступника, который только неделю тому назад обедал за одним столом с послом.

Поведение русского посла Ливена в Лондоне, впрочем, вполне извинительно: в русском посольстве в Лондоне никто не предполагал, что делавший блестящую служебную карьеру Тургенев мог оказаться замешанным в восстании 14 декабря. Еще так недавно Нессельроде настойчиво просил Ливена указать английскому правительству, что в восстании принимали участие «несколько молодых офицеров, которые со свойственной их возрасту неосторожностью дали себя завлечь в общество, преступные цели которого они не понимали и печальные результаты не могли предвидеть. Ни одно сколько-нибудь выдающееся лицо не фигурирует пока среди заго-

ворщиков» [7]). Эта депеша Нессельроде Ливену была препровождена последним Каннингу 14/26 января 1826 года.

16 января графиня Ливен в таких выражениях характеризовала вождей движения 14 декабря своему корреспонденту лорду Грею: «Это по преимуществу молодые офицеры восемнадцати-двадцатилетнего возраста, единственной целью которых было стать героями на подобие революционеров Неаполя, Турина и т. п.» [8]).

В этих словах при изрядном количестве пропаганды была известная доля самообмана.

Между тем Николай Тургенев нисколько не походил на молодого офицера, который дал бы себя завлечь в тайное общество. Положение посольства от этого было нисколько не лучше. Напротив того, требовать выдачи Тургенева значило бы дать английскому правительству—а в случае придания делу гласности и английскому общественному мнению—совершенно иное представление о характере декабрьского восстания. Положение создалось затруднительное, но, как мы увидим далее, не безвыходное.

Письмо Каннинга к Гранвиллю, которое мы цитировали выше, относится к 6 марта 1826 года. Это было, повидимому, недели через две после первого, конфиденциального выступления Ливена с просьбой о выдаче Ник. Тургенева. В дипломатической переписке английского министерства иностранных дел мы находим нижеследующее письмо Ливена товарищу министра иностранных дел Планта с приложением проекта конфиденциального письма Ливена Каннингу. Приводим ниже перевод [9]).

Довер стрит [10]), 27 февраля 1826 г.

Дорогой господин Планта.

Препровождаю вам особо проект письма, о котором я вам говорил. То, что я у вас прошу, вполне возможно...

Весь ваш
Ливен.

Проект конфиденциального
письма графа *Ливена*, Е. П.
г. Каннингу.

Милостивый государь!

Несмотря на малый успех конфиденциальных представлений, которые, по предписанию моего двора, я сделал вашему превосходительству в целях заручиться содействием британского правительства для ареста господина Николая Тургенева, серьезным образом замешанного в заговоре против российского императорского правительства, я считаю тем не менее своим долгом обратить внимание вашего превосходительства на одно обстоятельство, которое относится к существу моих предшествующих представлений и крайнюю важность которого ваше превосходительство, без сомнения, оценит.

Только что мне доставлены безусловные доказательства существования преступной переписки между указанным господином Николаем Тургеневым и несколькими лицами в Париже, а, может быть, и в других

местах. Предмет этой переписки и старания, которые принимаются, чтобы скрыть ее, представляются мне настолько усиливающими подозрения, которые уже лежат на этом лице, что я ни на минуту не останавливаюсь перед тем, чтобы поставить ваше превосходительство в известность об этом обстоятельстве с тем, чтобы возбудить бдительность британского правительства и потребовать от него принятия мер надзора, которые были бы достаточны для раскрытия преступных действий и тем предупредить ужасные последствия, которые эти действия могут вызвать.

Если мотивы, основанные на законодательстве этой страны, могли побудить британское правительство отказать в своем участии в тех мероприятиях, которые являлись предметом моих предшествующих представлений вашему превосходительству, то я надеюсь, что то обращение, которое мне повелевает мой долг сделать сегодня, найдет у вашего превосходительства более благосклонный прием, не встречая тех же препятствий и имея своей целью исключительно обратить внимание британского правительства на тайную переписку справедливо подозреваемого лица.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении, с которым я имею честь быть

вашего превосходительства
нижайшим и покорным слугой».

Приведенный выше проект конфиденциального письма Ливена дает нам представление о характере дипломатической кампании, которую повело русское посольство по предписанию из Санкт-Петербурга. Обвинение, выставляемое Тургеневым против русских дипломатов в том, что они незнакомы с основами государственного устройства страны, в которой они находятся, отпадает. Напротив, можно с уверенностью сказать, что Ливен в должной степени оценивал всю трудность порученной ему николаевским правительством миссии. Мы видим, как Ливен не хотел затруднять английское министерство письменным и официальным требованием выдачи Тургенева. В архиве английского министерства иностранных дел не сохранилось письменной ноты—требования о выдаче. Ливен просил о выдаче в беседе с Каннингом—строго конфиденциально. Безусловно, этот избранный Ливеном способ был наилучшим, так как английское правительство могло всегда в случае нужды заявить в парламенте, что, выдавая Тургенева, оно действует не по требованию русского правительства, а лишь руководствуется собственными соображениями при высылке нежелательного иностранца.

Мы оставим пока в стороне вопрос о тех причинах, по которым первое—устное—представление Ливена не увенчалось успехом. Отметим лишь, что формального требования о выдаче не было; русское посольство обнаруживало формальное стремление строго соблюдать английские законы.

Характер приведенного «проекта» убеждает нас в том, что Ливен намеревался ловким ходом выбить из рук Каннинга оружие, которым тот пользовался для того, чтобы противостоять просьбе Ливена,—ссылку на английское законодательство. Приведенная выше нота формально оставалась неотосланной. Ливен препроводил Планта проект ноты с очевидным желанием добиться у англий-

ского правительства предварительной санкции на принятие ноты, если ее текст будет ими одобрен, и будет, по их мнению, соответствовать формальным требованиям английских законов. Иными словами, Ливен предлагал английскому министерству иностранных дел выбрать любую форму ноты, с тем, однако, чтобы ее содержание оставалось неизменным.

Оставляя в стороне эти технические приемы русской дипломатии, остановимся на приведенных выше документах, поскольку они характеризуют поведение николаевского правительства и русского посольства по отношению к самому Тургеневу.

Сообщение Тургенева о том, что русское правительство сделало попытку добиться его выдачи задолго до того, как обратилось к нему с приглашением выехать в Петербург в качестве обвиняемого, подтверждается в полной мере. Можно установить и тот факт, что за Тургеневым слелиди. Кое-какие данные наблюдения за Тургеневым у русского посольства были, иначе в ноте Ливена не могло быть и речи о «преступной переписке», которую вел Тургенев. Данные эти были, однако, сомнительного свойства: на эту мысль нас наводит отсутствие точности в характеристике переписки. Ливен заявляет, что Тургенев ведет переписку с несколькими лицами «в Париже, а, может быть, и в других местах». Указание на Париж ничего само по себе не показывает, так как Париж являлся в то время центром революционного движения.

Стоит отметить еще одну любопытную особенность этого своеобразного документа. Ливен характеризует Тургенева не просто, как русского государственного преступника. Его переписка угрожает существующему порядку в международном масштабе. Ливен дает понять, что британское правительство, оказывая содействие русскому в аресте или надзоре за Тургеневым, борется с европейским революционным движением, угрожающим не только русскому правительству, но и английскому. Русское правительство начинает свою активную политику обер-полицеймейстерства в Европе.

В английском министерстве иностранных дел «проект» Ливена пролежал почти месяц; там явно не знали, что с ним делать. 14/26 марта Планта направил проект Ливена, однако, в министерство внутренних дел (Home Office) с нижеследующим письмом [11]):

Министерство иностранных дел
14/26 марта 1826 г.

Лично.

Дорогой Гобгауз

Будьте так добры рассмотреть это предположенное обращение графа Ливена и передайте мне, может ли оно быть удовлетворено путем соответствующего предписания статс-секретаря (министра внутренних дел.— *И. З.)*, или каким-либо другим образом.

С почтением
Планта.

Господину Г. Г. Гобгаузу [12]).

Из этого письма мы можем усмотреть, что просьбе Ливена был сначала дан ход. Таким образом, позднейшие заявления Тургенева о невозможности самого требования в Англии должны отпасть.

Характернее всего в письме Планта последние слова; Планта предлагает Гобгаузу указать, к а к и м п у т е м можно выполнить просьбу Ливена. Это собственно и представляет собою цель Ливена в его письменном «проекте»; он предлагает английскому правительству избрать любой путь лишь бы для того, чтобы добиться, если не выдачи, то, во всяком случае, строгого надзора за Тургеневым.

Где тонко, там и рвется... Английское правительство рассмотрело заявление-«проект» Ливена и решило отказать в выдаче Тургенева и надзоре за ним. Однако способ, который был для этого избран, убеждает нас, что дело было не в конституционных опасениях Каннинга и его коллег по министерству. Если бы дело было так, Ливену был бы дан прямой ответ.

Каннинг был, однако, занят в то время сложными дипломатическими переговорами с Россией, которые обеспечивали бы невмешательство последней в греко-турецкую войну помимо Англии. Портить отношения из-за пустяка, каким являлось дело Тургенева, не стоило. Из письма Планта мы видим, что министерство иностранных дел было готово в этом вопросе итти на компромисс.

Вопрос был разрешен поистине дипломатическим путем. В десятых числах марта Ливен выехал в Санкт-Петербург с тем, чтобы принять участие в англо-русских переговорах, которые привели к заключению соглашения (протокола) 4-го апреля 1826 года, которое положило основу сотрудничеству Англии и России в восточном вопросе. Этим от'ездом воспользовалось министерство иностранных дел, заявившее формальный отвод против ливенского «проекта». На оригинале проекта мы находим на оборотной стороне краткую резолюцию без подписи, повидимому, принадлежащую Каннингу, которая указывает, что «проекту не было дано хода, так как граф Ливен покинул Англию в настоящее время» [13]).

Нам пока неясны, однако, причины, почему английское правительство так упорно отказывалось пойти навстречу русскому посольству в этом вопросе. Для того, чтобы обнаружить эти причины, следует обратиться ко второй попытке николаевского правительства добиться выдачи Тургенева.

III.

Вторая попытка николаевского правительства добиться выдачи или ареста Николая Тургенева переносит нас из Лондона в столицу николаевской России—Санкт-Петербург.

Английский чрезвычайный посол, который должен был поздравить Николая со вступлением на престол и которому вместе с тем была поручена высокая миссия ведения переговоров по восточному вопросу, «уже постаревший и разбитый годами» герцог Веллингтон

прибыл в Санкт-Петербург 2 марта 1826 года [14]). В пятницу 3 марта 1826 года Веллингтон имел беседу с Николаем, в которой коснулся восстания 14/26 декабря со свойственным ему отсутствием такта, позволительным, впрочем, для заслуженного генерала и дипломата. В письме-донесении от 6 марта Веллингтон сообщает Каннингу об этом свидании и при этом замечает:

«Император полагает, что ему известны размеры движения, но ему еще неизвестны ни имена всех лиц, замешанных в движении, ни то, имели ли заговорщики какую-либо связь с иностранными тайными обществами. Безусловно они имели подобную же организацию в Польше; и через эту организацию и через польского генерала, находящегося в Дрездене [15]), как полагает император, заговорщики поддерживали связь с тайными обществами в Париже и Лондоне.

«Также и теперь в Лондоне находится лицо, занимающее довольно значительное положение в русской бюрократии, которое, как известно, принимало участие в здешнем заговоре; предполагается, что это лицо имеет связь с тайными обществами в Лондоне и Париже. Император не считает, что в его распоряжении имеются фактические доказательства этой связи, хотя и полагает, что сообщения «Морнинг Пост» в декабре п. г. и январе с. г. содержат исключительные сведения, которые могли быть доставлены только кем-либо, кому ведомы интимные тайны заговорщиков в России» [16]).

Император Николай Павлович поспешил воспользоваться тем, что его собеседник затронул больной вопрос первых дней николаевского царствования, и указал герцогу Веллингтону на пребывание в Лондоне одного из «заговорщиков». Интересно, что в этом заявлении Николая I нет уже больше непосредственных указаний на стремление русского правительства, с одной стороны, рассматривать декабрьское восстание, как одно из проявлений общеевропейского революционного движения, а с другой, в деле Тургенева выставлять его, как опасного международного революционера, поддерживающего связь с парижскими и *лондонскими* тайными обществами.

По поводу сообщения *кем-то* сведений в английскую печать, и в частности, в «Морнинг Пост» у нас прямых сведений нет. Тургенев в «Морнинг Пост» в декабре и начале января давать сведений не мог, так как его еще не было в Англии, а в конце января «Морнинг Пост» была мало осведомленной газетой в русском вопросе.

В Лондон, однако, сообщения о том, что русское правительство может разыскивать *кого-то,* кто дает английской печати сведения о России, проникли. В февральском номере журнала «New Monthly Magazine» была помещена большая статья—характеристика Константина. Анонимный автор статьи, которым был, по всей вероятности, Лайэлль, написавший несколько книг о России, предпослал

ей довольно длинное предисловие, в котором высказывал свое горячее пожелание, чтобы «ни одно лицо не оказалось скомпрометировано в сообщении приводимых автором секретных сведений и анекдотов, которые считаются известными только чиновникам русской дипломатической службы» [17]). Источники сведений, которые сообщаются в статье, указывает далее анонимный автор, многочисленны; «автор собрал много фактов среди иностранцев, но еще больше среди либерально настроенных русских. Некоторые из тех, кто невинно сообщил автору кое-какие сведения, уже заплатили за это; некоторые покинули Россию и находятся за пределами досягаемости деспотической власти (русского правительства.—*И.З.*); некоторые попрежнему продолжают сноситься с автором, несмотря на крайнюю бдительность и чрезвычайную строгость многочисленной полиции... Автор должен также прибавить, что ни одно лицо в Англии, находящееся в той или иной связи с Россией или с каким-либо русским посольством, ни один бывший или настоящий чиновник Северного правительства не является источником, откуда черпал автор свои сведения о состоянии российской империи...»

Можно в самом деле подумать, что автор статьи знал о выступлении николаевского правительства. Этого, конечно, быть не могло, так как статья была напечатана в феврале и составлена в начале января [18]), хотя предисловие и могло быть прибавлено непосредственно перед выходом в свет журнала (т.-е. в конце января). Но то, что николаевское правительство способно разыскивать лиц, виновных в сношениях с либеральной печатью Запада среди своих же чиновников за границей, представлялось в Англии об'ективно возможным.

Веллингтон, очевидно, выслушал сообщение императора Николая с достойным англичанина и дипломата хладнокровием. Из первой депеши английского посла в Санкт-Петербурге лорда Странгфорда, в которой он говорит о Тургеневе, мы можем усмотреть, что Николай разочаровался уже в середине марта в том, что англичане поймут его лучшие чувства и согласятся выдать Тургенева. В этой депеше—от 4/16 марта 1826 года—мы читаем (приводим лишь относящуюся к настоящей статье часть депеши):

№ 37. 4/16 марта 1826 г.

«.....Мне сообщили, что единственное лицо, ареста которого особенно желает император, нашло возможность убежать и находится теперь в Англии. Его императорское величество сообщил французскому послу, что он не намерен требовать его выдачи, что ему известно, что подобное требование не может увенчаться успехом, и что, кроме того, к нему поступили сведения о том, что указанное лицо находится накануне от'езда в Америку.....

Странгфорд».

Император Николай Павлович не вполне еще отказался от своей попыткой добиться выдачи Тургенева. Вместо того, однако, чтобы снова просить о выдаче, Николай I поставил английское правительство в известность косвенным путем, что он лично крайне желает этого одолжения со стороны английского правительства. Ливен, повидимому, успел сообщить в Санкт-Петербург о неудаче своего первого выступления, и «достоинство» русского правительства не позволяло выступить с новой просьбой. Вместе с тем можно было дать понять английскому правительству желательность его содействия, одновременно заверяя его в том, что русское правительство не намерено больше требовать его выдачи или ареста.

23 марта/4 апреля 1826 года английский посол сообщал из Петербурга о своей аудиенции у Николая и представлении своих новых верительных грамот. Николай I в этот раз пошел еще дальше, чем в своей беседе с французским послом графом Ла-Ферроннэ, сведения о которой проникли, как мы видели, в английское посольство. Николай постарался уверить английского посла, что *ему* совершенно безразлично, как относится английское правительство к просьбе о выдаче Тургенева, но что он лишь печется об интересах самой Англии, в которой Тургенев, как международный революционер, может сыграть вредную и опасную роль. Здесь стремление Николая взять на себя роль оберполицеймейстера в Европе выявляется с исключительной силой. Мы приводим ниже перевод этой депеши Странгфорда полностью.

№ 42. Санкт-Петербург

Вторник 4 апреля 1826 г.
23 марта

Милостивый государь!

Когда я имел честь быть принятым императором с тем, чтобы представить ему мои верительные грамоты, его императорское величество (как и следовало ожидать) тщательно воздерживался от какого-либо разговора или упоминания о восточном вопросе.

Действительно, кроме многократных выражений своих чувств дружбы и уважения к его величеству (английскому королю.—*И. З.*), чувств, о которых я уже имел честь вам сообщать, я не думаю, чтобы какая-либо часть разговора, которым меня почтил император, заслуживала бы того, чтобы я отнимал ваше время моим рассказом о ней.

[(Я позволю себе обеспокоить вас только изложением тех замечаний его императорского величества, которые относились к некоему Тургеневу, серьезно замешанному в недавнем заговоре, которому удалось скрыться в Англии, где он теперь и находится. Император заявил мне, что это лицо в настоящее время является гостем и излюбленным соучастником в делах лорда Голланда, г. Брофэма и (я полагаю) сэра Джона Макинтоша, и что он пользуется симпатией и защитой этих господ в качестве страдающего русского патриота.

Император торжественно заявил мне, что для него лично совершенно безразлично, кто и как принимает это лицо в Англии, но что он (Николай.—*И. З.*) считает долгом своей совести предупредить правительство его ве-

личества (английское правительство.—*И. З.*) против Тургенева и указать на возможность для Тургенева принести значительный вред, воспользовавшись современным критическим положением с целью распространения революционных идей в тех частях Англии, где ощущается нужда и (как полагает император), может быть, и недовольство)]. [20])

Я имею честь оставаться, милостивый государь, с совершенным почтением...

Странгфорд.

Если можно было обвинять в двойственности предшественника Николая—Александра, как то делали английские дипломаты Александровской эпохи, то, думается, новый император постарался оправдать в этом отношении общую репутацию русских государей. В одно и то же время Николай заявляет о том, что для него лично совершенно неважно, кто и как принимает Тургенева в Англии, и дает понять, прямо и косвенно, что не оказать ему содействия в этом вопросе—значит нанести ему личную обиду.

Момент для того, чтобы вновь обратить внимание английского правительства на пребывание в Англии опасного революционера Тургенева, был выбран намеренно. Трудно было ожидать, чтобы английский посол не передал своему правительству просьбу русского императора в момент представления им своих верительных грамот. И здесь Николая, как и Ливена, ждал успех; как мы увидим далее, извлечение из депеши было переслано в министерство внутренних дел «для сведения». Тем не менее и эта попытка Николая не увенчалась успехом.

Мы полагаем, что приведенная выше депеша дает нам ключ к тому, почему английское правительство в конце-концов отказало в содействии в деле ареста и выдачи Тургенева. Из сообщения посла мы узнаем, что Тургенев поддерживал дружеские отношения с вождями оппозиции. Указывая английскому послу на этот факт, Николай, очевидно, рассчитывал на то, что английское правительство будет считаться с опасностью пребывания Тургенева в Англии. Между тем ясно, что английское правительство уже с самого начала в эту опасность не верило и не имело оснований верить. Буржуазно-аристократическая Англия не разделяла опасений царско-дворянской России и скорее поддерживала, нежели пресекала, национал-либеральное движение на континенте Европы. Недаром лорд Голланд, сэр Джон Макинтош и иные английские покровители Тургенева видели в нем страдающего русского *патриота*.

Вместе с тем высылка или арест Тургенева, пользовавшегося защитой видных деятелей оппозиции, вызвала бы затруднения для правительства, вовсе не чувствовавшего под собою особенно устойчивой почвы. При таких условиях министерство иностранных дел под давлением николаевского правительства испрашивало у министерства внутренних дел, каким образом можно пойти навстречу России, а последнее упорно отмалчивалось. При желании закон

можно было обойти, но не в этом случае. Известие об этом проникло бы в оппозицию.

Мы говорили выше, что извлечение из депеши Странгфорда было переслано в министерство внутренних дел, где мы его и находим с нижеследующим препроводительным письмом [21]):

Министерство иностранных дел.
28 апреля 1826 г.

Г. Гобгаузу
Конфиденциально.

Милостивый государь!

По предписанию статс-секретаря Каннинга (министра иностранных дел.—*И. З.*) препровождаю вам приложенное при сем извлечение из депеши лорда Странгфорда, в котором содержится существо беседы между е(го) п(ресходительством) и императором Николаем по вопросу о бегстве в Англию некоего Тургенева, замешанного в недавнем заговоре в Санкт-Петербурге. Мне поручено просить вас, чтобы вы передали этот документ господину статс-секретарю Пилю (министру внутренних дел.—*И. З.*) для его сведения.

Джозеф Планта (младший).

Никакого ответа на это письмо из министерства внутренних дел мы в архивах Record Office не нашли. Казалось бы, на этом «дело о Николае Тургеневе» должно прекратиться. Но это не так.

IV.

Все вышеизложенное произошло задолго до того, как николаевское правительство обратилось к самому Тургеневу с «приглашением» выехать в Санкт-Петербург. Николаевское правительство, повидимому, было уверено в неудаче этого приглашения.. Небезынтересно лишь то, что молодой секретарь русского посольства в Лондоне апеллировал к чести Тургенева, повелевающей ему подчиниться приглашению Нессельроде и императора Николая. Вряд ли приемы Николаевского правительства по отношению к самому Тургеневу можно признать совместимыми с понятием чести, которая, повидимому, была так дорога секретарю русского посольства в Лондоне.

Отчаявшись в своей попытке получить Тургенева через посредство английского правительства, русское посольство, по предписанию Нессельроде, обратилось к нему лично. Результат этого обращения нам известен из сочинения Тургенева «Россия и Русские». Подтверждается далее сообщение Тургенева о том, что русское посольство вслед за этим отказом Тургенева подчиниться приказу Николая в официальной ноте уведомило английское правительство, *каким людям оно дает убежище*. 25 мая 1826 года поверенный в делах Потемкин просил аудиенцию у Каннинга с тем, чтобы передать ему нижеследующую официальную ноту [22]):

Согласно специальному предписанию императорского двора, нижеподписавшийся, поверенный в делах его императорского величества импе-

ратора всея Руси, доводит до сведения его превосходительства господина Каннинга, главного секретаря его британского величества по иностранным делам, о нижеследующем:

Нижеподписавшийся был уполномочен предупредить господина Николая Тургенева, русского подданного и секретаря государственного совета, чиновника службы его императорского величества, ныне находящегося в Эдинбурге, о том, что он замешан в заговоре, приведшем к происшествию 14/26 декабря 1825 года, и пригласить это лицо выехать в Санкт-Петербург с тем, чтобы оправдаться перед следственной комиссией. Нижеподписавшийся был также уполномочен дать понять господину Тургеневу, что, в случае его отказа последовать этому приказу, он даст повод к тому, что его будут судить заочно, как государственного преступника.

Нижеподписавшийся, получив тягостную уверенность в том, что господин Николай Тургенев отказывается подчиниться приказу императорского правительства, чувствует себя вынужденным не оставить британское правительство в неведении относительно того, что лицо, которому оно дает убежище на территории королевства (Соединенного королевства.— *И. З.*), было предупреждено в том, что оно участвовало в заговоре, имевшем целью ниспровергнуть существующий в России порядок и навлечь на нее все ужасы анархии.

Выполняя, таким образом, предписания своего двора, нижеподписавшийся пользуется случаем, чтобы уверить его превосходительство господина Каннинга в совершенном почтении.

Потемкин.

Лондон. 13/25 мая 1826 г.

Таково то обращение русского поверенного в делах, о котором говорит Тургенев в своих воспоминаниях. Из текста обращения видно, что поверенный в делах к этому времени сознавал не только невозможность выдачи Тургенева, но и то, что его заявление вообще было совершенно напрасным. Мы можем сказать даже больше: Потемкин в своей ноте давал понять английскому правительству, что, действуя так, как ему предписано, он лишь выполняет наистрожайший и специальный приказ русского правительства.

В то же время следует иметь в виду, что эта нота является первым *официальным* выступлением русского посольства.

В ответ на это последнее заявление Потемкина последовало краткое подтверждение ноты со стороны товарища министра иностранных дел, копия которого сохранилась в архиве Record Office. Как указывает и Тургенев, в этом ответе английского правительства не было никакой ссылки на требование русского правительства о выдаче Тургенева. Но в этом случае никакой ссылки на требование русского правительства и не могло быть, потому что в официальной ноте и *требования никакого не было.*

Текст этого подтверждения (копии) следующий [23]):

Копия
Г-ну Потемкину

Министерство иностранных дел.
30 мая 1826 года.

Товарищ министра имеет честь подтвердить получение адресованной ему господином Потемкиным 25 с/м. ноты, относящейся к пребыванию в Англии господина Николая Тургенева.

Подпись (тов. министра)

В архиве английского министерства иностранных дел нет больше документов, которые указывали бы на дальнейшие попытки николаевского правительства в том же направлении. Итак, было сделано все возможное.

Интересно отметить в этом деле личную роль Николая. С самого начала процесса Николай лично является заинтересованным в том, чтобы вызвать Тургенева из-за границы.

Тургенев, несмотря на неоднократные попытки, не мог вернуться в Россию во все время царствования Николая; император категорически высказался против амнистирования Тургенева. Ему никогда не прощалось нежелание подчиниться личному приказу Николая I. Таков был тот, о ком Пушкин писал:

«О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) «Привлекли к суду (в числе других декабристов.—*И. З.*) и Н. И. Тургенева. Русское правительство потребовало его выдачи от Англии, где он тогда находился. Английское правительство выдать отказалось. Одно время распространился слух, что он выдан и привезен в Петербург морем». А. Шебунин. «Н. И. Тургенев». Москва. 1925 г. Стр. 101.

2) «La Russie et les Russes», т. I., стр. 186—190.

3) В начале мая 1826 года.—Ср. Шебунин, цит. соч., стр. 102.

4) «La Russie et les Russes», т. I, стр. 190.

5) Сборник Русск. Исторического Общества, том 131, стр. 14—17.

6) G. Canning. Official Correspondence, ed. Stalpeton, т. II стр. 17.

7) Депеша Нессельроде была отправлена из Санкт-Петербурга 23 дек./4 января 1826 года. Архив английского министерства иностранных дел Record Office F. O. 65 (Russia) v. 161. В тексте это место гласит: «Quelques officiers fort jeunes, qui avec l'imprudence de leur age s'étaient laissés entrainer dans une société dont ils ne concevaient bien ni le but criminel, ni les tristes résultats. Aucun individu de marque ne figure jusqu'à present parmi les conspirateurs».

8) Correspondence of Princess Lieven and Earl Grey. Ed. Guy, le Strange, т. I, стр. 22—23.

9) Record Office F. O. 65 (Russia) 161.

10) Помещение русского посольства в Лондоне.

11) F. O. 65 (Russia) 161. Копия. Мы не могли найти оригинала этого документа в архиве.

12) Повидимому, товарищ министра внутренних дел.

13) F. O. 65 (Russia) 161. «Memto. This application from Ct. Lieven was not permitted in owing of his leaving England at the moment. March 1826.

14) Ср. Сборник Русск. Историч. Общества, том 131, стр. 54—57. Письмо 36-е. Имп. Николай Павлович—цесаревичу Константину. СПБ 20 февраля—4 марта 1826 г. «Wellington est ici depuis jeudi; très vieux et cassé». О времени приезда герцога Веллингтона в Петербург см. также статью

Harold Temperley: «Princess Lieven and the Protocol of 4 the April 1826. English Hist. Review, том XXXIX, стр. 73.

15) (Князевича)?—*И. З.*

16) Duke of Wellington. Supplementary Despatches том III. Декабрь 1825 г.—Март 1827 г., стр. 151—153.

17) «New Monthly Magazine». Февраль 1826 г., стр. 194.

18) См. письмо Лайэлля в газету «Морнинг Кроникль» 18 января 1826 г.

19) Record Office F. O. 65 (Russia) 157.

20) Часть депеши, пересланная в министерство внутренних дел (Home Office) заключена нами в двойные скобки. Это извлечение находится в архиве министерства внутренних дел.

21) Record Office H. O. 32. 15.

22) Record Office F. O. 65 (Russia) 162.

23) Копия. Оригинал послан в русское посольство.

М. Муравьев.

Декабрист Артамон Захарович Муравьев

А. З. Муравьев родился 3/14 октября 1793 г. Его отец З. М. Муравьев (р. 1759) служил в артиллерии, в 80-х годах был «офицером при греческой гимназии» в Петербурге, а в 1788, будучи капитаном, под начальством Потемкина участвовал в осаде при кровопролитном штурме Очакова, о чем стариком любил вспоминать.

В 1792 г. З. М. женился на баронессе Елизавете Карловне Поссе; в это время он жил то в Петербурге, то у отца в деревне—селе Михайловском Лужского у., а с 1794 г. в сельце Теребони Новгородского уезда. Здесь-то и протекали детские годы Артамона Муравьева.

Старшее поколение Муравьевых, насколько об этом можно судить по оставшимся после них книгам, испытало на себе влияние идей французских энциклопедистов,—заявление общее для русского образованного класса XVIII века.

С материнской стороны на склад понятий Артамона Муравьева должен был влиять ранний немецкий романтизм. В Петербурге Муравьевы были близки с семьей Михаила Никитича Муравьева, одного из просвещеннейших людей начала XIX века.

Таким образом детство Артамона Муравьева протекало в атмосфере, не чуждой отвлеченных гуманитарных идей.

У старшего поколения, у людей еще Екатерининской эпохи, эти идеи не претворялись в жизнь, но они будили чувства, смягчали нравы, и если у них было еще раз'единение мысли и дела и если поколение это не сделало употребления из своих идей, то оно сберегло их до поры до времени и они помогли воспитанию следующего поколения, которое серьезно взглянуло на свои задачи [1].

До нас дошло «изустное» завещание Захара Матвеевича 1832 г., записанное со слов умирающего; в нем первая его забота о жене своего несчастного сына, томящегося в дальней Чите, ему, лишенному всех прав состояния, ничего нельзя завещать, но жене его с сыном можно, и вот он завещает им свое именье—Теребони, в котором протекло детство Артамона и которое тот хотел получить еще в 1821 г.—Потом он завещал отпустить на волю шесть дворовых людей, наиболее ему близких слуг, с детьми их. Трогательна его забота о бедных в завещании—их у него целых три категории:

«мои бедные», «более бедные чужие» и наконец—«стыдящиеся бедные»; надо иметь действительно доброе сердце, чтобы угадать «стыдящуюся» бедноту, оценить у бедняка человеческое достоинство.

Из завещания мы узнаем, что у З. М. было много книг, он дорожил ими, разве иначе вспомнил бы их, умирая: церковные отдает в свою приходскую церковь, а светские оставляет своему младшему сыну.

Последняя просьба умирающего к дочери и младшему сыну: «не оставить в забвении хорошо служащих» ему людей.

В этом кратком и не мудром «изустном» завещании так и сквозит доброта Захара Матвеевича. Доброта эта перешла к Артамону Муравьеву, который с материнской стороны унаследовал романтизм. О том, как на склад характера Артамона Захаровича повлияли полученное им образование, среда, в которой ему пришлось вращаться, и боевые годы,—мы сейчас увидим.

После домашней подготовки Артамон Муравьев с младшим братом Александром в 1810 г. поступает в Московский университет. В Москве они жили у инспектора университета Рейнгарта. Одновременно с посещением университетских лекций были они слушателями в только что возникшем «Обществе математиков», послужившем началом известного «Учебного заведения для колонновожатых»—колыбели нашего генерального штаба. Президентом о-ва математиков был Ник. Ник. Муравьев, по отзыву современников человек выдающейся гуманности, стоицизма и широкого просвещения; он бесплатно предоставил обществу часть своего дома и обширную библиотеку и преподавал в нем военные науки.

В марте 1811 г. в обществе математиков было 16 слушателей, в том числе будущие декабристы: Артамон, Михаил и Никита Муравьевы, Бурцев и Филиппович.—5 авг. 1811 г. Артамон и Александр Муравьевы были зачислены колонновожатыми и продолжали свою военную подготовку уже в Петербурге, в образованном при главном штабе училище для колонновожатых, и 27 янв. 1812 г. по экзамену были произведены прапорщиками, Артамон—в свиту его величества по квартирмейстерской части, а Александр—в инженеры.

В формуляре А. З., в графе о том, какие науки знает, показано. «по-российски, по-французски и по-немецки, фортификации, артиллерии и часть математики знает».

В Петербурге Муравьевы жили с родителями и частенько бывали у своих родственников — молодых офицеров генерального штаба Александра и Николая Муравьевых, которые жили со своим двоюродным братом Александром Мордвиновым на Подгорной улице близ Смольного.

Там собиралась военная молодежь; в этот приятельский кружок входили свитские офицеры: Колычев и М. А. Ермолов, юнкер Семеновского полка Матвей Муравьев-Апостол, юнкер конной гвардии Сенявин и колонновожатые Лев и Василий Перовские.

Вся эта молодежь принадлежала к культурным семьям, обладала живостью, свойственной молодежи, и получила, или получала, основательное для того времени образование. Идеалы их, может быть, еще не определились; суровые уроки жизни не вытеснили из их молодых голов романтических стремлений, которыми было так богато начало XIX века—таинственное одинаково привлекательно молодым людям и молодым обществам; масонство и мистицизм уже отживали свое время, а реальные политические стремления еще не созрели.

На этой-то почве и под влиянием „Contrat social“ Руссо, в этом приятельском кружке образовалось наивно-детское тайное общество под названием «Чока», что подробно описано одним из его участников Н. Н. Муравьевым-Карским в его записках [2]. Члены общества «Чока» должны были удалиться на остров Сахалин, образовать местных жителей и учредить новую республику.—Эта юношеская утопия, создавшаяся под влиянием идей Руссо и навеянная романтизмом, была результатом безотчетного стремления к лучшим формам общежития, неудовлетворенности действительностью.

Здесь знаменательно, что почти все участники этого кружка оказались впоследствии членами наших тайных обществ, с совершенно уже определенною политической окраской и реальным планом осуществления своих задач.—И «Чока» было не единственным тайным обществом среди молодых офицеров.—Конец XVIII и начало XIX в. в. могут быть названы «классическим временем тайных обществ и действительных и воображаемых» [3]; это об'ясняется тем, что в то время прогрессивные стремления общества не имели других средств для своего выражения.

Участием в этом фантастическом обществе закончились юношеские годы Арт. Муравьева—24 янв. 1812 г. он был произведен в прапорщики, а через 4 дня уже командирован в Дунайскую армию.

Как офицер квартирмейстерской части, А. З. находился при штабе адмирала Чичагова и участвовал в движении Дунайской армии на соединение с армией Тормасова. В конце декабря А. З. командирован с картами в Петербург, а по возвращении оттуда зачислен в Западную армию Барклая-де-Толли и в ее рядах участвовал в блокаде Торна, в сражениях под Кенигсвартом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и, наконец, в боях, предшествовавших сдаче Парижа, получив ряд боевых отличий; 30 апр. был переведен штабс-ротмистром в л.-гв. Кавалергардский полк и в составе этого полка совершает обратный поход в Россию. После двухлетнего похода наступает период от-

дыха—А. З. жил в своей семье, полковая служба была не трудна, а светская жизнь доставляла много удовольствий и развлечений.

От этого времени сохранилась записка М. С. Лунина, однополчанина и троюродного брата А. З., первый был в отпуску, а второй в командировке в Тамбовской губ.

22 окт./3 ноябр. 1814 г. Лунин писал:

«Наилюбезнейший моему сердцу, друг и братец Артамон Захарович, нет четырех месяцев, как судьба соединила нас в Париже, а теперь вновь соединяет, и где же? В опустелой, дикой, гнусной Тамбовской губернии. Событие странное, но не менее того для меня приятное. Прошу навестить меня в моей степи. В Париже ходили вместе к девкам (en bonne fortune), а здесь пойдем вместе за волками, за медведями. Всякая земля имеет свои забавы, свои увеселения. Прощай, до свидания. Михаил Лунин» [4].

Записка эта показывает, как относилась тогдашняя гвардейская молодежь к глухой русской провинции,—по сравнению с Европой русская обстановка и условия русской жизни были и дикими, и гнусными.

7 июля 1815 г. А. З. был назначен ад'ютантом к ген-ад. гр. де-Ламберту и отправился вместе с ним во Францию, где был прикомандирован к оккупационному корпусу гр. М. С. Воронцова.

Мягкий характер и образованность Воронцова при ревностном старании нескольких лиц его штаба совершенно преобразили весь строй оккупационного корпуса—«друзья цивилизации желали, чтобы этот корпус по возвращении в Россию сохранил свою целость, чтобы послужить образцом преобразований в остальной армии» [5]. В составе оккупационного корпуса А. З. провел три года, за это время он совершенно европеизировался в лучшем значении этого слова.

Таким образом, гуманные либеральные идеи, вынесенные Артамоном Муравьевым из семьи, получили дальнейшее развитие за время его учебных лет в Москве и Петербурге и поддерживались во время прохождения им военной службы.

К французскому периоду жизни А. З. надо отнести увлечение медициной—он посещал во Франции лекции и клиники; склонность к медицине была подмечена еще его сотоварищами по обществу «Чока» (там на него возлагалась медицинская часть будущей республики) и бережно им унесена в каторгу и ссылку.

В Теребонском саду сохранились следы этого увлечения в виде многолетних лекарственных растений, сто лет тому назад возделанных Арт. Муравьевым, там укоренившихся и акклиматизировавшихся.

В 1818 г. А. З. вернулся в Россию, был произведен в ротмистры и вступил в Кавалергардский полк.

Среди его однополчан находились будущие декабристы: Анненков, Ивашев, Свистунов и А. М. Муравьев и «причастные» к декабристам: Васильчиков, кн. Вяземский 2, Горожанский, Депрерадович и Свиньин. Таким образом, круг его знакомства с будущими заговорщиками расширялся, идейная общность сближала их и подготовляла почву для совместной деятельности в только что возникшем тайном обществе.

По донесению следственной комиссии в начале 1818 года в «Общество военных людей» были приняты еще старые знакомые из общества «Чока»—Артамон Муравьев, находившийся тогда в Москве в составе первого эскадрона Кавалергардского полка, и оба брата Перовские, все трое вступили в «Союз Благоденствия».

2/14 ноября 1818 г. А. З. женился на Вере Алексеевне Горяиновой.—Молодые поселились в Петербурге, по летам же, поскольку позволяли лагерные сборы, проживали в Теребонях. За первые шесть лет у них родились три сына. В 1822 г. через 9 $^1/_2$ лет службы А. З. был произведен в полковники, а 12/24 фев. 1824 г. был назначен командиром Ахтырского гусарского полка.

Сперва А. З. переехал без семьи в м. Любар—место штаб-квартиры ахтырских гусар, вблизи которого находились Тульчин и Васильков,—средоточия Южного общества; здесь Арт. Муравьев вошел в близкое общение с наиболее деятельными членами Южного общества, из которых многих он знал еще по Петербургу. В начале июля 1825 г. А. З. выехал навстречу своей семье в Киев; с'ехался он там со своим петербургским знакомым, а может быть и сочленом по тайному обществу, А. С. Грибоедовым; познакомил его там с Бестужевым-Рюминым, Трубецким и Сергеем Муравьевым-Апостолом; вот что по этому поводу показывал он следственной комиссии: «Желание мое видеть Сергея Муравьева тогда истинно было родственное и дружеское, касательно Грибоедова, то говоря о моем брате, как об особенно умном человеке, и зная, что Грибоедов предполагал остаться в Киеве, то хотел доставить ему этим удовольствие. С. Муравьевым, Сергеем, я виделся тогда коротко, ибо он приехал в полдень, а уехал на другое утро, рано. Во время же его бытности сих нескольких часов, приехала моя жена, с которой я шесть месяцев не виделся. При мне разговор их, в котором я участвовал урывками, был общий и не касающийся до общества».

Впервые мысль о цареубийстве возникла среди декабристов еще в 1817 г., у Лунина, в «Союзе Спасения». В 1818 г., после известного письма Трубецкого А. Муравьеву, что «государь влюблен в Польшу», цареубийство выдвигалось А. Н. Муравьевым, Якушкиным, Шаховским и Арт. Муравьевым. Выдвигалось же оно и впоследствии, как единственный выход из все усиливавшейся реакции, но большинство членов тайных обществ колебалось в выполнении этого замысла,

не колебались только Пестель, Якубович и Артамон Муравьев, но по разным побуждениям.

Пестель видел в этом один из этапов выполнения намеченной программы, Якубович примешивал к этому личное дело, а Артамон Муравьев—подвиг.

Во время лагерного сбора в Лещинах осенью 1825 г. у командира Алексопольского полка Повало-Швейковского, отличного офицера, по вздорной причине был отнят полк.

К Швейковскому с'ехались С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Тизенгаузен, Враницкий и Арт. Муравьев. Обсудив происшедшее, предполагая, что общество открыто правительством, решили начать восстание поднятием 3 корпуса, с которым итти на Киев, а в Таганрог послать убийцу, и Арт. Муравьев предлагал себя, но ему отвечали: «Ты нам нужен здесь, для своего полка». Швейковский со слезами стал просить товарищей не жертвовать собой за него (?), отложить всякое действие: чувствуя всю невероятность удачи, они согласились и дали на евангелии клятву начать революцию во что бы то ни стало летом 1826 г.,—тогда думали они убиением императора Александра и подать знак к повсеместным смятениям и принудить Сенат провозгласить избранную ими конституцию. Артамон Муравьев еще несколько времени упорствовал в желании не откладывать и ехать для убийства в Таганрог [6].

С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин показывали следственной комиссии, что ему худо верили, считая его самохвалом, яростным более на словах, нежели на самом деле; он сам признался перед комиссией в истине приписываемых ему слов и умысла [7].

Эту характеристику Арт. Муравьева, данную след. комиссии С. Муравьевым и Бестужевым, надо отнести к чувству досады на него за отказ в декабре 1825 г. поднять с ними знамя восстания. Дальше мы увидим мотивы этого отказа, но до этого чувства досады Бестужев иначе смотрел на Арт. Муравьева: говоря «славянам» о членах Южного общества и перечисляя их, в том числе и Арт. Муравьева, он говорил, что «все эти благородные люди, забыв почести и богатство, поднялись освобождать Россию от постыдного рабства и готовы умереть за благо отечества» [8].

Артамон Захарович в семейной жизни был счастлив, был на пути блестящей карьеры и, хотя и имел долги, но материально был обеспечен. Вызываясь выступить на путь террора, он от всего этого отрекался и, как это мы сейчас увидим, это было не самохвальство, а искреннее убеждение, романтическое искание подвига.

Мы из официальных источников знаем, что в промежутках времени с 1818 по 1825 г.г. он трижды вызывался на цареубийство, мысль эта не оставляла его. Юношей он отличался живостью, ро-

мантизм воспитал в нем жажду подвига, либеральный уклон вел его к политическому убийству.

Декабрист Горбачевский, описывая собрание членов тайного общества, бывшее у С. Муравьева-Апостола, говорит, что Арт. Муравьев произносил беспрестанно страшные клятвы купить свободу кровью. «Славяне» видели в нем не только решительного республиканца, но и ужасного террориста» [9].

Идеология цареубийства получила свое полное освещение в устах двух декабристов.

В письме 19 марта 1825 г. на имя императора Николая Каховский писал: «... преступная цель была наша: истребить всю ныне царствующую фамилию и хотя с ужасным потоком крови основать правление народное. Успеть в первом мы весьма легко могли, людей с самоотвержением было достаточно. Я первый за первое благо считал, не только жизнью, честью жертвовать пользе моего отечества. Умереть на плахе, быть растерзану и умереть в самую минуту наслаждения,—не все ли равно? Но что может быть слаще, как умереть, принеся пользу? Человек, исполненный чистотою, жертвует собой не с тем, чтобы заслужить славу, строчку в истории, но творить добро для добра без возмездия» [10].

Другой участник возмущения 14 декабря, А. П. Беляев, в свои «Воспоминания» занес: «Я и теперь сознаю в душе, что если б можно было одною своею жертвой совершить дело обновления отечества, то такая жертва была бы высока и свята, но то беда, что революционеры вместе с собой приносят, преимущественно, в жертву людей, вероятно, большей частью довольных своей судьбой и вовсе не желающих и даже не понимающих тех благодеяний, которые им хотят навязать против их убеждений, верований и желаний... Только тот подвиг высок, свят и никогда не влечет за собой раскаяния, в котором добродетельный человек жертвует своим счастьем, своими радостями, даже своею́ жизнью для блага людей и вообще для истины; но только своею жизнью, а не чужою, и не мятежом, не возмущением всех страстей и не разнузданием всех дурных инстинктов падшего человечества» [11].

Арт. Муравьев, искренне убежденный в необходимости переворота и зная по своему продолжительному пребыванию во Франции, сколь дорого ей обошлась революция, жаждал именно такого подвига; он на это вызывался, и когда предложение его было отвергнуто в третий раз, он сделал попытку на свой риск покуситься на цареубийство, думая тем предотвратить междоусобие со всеми его кровавыми жертвами,—«одною своею жертвою хотел он совершить дело обновления отечества».

Более половины декабристов полагали необходимым насильственное устранение Александра I, многие вызывались на это, но только Арт. Муравьев пытался это сделать.

В воспоминаниях Н. И. Шенига приведен рассказ вагенмейстера импер. Александра, А. Д. Соломки, о «замечательном происшествии, случившемся во время последней поездки государя из Петербурга в Таганрог» [12].

По маршруту был назначен ночлег в Константинограде, и император приехал туда между 1/13 и 14/26 сент., остановился в одном доме с Дибичем. Соломка, войдя в приготовленную ему в другом доме комнату, нашел сидящим на его кровати незнакомого ему гусарского офицера в парадной форме. При входе Соломки тот вскочил и с извинением об'яснил, что он полковник Арт. Муравьев, командир Ахтырского полка, и прибыл нарочно в Константиноград, чтобы искать претензию и покровительство Соломки, и под величайшей тайной открыл, что он растратил казенные деньги, и, ожидая на-днях инспекторского смотра, предвидит свою гибель и потому решился на дерзкий шаг,—искать случая лично об'яснить государю свое положение и пасть к ногам его с повинной головой. Но, чтобы видеть императора наедине, он не нашел другого средства, как прибегнуть к Соломке с просьбой доставить ему удобную минуту и по секрету, через камердинера, доложить о его желании государю (А. З. избегает посредничества Дибича). В это время фельд'егерь Годфруа позвал Соломку к Дибичу. Дибич, затворив дверь, серьезным голосом спросил Соломку: «кто у вас в гостях?». Соломка рассказал ему все, добавив, что прежде никогда не видывал Муравьева. Тогда Дибич приказал ему итти к себе и сказать Муравьеву, что он нашел удобный случай исполнить его желание, но привести Муравьева не к государю, а к нему, Дибичу.

Со свойственной ему хитростью Соломка, приняв веселый вид, возвратился к себе и с торжеством об'явил Муравьеву, что судьба ему покровительствует, случай готов и государь его ожидает. Муравьев в восторге пошел с Соломкой и был проведен к Дибичу, с которым и пробыл около получаса. Соломка же получил от Дибича приказание наблюдать за Муравьевым и не выпускать его из глаз до выезда государя, а в помощь ему он дал Годфруа, который должен был ночевать при входе соломкиной квартиры.

Вернувшись к Соломке, Муравьев начал его упрекать за обман, при этом показал ему пакет с деньгами, сказав, что государь, узнав от Дибича о его положении, велел ему вручить 20 тыс. руб., что это благодеяние его так поразило, что он снова просит Соломку доставить ему случай видеть государя и пасть к его ногам с из'явлением благодарности. Соломка уверил, что государь уезжает на другой день не рано, в чем ручается. Муравьев в этой на-

дежде лег спать; Соломка, притворившись спящим, не спускал с него глаз, а утром, расположась пить чай, успокаивал его надеждой на свидание с государем. Колокольный звон и крик народа возвестили выезд императора, и вошедший Годфруа об'явил, что государь уехал и что коляска Соломки у крыльца. Муравьев побледнел от досады, а Соломка, извинившись в неудаче, оставил его в Константинограде.

Шениг высказывает предположение, что государь был заранее предуведомлен о готовящемся покушении, потому что Дибич знал о нахождении Муравьева на квартире у Соломки. «Непонятно,—говорит Шениг,—почему он тогда не был схвачен?»

Перед самым от'ездом в Таганрог Александр имел свидание с «известчиком» Шервудом; материалы, полученные от Шервуда, Александр передал Дибичу. «Известно, что Александр сам упорно воздерживался от активной борьбы с тайными обществами, и если меры принимались, то помимо его. Что же касается до отношения Дибича к Арт. Муравьеву, то он и помимо извещения Шервуда должен был знать о либеральном образе мыслей Муравьева, так как был женат на его двоюродной сестре, баронессе фон-Торнау; он ему не доверял, но он его щадил,—этим вероятно и об'ясняется, что А. З. не был арестован в Константинограде.

О своем неудавшемся покушении, да еще предпринятом вопреки принятому членами тайного общества решению, Арт. Муравьев, конечно, молчал, но слух об этом дошел и до тайного общества — 12/24 декабря, на собрании у Рылеева, кн. Щепин-Ростовский, войдя с запискою, прочитал, что «государь император, почивающий ныне в бозе, был в опасности, в Таганроге, и что двое каких-то отважных людей готовились отнять у него жизнь» [13].

Проник слух и в народ,—до нас дошла рукопись дворового человека Федора Федорова, записавшего 51 народный слух, вызванный неожиданной кончиной Александра; под 25 слухом у него записано: «Когда государь поехал в Таганрог, то за ним гнались во всю дорогу многие господа с тем намерением, чтобы убить его; то двое и догнали в одном месте, но убить не осмелились; так народ заключает, что государь убит в Таганроге верноподданными извергами» [14].

Как у всех слабохарактерных людей, фанатически преданных своей идее, происшедшая неудача должна была повергнуть Арт. Муравьева в состояние, близкое к отчаянию; за фанатическим под'емом должно было последовать угрызение совести и разочарование в деле, для которого он только что решался пожертвовать своей жизнью; благодеяние же того, на чью жизнь он только что покушался, усугубляло раскаяние.

Это подтверждается дальнейшим ходом событий. Вот как они рисуются по рассказам современников, членов Общества соединенных славян [15], и письмам Веры Алексеевны Муравьевой, жены А. З.— ход событий по всем этим источникам совершенно согласен.

После своей неудачи в Константинограде А. З. испытывал тайные терзания, был грустен, беспокоен, лишал себя пищи, избегая присутствия жены и детей. Состояние это все ухудшалось, в особенности после получения известия о событиях 14/26 декабря, а они были вызваны смертью того, на кого он покушался.

После присяги Константину Павловичу А. З. удивился, что долго не дают сигнала к действию, и под видом командировки хотел послать ротмистра Франка 5, которого он знал, как члена тайного общества, в Васильков к Сергею Муравьеву, но Франк отказался от того, и А. З. понял, что полк не готов.

Видя тревожное состояние мужа, 25 декабря Вера Алексеевна бросилась к ногам его и заклинала его сказать, что его ввергло в это несчастное состояние. В своем отчаянии, не будучи в состоянии противостоять мольбам жены, А. З. поведал ей, что он член тайного общества; он называл себя палачом ее и детей их, он раскаивался и тяготился жизнью.

Охваченная скорбью, Вера Алексеевна спрашивала его, не поправимо ли это несчастье, не могло ли бы полное признание и полное раскаяние перед государем спасти его, или по крайней мере умалить его вину, но он повторял только одно—«слишком поздно».

Зная, что на другой день Ахтырский полк должен был присягать, Вера Алексеевна спросила у мужа, не вовлек ли он в заговор некоторых своих офицеров и каковы были его предположения на следующий день, на что А. З. ответил, что он единственный виновный и что, раскаявшись перед богом, он исполнит свой долг; и действительно, 26 декабря он привел ахтырских гусар к присяге. 27 декабря к А. З. приехали братья Муравьевы-Апостолы, они тотчас же заперлись в отдельной комнате. Вскоре приехал из Василькова Бестужев-Рюмин с известием, что С. И. Муравьева-Апостола приказано арестовать и что за ним для этого мчится командир Черниговского полка Гебель. Эти слова были громовым ударом для Муравьевых.

«Мы погибли!—вскричал Матвей Муравьев,—нас ожидает страшная участь, не лучше ли нам умереть? Прикажи подать ужин и шампанского,—продолжал он, обратясь к А. З.,—выпьем и застрелимся весело».—«Не будет ли это слишком рано?»—сказал с некоторым огорчением Сергей Иванович.—«Мы умрем в самую пору,—возразил М. И.,—подумай, брат, что мы четверо—самые главные члены общества».—«Я решился на другое,—отвечал С. И.—Артамон Захарович может переменить вид дела»,—и, оборотясь к последнему, он предложил ему немедленно собрать Ахтырский полк, итти на Троя-

нов, увлечь с собою Александрийский гусарский полк, явиться внезапно в Житомир и арестовать всю корпусную квартиру.

Не ожидая ответа от Арт. Муравьева, С. И. написал две записки—одну Горбачевскому, а другую Спиридонову и Тютчеву, уведомляя о начале восстания и приглашая к содействию, назначив Житомир сборным пунктом.

Отдавая эти записки А. З., он убедительно просил его отправить их тотчас с нарочным. Артамон Муравьев, взяв от него записки, после некоторого молчания начал говорить о невозможности восстания и между прочими отговорками сказал: «я недавно принял полк и потому еще не знаю хорошо ни офицеров, ни солдат; мой полк не приготовлен к такому важному предприятию; пуститься на оное значит заранее приготовить неудачу».

Ротмистр Семичев, тоже член тайного общества, который пришел к Артамону Муравьеву за несколько минут до приезда Бестужева, при таком ответе своего командира о расположении полка не мог воздержаться от возражения: «я думаю совершенно противное, г. полковник,—сказал он,—в этом случае нужна решимость и сильная воля; если вы не хотите сами сговориться с офицерами и солдатами, то соберите полк в штаб-квартиру; остальное нам предоставьте».

Возражение Семичева пробудило надежду у С. Муравьева, его просьба приняла вид требования; представляя участь, ожидающую членов общества, от требования он перешел к упрекам. Но А. Муравьев и слушать не хотел о возмущении: «я сейчас еду,—сказал он с жаром,—в С.-Петербург, к государю, расскажу ему все подробно об обществе; представлю, с какой целью оно было составлено, что намеревалось сделать и чего желало. Я уверен,—продолжал он,—что государь, узнавши наши добрые намерения, оставит нас всех при своих местах, и верно найдутся люди, окружающие его, которые примут нашу сторону»*). При этих словах он сжег на свечке записки, писанные С. Муравьевым-Апостолом к «славянам».

А. З. глубоко заблуждался, но был искренен в своем порыве, Сергей же Иванович, не придавая его словам реального значения, не находя поддержки, потерял терпение: «я жестоко обманулся в тебе,—сказал он с величайшей досадой,—поступки твои относительно нашего общества заслуживают всевозможные упреки. Когда я хотел принять в общество твоего брата [16], он, как прямодушный человек, об'явил мне откровенно, что образ его мыслей противен всякого рода

---

*) На одном допросе Пестель показывал: «часто говорено было, что ежели сам государь подарит твердыми законами и постоянным порядком дел, то мы будем его вернейшими приверженцами и оберегателями, ибо нам дело только до того, чтобы Россия пользовалась благоденствием, откуда бы оное ни произошло, и в таком случае готовы совершенно забыть о республиканских мыслях» (Бороздин, «Из писем и показаний декабристов», стр. 111).—То, что высказал Арт. Муравьев, часто говорено было», но в Александра изверились, а Николаю доверяли.

революциям и что он не хочет принадлежать ни к какому обществу; ты же, напротив, принял предложение с необычайным жаром, осыпал нас обещаниями, клялся сделать то, чего мы даже не требовали; а теперь, в критические минуты, когда дело идет о жизни всех нас, ты отказываешься и даже не хочешь уведомить наших членов об угрожающей мне и всем опасности. После сего я прекращаю с тобой знакомство, дружбу и с сей минуты все мои сношения с тобой прерваны!».

После минутного молчания С. Муравьев попытался еще раз уговорить Арт. Муравьева, написал новую записку в 8-ю бригаду и, отдавая ее А. З., сказал с выражением горести: «доставь ее в 8-ю бригаду; это моя к тебе последняя просьба, одна услуга, которой я смею от тебя ожидать».

Здесь надо отметить, что ни С. И. Муравьев, ни Семичев не нашли возможным поднять Ахтырский гусарский полк, помимо его командира: они тоже не были уверены в его готовности к восстанию.

Арт. Муравьев взял записку и, казалось, тронутый просьбами своего родственника и сочлена, соглашался доставить ее «славянам».

Бестужев вызвался сам ехать в 8-ю дивизию и в артиллерию, прося Арт. Муравьева снабдить его подорожною и деньгами; тот, отказав и в том и в другом, советовал Бестужеву сесть на пристяжную и выехать на первую станцию, с которой взять почтовых до 8-й дивизии, но Сергею Муравьеву А. З. дал 10.000 рублей. После этих переговоров, которые длились около часу, Муравьевы-Апостолы и Бестужев спешно выехали в Черниговский полк проселочной дорогой—и безопаснейшей, и ближайшей.

Сейчас же после их от'езда Вера Алексеевна пришла к мужу и спросила о причине этого посещения и стремительного от'езда. А. З. был опечален; Вера Алексеевна умоляла его ничего от нее не скрывать; тогда он ей сказал, что Муравьевы-Апостолы должны были быть арестованы и что Бестужев-Рюмин поспешил их о том уведомить; что они приехали требовать от него выполнения его слова и умоляли действовать с ними.

А. З. находился в необычайном волнении, нерешительность была на его лице, но мягкость характера и потеря веры в заговор взяли верх, и непроизвольным движением он передал жене записку, которую держал в руке, сказав: «прочитай, сожги и суди о моем раскаянии и моих угрызениях». Вера Алексеевна прочитала записку и сожгла.

Вскоре затем к А. З. приехали Гебель с жандармским поручиком Лангом—они гнались за Сергеем Муравьевым-Апостолом; под разными предлогами он задержал их на несколько часов и тем дал возможность Муравьевым-Апостолам и Бестужеву доехать до д. Трилесы; как мы увидим и дальше, А. З. не верил в успех вооруженного восстания, но не находил возможным препятствовать ему, почитая это за предательство.

Вскоре после от'езда Гебеля, к А. З. явился член «Общ. Соединенных Славян», подпоручик 8-й бригады Андреевич, получивший отказ в содействии от Повало-Швейковского; он просил у А. З. гусар и денег, но получил тоже отказ. На дальнейшие настойчивые требования Андреевича, А. З. возразил: «в последний раз говорю вам, что ваше требование не может быть исполнено, мой полк не готов», и, уйдя в другую комнату, через несколько минут вернулся и, подавая Андреевичу 400 рубл., сказал: «я знаю, что у ротмистра Малявина продается лошадь; купите ее за эти деньги и поезжайте скорее вслед за Муравьевыми и Бестужевым, я ничего не могу для вас сделать».

Андреевич пошел к гусарским офицерам Семичеву и братьям Никифоровым, тоже членами тайного общества; гусары слушали его с негодованием, но гнев их кончился одними словами,—пишет Горбачевский,—они не могли тотчас приступить к действию — полк их был разбросан по деревням; «солдаты наши не приготовлены,—говорили они,—большая часть офицеров ничего не знает». А. З. был прав—Ахтырский полк не был подготовлен, и среди его офицеров только пятеро принадлежали к обществу; а 3/15 января Семичев со своим эскадроном сражался с Черниговским полком.

Командиру 3-й гус. див. г.-л. Ридигеру было приказано арестовать А. З., 31 декабря он его позвал к себе на чай и в своем кабинете отобрал у него саблю. В тот же день Артамона Муравьева отправили в Петербург.

Узнав от Веры Алексеевны об участи, постигшей А. З., подчиненные его плакали вместе с ней, так как он был очень любим в полку.

На другой день ареста А. З. Вера Алексеевна выехала в Петербург. Ехала она очень быстро—9 января вечером была уже у своей сестры—Любови Алексеевны Карнович, а 15-го уже получила письмо от А. З. из Петропавловской крепости, куда он был доставлен 8 января вечером, при записке Николая I на имя коменданта Сукина: «присылаемых Муравьева и фон-Вольского посадить по усмотрению и содержать строго, дав писать, что хотят».

В Петербурге Вера Алексеевна нашла самое горячее участие в семьях Карновичей и Канкриных [17]. Генерал Канкрин исходатайствовал у Николая Павловича разрешение переписываться супругам Муравьевым, но вскоре оно было отнято, а на вторичное ходатайство Канкрин получил от императора отказ «словами, которые удручили» Веру Алексеевну. Такая перемена получает некоторое освещение в 2 записках императора Николая от 17 января,—в первой из них значится: «содержащегося Арт. Муравьева прислать с г. а. Левашевым ко мне», а во второй: «присылаемого злодея Муравьева Артамона заковать и содержать как наистроже» [18].—Муравьев был немедленно закован и расскован только 30 апреля.

Немало лиц, заключенных в то время в Петропавловской крепости, были по распоряжению Николая Павловича закованы, но только двое удостоились от императора эпитета «злодеи»—это Арт. Муравьев и Якушкин; очевидно, их показания очень не понравились Николаю Павловичу: вероятно, они касались их предположений на цареубийство.

Арт. Муравьев был скуп на признания при допросе следственной комиссии, сознавался только после очных ставок и все-таки не дал никаких подробностей, за которыми так гонялась комиссия [19].

Декабристов в Петропавловской крепости содержали в очень маленьких казематах, сырых и скудно освещенных.—Медленно тянулись дни; уныние наводили башенные куранты, отмечавшие каждые четверть часа—звук их производил содрогание в заключенных, терпение и спокойствие истощались, сердце выболело, мысли мешались [20]. В первый период заключенных вызывали в комиссию, что было всегда мучительно, так как лишнее слово могло прибавить горе тому, до кого это слово коснется, но постепенно допросы сделались реже, наступило полное одиночество, даже со стражей нельзя было говорить [21].

Заключение для А. З. было очень тяжелое: сперва ему было разрешено переписываться с женой, но после царского допроса разрешение это было отнято; присылать книги не разрешали, потом его заковали, как «злодея», и по высочайшему повелению «содержали как наистроже».

Первый разряд, к которому был отнесен Арт. Муравьев, был приговорен к отсечению головы, но эту казнь Николай I заменил вечной каторгой.

17 июля 1826 г. состоялось высочайшее повеление о немедленной отправке закованными, при жандармах и фельд'егере, в Иркутск к губернатору Цейдлеру—Трубецкого, Оболенского, Арт. Муравьева, Давыдова, Якубовича, Волконского и братьев Борисовых.

Первая партия декабристов выехала из Петербурга 21 июля на рассвете; на первой станции «нас ожидала,—пишет Оболенский,—жена А. З. Муравьева для последнего прощания с мужем. Не более часа пробыли они вместе, лошадей переменили, и скоро мы миновали Новую Ладогу... останавливались в гостиницах. А. З. был общим казначеем и щедро платил за наше угощение; наша отрада состояла в беседе друг с другом». Путешествие было тягостно. Арестанты от скорой езды и тряски ослабевали и часто хворали, кандалы протирали ноги им до крови. В Иркутск прибыли они после 36-дневного путешествия, 27 августа. И в пути и в Иркутске видели они много внимания и участия. «Никакими словами и никаким поступком,—вспоминал Оболенский это время,—не оскорбили в нас того чувства собственного достоинства, которое неизменно нами сохранялось».

Декабристов назначили на заводы — Муравьева с Давыдовым на Александровский винокуренный, вскоре к ним присоединили братьев Борисовых, но уже 6 октября все восемь декабристов первой партии были вызваны в Иркутск и оттуда отправлены в Нерчинск на Благодатские рудники.

В инструкции губернатора начальнику Нерчинских заводов Бурнашову ему вменялось, чтобы содержание декабристов было обеспечено—«дабы не допускать их до свободы, которую каторжане по окончании работ имеют для снискания себе вольными работами средств к содержанию». Таким образом их положение было еще более стесненным, чем у уголовных каторжан; к тому же они были закованы в ножные кандалы (весом 5 фунтов), а для уголовных это было одною из мер наказания.

Арестанты работали в подземных шахтах, с 5 утра до 11 дня. Норма выработки полагалась по 3 пуда руды на человека. После обеда—во вторую смену, но с ноября они были назначаемы на одну смену, при чем приказывалось: «посылать их без изнурения и с обыкновенными льготными днями, но надзор за ними усугубить [22].

Казарма, в которой они помещались, была обыкновенная изба, перегороженная досками на 3 маленьких чулана и кухню. Из отобранных у них денег им выдавали на закупку провизии, в чем они должны были давать отчет. Денег оказалось весьма мало. Артельщиком ими был выбран Якубович, готовили же пищу и прислуживали караульные, которые скоро их полюбили. Внутри своей казармы заключенные пользовались полной свободой — двери чуланов были открыты, они обедали, пили чай и ужинали вместе. «Большое утешение было для нас,—пишет Оболенский,—что мы были вместе; тот же круг, в котором мы привыкли в продолжение стольких лет меняться мыслями и чувствами, перенесен был из петербургских палат в нашу убогую казарму; все более и более мы сближались и общее горе скрепило еще более узы дружбы, нас соединявшей».

Вот как Оболенский описывает А. З. в это время: «не велик ростом, но довольно тучен, с глазами живыми и выразительными; в саркастической его улыбке заметно было направление его ума, а вместе с тем некоторое добродушие, которое невольно располагало к нему тех, кто близко с ним не знаком» [23].

Жестокость штихмейстера Рика, назначенного для ближайшего надзора за декабристами, вызвала с их стороны протест в форме голодовки.

Рик распорядился, чтобы декабристов не выпускали из их чуланов в нерабочее время, и из экономии перестал давать им свечи. Сидение взаперти в клетках, в которых можно было задохнуться, да к тому же в абсолютной темноте было пыткой, и заключенные, в виду безуспешности своего протеста, об'явили голодовку, чтобы напугать Рика. Тот потерял голову, голодовку счел за бунт и вызвал

Бурнашова. Распоряжения Рика были отменены, и он был заменен честным и достойным человеком—Резановым [24]. Но за всем тем, ни в одной рапортичке тюремных надзирателей нет дурной отметки о декабристах.

В подземных работах им помогали уголовные каторжные, показывали им «весьма явственное сочувствие». Но когда их перевели на работу на воздух, их положение стало тяжелее: им давался урок перенести по 30 носилок руды, по 5 пудов каждая, за 200 шагов; не всем эта работа была под силу; которые были сильнее, заменяли товарищей, и таким образом урок выполнялся. В сентябре 1827 г. благодатских узников перевели в Читу.

В Чите только что отстроена была новая тюрьма для декабристов; казематы ее получили название по городам: один называли Москвою или дворянской комнатой, потому что большая часть ее жильцов были люди богатые, с барскими наклонностями; другую назвали Новгородом, потому что там столько же шумели и говорили о политических вопросах, как некогда на вечах, и в ней сгруппировались люди независимые; третий каземат был назван Вологдой — в нем жили члены Общества Соед. Славян, люди наименее образованные сравнительно с прочими товарищами, наконец, комната, в которой были помещены прибывшие из Благодатска, была названа Псковом, пригородом Новгорода, жильцы ее заранее отказались от голоса и об'явили себя согласными во всем с Новгородом. В помещениях этих было тесно, но спали уже не на нарах, а на кроватях. Книг было мало, писать строго запрещалось, единственным развлечением были шахматы. После попытки декабр. Сухинова вызвать бунт в Зерентуйском руднике была издана новая инструкция, усугубившая надзор за декабристами, но понемногу начались послабления, обусловленные безупречным поведением декабристов. Работа декабристов была не тяжела—зимой каждый должен был смолоть 10 фунтов ржи на ручных жерновах, летом их занимали земляными работами. Впоследствии стали молоть сторожа, а декабристы в соседней комнате курили, играли в шахматы, читали газеты—там образовался маленький клуб. На все это Лепарский смотрел сквозь пальцы [25].

Комендант С. Р. Лепарский был человек уже преклонных лет, образованный, ловкий, тактичный и, что самое главное, человек доброго сердца (Ивашев называл его—лучший из людей). Это сочетание с одной стороны, при высоком нравственном и умственном уровне декабристов с другой, и при влиятельном и сглаживающем, и в Петербурге и в Чите, влиянии «читинских дам», создавало особую атмосферу, в которой Читинский острог преобразовался в замечательную общину, давшую возможность декабристам перенести все тягости заключения и ссылки, сохранить свои идеалы и воплотить их в том родовом

типе «декабриста», который так много, через столетие, говорит нашему уму и сердцу.

Сотня людей разнообразных характеров и наклонностей сплотилась в тесное, согласное и дружеское товарищество и при всех неблагоприятных условиях оставалась тем, что в них создали идеалы, страдание и долгое научное и нравственное самосовершенствование и дружба. Только одного из своих союзников они не признавали своим, отдавая должное его уму и образованности—это Д. И. Завалишина.

Во время своего долгого заточения и ссылки они оказывали друг другу нравственную поддержку, делились своими знаниями и средствами и были близки к тому идеальному общежитию, которое так заманчиво рисуется в человеческих утопиях.

В Читинском остроге стала налаживаться та общинная артель, которая с таким совершенством выработалась окончательно в Петровском заводе—оно подробно описано в воспоминаниях декабриста Басаргина [26]. Осенью 1828 г. последовало высочайшее разрешение снять оковы с более достойных. Лепарский об'явил, что он находит всех того достойными. С этого времени заточение стало менее строгим, и тюремная община декабристов еще сильнее укрепилась в своих правах и действиях.

В Читинской же тюрьме установились общие чтения и занятия, нашлись для того готовые деятели. Помимо изучения языков, читались лекции по русской и средней истории, по военным наукам, математике, астрономии, русск. литературе, химии и анатомии. Некоторые из декабристов читали на этих собраниях, в шутку называвшихся «Академией», свои переводы, статьи и литер. произведения.

Об этих собраниях Якушкин писал, что эти постоянные занятия в их положении были примирительным средством и истинным для них спасением.

Беляев говорит, что всегда и все были заняты чем-нибудь полезным; «ссылка наша, целым обществом, в среде которого были образованнейшие люди своего времени, при больших средствах, которыми располагали очень многие и которые давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была чудесною умственной школой».

В книгах уже недостатка не было, и всякий имел возможность читать лучшие сочинения по всем отраслям человеческих знаний. Некоторые упражнялись в музыке, рисовании и живописи, другие занимались ремеслами, в том числе Артамон Захарович, который был лучшим токарем. Врач, присланный из Иркутска для декабристов, оказался очень неискусным, и Лепарский, часто хворавший, стал прибегать к помощи декабриста Вольфа, бывшего штаб-лекарем главной квартиры 2-й армии. Вольф неохотно выходил из каземата и со своими предписаниями отправлял Арт. Муравьева, страстно лю-

бившего врачевать и постоянно помогавшего Вольфу при хирургических операциях. А. З. рвал зубы, пускал кровь, перевязывал раны и наравне с Тельером получил разрешение выхода с конвойными, когда его помощь нужна была вне каземата. Басаргин говорит, что он очень удачно пользовал.

В 1830 г. была закончена специально для декабристов построенная в Петровском заводе тюрьма. Их передвинули туда двумя партиями, пешком; это путешествие в 600 верст, обставленное наименьшими стеснениями, было очень благодетельно для заключенных.

В Петровском заводе были одиночные камеры, соседом А. З. был Одоевский. Интерес к литературе, вынесенный А. З. еще из дома его дяди М. Н. Муравьева, побудил его исправить небрежность Одоевского—часто импровизировавшего, но не записывавшего свои экспромты.

Муравьев задался мыслью записывать все созданное поэтом в заточении; записи эти он начал в Чите и продолжал в Петровском заводе. Таким образом составилась целая тетрадь, где экспромты считались десятками, среди них была записана и эпиграмма на самого А. З., в которой в двух словах очерчена его служба, участие в тайном обществе, деятельность на каторге и слабость рассказывать небылицы. Вот она—

Сначала он полком командовал гусарским.
Потом убийцею быть вызвался он царским.
Теперь он зубы рвет
И врет.

Декабрист Розен писал: «Где эта тетрадь—неизвестно, но она памятна многим из товарищей. В нее старательно и четко записывалось все, что вылетало из уст поэта» [27].

С глубоким сожалением должны мы поведать, что тетрадь эта, как и вся переписка А. З., все тщательно переплетенное его друзьями Борисовыми, в 1884 г. погибли.

В Петровском заводе А. З. близко сошелся с Юшневским, и последние годы их жизни их связывала самая тесная дружба, перешедшая потом на вдову Юшневского Марию Казимировну. Однообразно и томительно тянулись долгие годы заключения, казематы понемногу пустели—младшие разряды выходили на поселение, через 10 лет дождался этого и 1 разряд.

По выходе из Петровского завода, часть декабристов была расселена близ Иркутска—А. З., Юшневские и братья Борисовы были поселены в д. М. Разводной, в 5 вер. от Иркутска.

Рассеянные по всей Сибири на поселении, декабристы составляли как-будто одно семейство («la grande famille», как писал Ивашев)—переписывались друг с другом, знали где и в каком положении каждый из них находится и сколько возможно помогали один другому.

Деревня М. Разводная в 40-х годах заключала в себе домов 25—30. Свою усадебку А. З. раскинул на красивом крутом берегу Ангары, небольшой его дом с мезонином был обращен к реке; на дворе, обнесенном частоколом с тесовыми воротами, стоял небольшой домик с окнами на улицу, в нем жили братья Борисовы. В частоколе была прорезана калитка, ведущая в соседнюю усадьбу Юшневских, а пока строили их дом, они 7 месяцев жили у А. З., а Борисовы прожили у него более 2 лет.

Маленький домик, как о том рассказывают бывавшие у него кн. М. Н. Волконская и Л. Ф. Львов, был отделан и обставлен с возможным комфортом, благодаря постоянным заботам о нем Веры Алексеевны: на стенах висели портреты его жены, брата, рисунки его детей, стояли гипсовые бюсты сыновей его, умерших малолетними в далекой России. Как память о пережитом, хранил он сделанный Н. А. Бестужевым из его кандальных цепей крест с бронзовым распятием и рукавицы, в которых работал в Благодатских шахтах. Как и в тюрьме,продолжал он заниматься врачеванием и токарным ремеслом; книг у него было довольно много [28].

Жил А. З. скромно, столовался все время у Юшневских, внося им за это по 70 руб. ассиг. в месяц. И Юшневские и Муравьев были большие хлебосолы и любили принимать у себя гостей, преимущественно декабристов, но бывала у них и иркутская интеллигенция и приезжие из России.

Для А. З. было большим горем, что жена не могла за ним последовать в Сибирь. Как известно, женам декабристов разрешалось следовать за мужьями, но без детей, а у Муравьева было 3 сына, требовавшие родительского попечения. В таком положении Вера Алексеевна была не одна: М. К. Юшневской в 1827 г. было отказано следовать за мужем вместе с дочерью. А. В. Якушкиной, благодаря заступничеству Дибича, Николай Павлович разрешил отправиться в Сибирь с детьми, но Бенкендорф затормозил дело, а на возбужденное ею в 1832 г. новое ходатайство по высочайшему повелению Бенкендорф же ее уведомил, что «сначала дозволено было всем женам государственных преступников следовать в Сибирь за своими мужьями, но как сим дозволением вы в свое время не воспользовались, то и не можете ныне оного получить, ибо вы нужны теперь для ваших дете» [29].

О том, как на эту вынужденную и вечную разлуку смотрел А. З., сохранились свидетельства в переписке Веры Алексеевны: 18 октября 1829 г. из Читы ее кузина А. Г. Муравьева писала ей: «твой муж глубоко чувствует, как тебе тягостно не соединиться с ним, но он не желает, чтобы ты покинула детей, хочет, чтобы ты действовала, как сама рассудишь; все, что ты сделаешь, будет хорошо, он знает твое сердце и твою любовь к нему—это его поддерживает», а 1 июля 1830 г. А. В. Ентальцева писала: «А. З. здоров, но разлука с вами

для него самое величайшее мучение. Он любит несказанно, не подумайте, моя милая, нежная Вера Алексеевна, что я хочу убедить вас к скорейшему приезду, нет, это чуждо моему намерению, знаю обязанности ваши, знаю, что присутствие ваше необходимо детям-младенцам, повторяю—не оставляйте детей... Муж ваш сказал мне однажды—о Вера, Вера, как я ее люблю, о пусть где бы она ни жила—только бы жила» [30].

В 1831 г. у Веры Алексеевны умер ее младший сын—Лев, в следующем старший, Никита; понятно, что она не могла и мыслить расстаться с единственным оставшимся в живых сыном и всецело отдалась его воспитанию. В 1831 г., после смерти младшего своего сына, встречается она с кн. А. Н. Голицыным и, будучи религиозна, легко подпадает под мистическое влияние голицынского кружка и постоянно посещает его со своей родственницей М. В. Волоцкой; собирались у Голицына, в кружок входили: гр. Салтыкова, Плещеева, гр. Вьельгорская, Турчанинова, сетра Голицына—Кологривова, Ю. П. Бартенев; по «дневникам» последнего мы и знаем об этом кружке В дневнике за 1838 г. Бартенев говорит о Вере Алексеевне: «у нее есть расположение к религии, она любезна, умна, князь отдыхает с ней». С годами религиозность усиливается у Веры Алексеевны, и после смерти А. З. она устраивает в Теребонях домовую церковь.

А. З. мечтал, чтобы его в ссылке посетил сын, хотя посещение декабристов родственниками было воспрещено, но бывали из'ятия (так, Волконского посетила его сестра, к Бестужевым приехали сестры, правда, под условием вечно оставаться с ними на поселении), и А. З. ждал сына, когда совершенно неожиданно стряслась новая беда.

Александр Артамонович Муравьев по окончании артилл. академии 11 августа 1844 г. был произведен в подпоручики 13 конно-легкой батареи, но 3 августа 1845 г. уже уволен по прошению, а случилось это вследствие следующего обстоятельства, сохраненного в семейном предании.

На высочайшем смотру император Николай обратил внимание на видного Александра Артамоновича и спросил, как его фамилия; тот ответил. «А из каких Муравьевых?» — продолжал Николай Павлович.—«Сын декабриста Артамона Муравьева»,—последовал ответ. Николай Павлович отвернулся и от'ехал, а Александр Артамонович на другой же день подал в отставку и по настоянию матери уехал за границу.

А. З. был очень огорчен, что его сын, вместо того чтобы приехать к нему, уехал за границу; письмо Веры Алексеевны раз'яснило ему необходимость этого.

Жизнерадостный характер А. З. позволял ему бороться с тягостями ссылки, разлуки, смерти близких, но когда рушилась последняя надежда—видеть единственного оставшегося в живых сына, то «харак-

тер его много переменился», о чем писал он жене; Вера Алексеевна усумнилась в этом, но Юшневская впоследствии подтвердила эту перемену. Зимой 1846 г. от ушиба у А. З. сделалась гангрена. Умирал он в полном сознании, указывая, как реализовать его имущество, чтобы расплатиться с долгами, прощался с друзьями, жалел сына и заочно благословлял его.

На могиле его, близ церкви в Б. Разводной, поставлено надгробие по его же рисунку, сделанному им для памятника Юшневского, там же покоится прах и других «первых борцов за русскую свободу».

Приложение.

Письмо В. А. Муравьевой вел. кн. Михаилу Павловичу. [31]

Ваше высочество,

несчастная жена преступного мужа, мать трех детей, которым грозит сиротство, женщина, обреченная всему, что судьба может соединить самого блестящего, чтобы ее удручить, берет на себя смелость обратиться к доброте, к столь признанному великодушию вашего сердца, не для того, чтобы просить у вас помилования своего мужа, не для того, чтобы убедить в его невинности и докучать в. и. в. нескромной просьбой, но чтобы выполнить свой долг, чтобы не пренебречь никаким человеческим средством, дабы обеспечить его судьбу, столь несчастную, а, главное, чтобы его некоторым образом оправдать в крайнем преступлении, в котором его могли считать виновным; одна мысль заставляет меня содрогаться; в. в., я смею это поддерживать: это ужасное покушение было чуждо его сердцу.

Я основательно знаю его характер; он безволен, его можно было вовлечь во все, соблазнить его превратными представлениями о высшем благе его отечества; он вступил в заговор, образованный для низвержения существующего порядка; он обещал содействовать, но обещал более того, что мог исполнить; его осаждали, его убеждали, но как только он оставался один и он был возвращен к своему существу—доброму и чувствительному,—он раскаивался и гнушался всякими заговорами, в которые, по своей слабости, вступал. Я в этом имею достоверные доказательства, в. в., которые я считала долгом не только жены несчастного, но долгом чести сообщить в. и. в., зная все прямодушие, отличную доброту вашего характера и великодушие нашего великого государя, который ничего не желает более, как найти возможно менее виновных; только в намерении осветить ваш приговор взяла я на себя смелость явиться к вам вчера и хотела иметь счастье быть допущенной до вас.—Я повторяю, в. в., и бог мне свидетель, не для того, чтобы оправдать моего мужа, сделала я эту попытку, не для того, чтобы докучать вам своими мольбами и рыданиями, только для того, чтобы сказать вам о том, что могло бы представить его менее виновным в глазах трибунала, который будет его судить.

Приехав сюда, я с покорностью перенесла рок, который нас разлучил, и наказание, должное его вине; я имела утешение в том, что государь император соизволил не отказать мне получать о нем известия и сообщать ему таковые, но внезапно лишенная этого разрешения, удрученная словами, сказанными его величеством моему зятю генералу Канкрину, которые он мне передал, я ясно увидела, что прибытие новых свидетелей, которые были первыми виновниками несчастья моего мужа, которые вовлекли его в это гибельное заблуждение: именно Муравьевых-Апостолов и их сообщников, которые, естественно, воодушевленные желанием пожертвовать моим мужем, чтобы ото-

мстить за его бездеятельность и неполучение помощи, которую они надеялись от него получить во время их возмущения, они обвинили этого несчастного в тягчайшем преступлении: в решимости покуситься на жизнь своего государя. Я не сошлюсь, в. в., на природную кротость его сердца, на крайнюю слабость его нрава, которые делали его неспособным на такие преступления, но я осмелюсь сказать, что кто никогда не был злым и жестоким, кто, наоборот, всегда давал доказательства чувствительности и соболезнования ко всему страдающему, мог ли он сразу взять на себя убийство? Делаются ли преступными в один день? Эти факты, в. в., доказывают, что он был далек от этой жестокой, этой ужасной мысли, что он имел отвращение к замыслам восстания, к которым он, может быть, только прислушивался, и вот на чем, в. в., я полагаю мочь основать мои доказательства.

Только минувшего 25 декабря имела я несчастье стать наперсницей замыслов этого преступного общества, которого я оказалась жертвой. Будучи в течение некоторого времени свидетельницей терзаний моего мужа, я его видела грустным, беспокойным, лишающим себя пищи, избегавшим присутствие мое и своих детей; состояние это все время ухудшалось, в особенности при получении гибельных известий 14-го; я бросилась к его ногам, заклинала его сказать, что его погрузило в это несчастное состояние; в своем отчаянии и не будучи в силах противостоять моим мольбам, он мне во всем признался, он поведал мне, что он член тайного общества; он называл себя палачом своей жены и детей, он раскаивался, он тяготился самой жизнью. Охваченная скорбью, я его спрашивала, не поправимо ли это несчастье, не могли ли бы признание, полное раскаяние перед своим государем, не спасет ли его, не умалит ли, по крайней мере, его вину, а он все время повторял: «слишком поздно».

Зная, что его полк должен был на другой день присягать, я имела силу его спросить, не вовлек ли он к несчастью некоторых из своих офицеров и каковы его предположения следующего дня.

Он мне ответил, что он единственный виновный и, раскаявшись перед богом, он исполнит свой долг: и, действительно, полк и он во главе его принесли присягу в верности е. в. императору Николаю.

Через день, 27 декабря, я вдруг увидела, что приехали два брата Муравьевы-Апостолы, тотчас же заперлись они с моим мужем, полчаса спустя внезапно прибыл некий Бестужев-Рюмин, пехотный офицер, по прошествии часа я увидела их всех спешно уезжавших. Только тогда я смела приблизиться к моему мужу и спросить о причине этого посещения и стремительного от'езда. Видя его опечаленным, я умоляла его ничего не скрывать. Тогда он мне сказал, что Муравьевы должны были быть арестованы и что Бестужев-Рюмин поспел их о том известить, что они приехали требовать выполнения его слов и умолять действовать с ними.

Мой муж находился в необычайном волнении; сознаюсь, что нерешительность была на его лице, но природные свойства его увлекли; непроизвольным движением он мне добровольно вручил записку, которую он держал в руке, сказав: «прочитай, сожги ее и суди о моем раскаянии и моих угрызениях». Эту записку, в. в., я ее сожгла, но если вы это пожелаете, я по памяти могу ее начертать и назвать вам лица, о которых в ней говорилось, так она меня поразила и так ее содержание было значительно; не воспользоваться ею, приказать мне ее уничтожить, не есть ли это доказательство искренности его раскаяния и отвращения, которое он имел к пролитию крови? Увы, я льстила себя надеждой, что это послужит к его спасению или смягчающим обстоятельством его вины, если бы она стала известной.

С этого времени до его арестования, которое последовало 31 декабря, у него не было ни одной мысли, ни одного действия, которые усугубляли бы его вину; положение его было ужасное, отчаянное; совесть не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

Вот что тяготило мое сердце сообщить в. и. в. Я не смею ничего прибавить, чтобы возбудить вашу жалость к несчастной участи моей и несчастных

и невинных жертв рокового заблуждения их отца. Ваше сердце, преисполненное великодушных чувств, ваша ангельская доброта дадут вам представление о глубине бездны, в которой я нахожусь, и, может быть, внушат вам способ уменьшить ужас нашей будущности.

В. в., во имя столь счастливого для нас дня, дня вашего рождения, умоляю простить мне, что я дерзнула обратиться к в. и. в. С глубочайшим уважением, в. и. в. покорная и послушная слуга

Вера Муравьева.

22 января 1826 г.

Письма А. З. Муравьева [1]).

1.

24 апр./6 мая 1836 г.

После обычных приветствий М. К. Юшневская пишет под диктовку Артамона Захаровича Муравьева:

«Благодарю тебя, друга моего, за письмо твое от 5/17 марта и еще более за успехи, которые ты оказал на бывшем испытании. Мне не нужно уверять тебя, что радость моя, верно, равнялась твоей и что я благодарил господа, помогшего тебе доказать доброй твоей маменьке, равно как и наставникам, уменье твое употреблять время и заслуживать их попеченье о тебе.—До сих пор, друг мой, добрый Александр, ты не можешь совершенно постигать, какую пользу принесут тебе впоследствии сведения, в молодости тобою приобретенные, а потому теперь трудись из послушания и довольствуйся наградою за труды мыслью, что прилежанием доставляешь родителям своим отраду. Я чувствую себя не очень здоровым, вот причина краткости этого письма.—Ты, друг мой, все пишешь мне по-французски, а мне очень бы хотелось знать, каково ты владеешь отечественным языком, хотя заранее уверен, что ты им особенно занимаешься, понимая, как священна обязанность для русского знать свой язык».

2.

Петровский завод. 11/23 дек. 1836 г.

Со слов А. З. Муравьева, М. К. Юшневская писала:

«Через несколько дней минет 11 лет, как я с тобой, друг мой, обожаемый Сашенька, живу розно. Несмотря однакоже на это, любовь моя к тебе

---

[1]) В портфелях Академии Наук (Собрание Пушкинского Дома шифр № 1001, внутр. 483) сохранились четыре письма М. К. Юшневской 1836 г., написанные ею под диктовку декабриста Ар. З. Муравьева его сыну и жене.

Эти письма ценны, с одной стороны, потому, что до нас не дошло ни одной строчки писаний Артамона Муравьева, с другой—потому, что они выявляют принципы диктовавшего. Он высоко ставит—знание, прилежание, кротость, прямоту. По его мнению, образование нужно не только для себя, но и для того, чтобы быть полезным гражданином.—Несмотря на галломанию, царившую в русском образованном обществе александровских времен, когда и он принадлежал к этому обществу, несмотря даже на несколько лет, проведенных им во Франции, Артамон Захарович не только высоко ставит знание отечественного языка, но считает это для русского «священной обязанностью». Эти наставления сыну дополняют характеристику Артамона Муравьева, данную нами в его биографии.

так же пламенна, как бы мы и на день с тобою не расставались. Все, что только до тебя касается, близко моему сердцу, а потому радуюсь, когда говорят о тебе с похвалою, и скорблю сильно, если слышу что-либо противное. Ты, как я полагаю, ступил уже на новое поприще и по милости доброй, попечительной твоей матушки избрал для себя училище [1]), где можешь, приобретя обширные сведения, сделаться отрадою своим родителям и полезным гражданином.— Употреби, друг мой, с пользой время, которое тебе осталось, подкрепляя себя беспрерывно в трудах своих мыслью, что ты, этим упрочивая собственное свое счастье, доставишь также родителям своим отраду. Все единогласно отдают полную справедливость доброте твоего сердца, равно как и врожденным способностям, а потому труд твой будет легок и успех несомненен, если сам захочешь.— Я был сильно болен, и в минуты, когда полагал на-веки закрыть глаза, не переставал молить о тебе бога. Возвратясь же к жизни, благодарил провидение в надежде, что может быть, по беспредельному его милосердию, суждено мне дожить и насладиться счастием видеть (тебя) таким, каким желаю.—Оправдай, дорогой мой, надежды мои—прилежанием, кротостью, послушанием и прямотою; со слезами о том умоляю тебя, как твой друг и отец, имеющий мало отрадных минут в своей жизни.

Сегодня я не имел возможности просить написать особенно к доброй твоей маменьке, а потому поручаю тебе обнять ее крепко и нежно за меня. Прощай, друг мой, пиши ко мне часто и подробно. Благословляю тебя мысленно и не престану молить спасителя о твоем счастье. Прощай.

За меня также, любезный Александр, обнимите вашу добрую и почтенную маменьку, также и бабушку.

Мария Юшневская».

3.

(Перевод с французского).

Петровский завод. 25 дек. 1836 г.
6 янв. 1837 г.

«Блестящий экзамен, который только что выдержал наш возлюбленный Александр, должен был тебе доставить, дорогая и добрейшая Вера, мгновения истинного счастья и достойно вознаградить тебя за все заботы и беспокойства, которые тебе доставило его воспитание. Я не говорю о моем удовлетворении—оно неописуемо, так как это было единственное мгновение истинного счастья, испытанного мною за все время моего несчастья.

Да не оставит его господь на его новом поприще и да внушит ему любовь к занятиям. Что же касается до его убеждений, то я уверен, что он их сохранит такими, какими почерпнул при тебе. Если бы, дорогой друг, пришлось тебе взгрустнуть, видя себя разлученной с ним, да утешит тебя сознание, что этим ты создала его будущее счастье; я нисколько не сомневаюсь, что ты не хуже моего знаешь преимущества, которые наш Александр извлечет, завершая свое образование в публичном учебном заведении; таким образом, жертва, которую ты только что сделала, должна показаться тебе легкой, тем более, живя близ него и имея всегда возможность иметь о нем известия. Я уже писал тебе в предыдущем письме, что твой выбор во всех отношениях совершенно счастливый: артиллерийское училище заключает в себе все возможные преимущества как по изучаемым там наукам, так и по роду службы, который требует от каждого, даже в будущем, постоянного изучения. Я умоляю тебя, дорогой друг, со-

---

[1]) Артиллерийское. Лучшие ученики, по окончании его, принимались в академию.

общить мне все подробности об этом учреждении, хотя я имею о нем представление, но оно недостаточно, чтобы удовлетворить мое любопытство. Прощай, дорогая и добрая Вера, передай от меня приветствия добрейшей M-lle Sophie. При этом мое письмо Александру.

Нежно целуя вас, добрейшая и дорогая Вера Алексеевна, остаюсь навсегда вам совершенно преданная

Мария Юшневская».

4.

(Перевод с французского).

Петровский завод. 25 декабря 1836 г.
6 января 1837 г.

«Чего бы я ни дал, дорогой и любезный Александр, высказать тебе, хотя бы отчасти, счастье, которое я испытал—читая твои два письма от 18/30 окт. и 29 ок./11 ноября; в особенности последнее, написанное уже после того, как ты сдал экзамен, оно мне дало такое счастье, которого я не испытывал со времени нашей разлуки.—Да вознаградит тебя господь, мой возлюбленный сын, за добро, которое ты мне сделал; да примет он мою благодарность за то, что сохранил тебя и создал тебя таким, как ты только что себя показал. Я двадцать раз перечитал фразу, в которой ты говоришь, что, войдя в конференц-залу, вся твоя будущность предстала пред тобою, и подумав о своей матери-ангеле и мне, ты пришел в ужас от одной мысли о печали, которую причинил бы нам, если бы не выдержал своего экзамена.

Бог, который видит твое благословенное намерение—жить только для утешения своих родителей, не сомневайся, поможет тебе выполнить эту задачу.—Не забывай только, дорогой друг, что вся твоя будущность зависит от твоего прилежания, не забывай также, что ты уже не один учишься, и если бы ты по небрежности не шел вровень со своими товарищами, твои преподаватели не остановятся, и ты один будешь принужден отступать. Помимо потерянного времени—такое унижение! Я об этом говорю, чтобы предупредить тебя, но от меня далеко опасение, что это могло бы случиться; это было бы не знать тебя.

Пиши мне, дорогой и любезный Александр, так часто, как это тебе возможно, я не хотел бы быть чуждым малейшего, что тебя касается, и я хотел бы мочь помогать тебе своими советами.

Прощай, дорогой, добрый друг, да сохранит тебя господь, я обнимаю тебя, благословляя. Прощай, если ты увидишь M-r Жерара [1]), скажи ему, что моя признательность к нему непоколебима так же, как высокое уважение.

Я вас поздравляю, M-r Александр, примите мои искренние поздравления с успехом, только что вами достигнутым, да поддержит вас господь в будущем. Преданная вам

Мария Юшневская».

---

[1]) Воспитатель Александра Артамоновича Муравьева.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Ключевский. «Курс Рус. истории», т. V, ст. 149.
2. «Рус. Арх.» 1885 г., IX, стр. 25—27. Записки Муравьева-Карского.
3. Пыпин. «Общ. движение в Рос. при Александре I», изд. 2-е, стр. 362.
4. Из рукописей «Пушкинского дома» при Рос. Академии Наук, шифр № 1001 (внутри № 483).
5. Н. И. Тургенев, «La Russie», II, 514, 515.
6. Донес. след. комис., 48, 49; Берсенев. «С. И. Муравьев-Апостол», стр. 43, 44.
7. Донес. след. комис., стр. 50.
8. Записки декабриста Горбачевского. «Рус. Арх.» 1882 г., кн. 1, стр. 440.
9. Ib. стр. 440, 450.
10. Бороздин. «Из писем и показаний декабристов», стр. 23.
11. «Рус. Стар.», 1881 г., т. XXX, стр. 508, 509.
12. «Рус. Стар.», 1800 г., март, стр. 316, 317.
13. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», стр. 230.
14. «Рус. Стар.» 1897 г. Шильдер, «Похоронный год», стр. 22.
15. Рассказы декабристов Соловьева, Быстрицкого и Мозалевского в Лондонском изд. «Записок декабристов», в 2 и 3 статье «Белая Церковь». «Записки неизвестного» (Горбачевский). Об общ. соед. слав. «Рус. Арх.», 1882 г., кн. 1, стр. 484—490.
16. Александр Захарович Муравьев командовал тогда Александрийским гусарским полком, стоявшим в Троянове.
17. Сестра А. З. — Екатерина Захаровна Муравьева, с 1816 г. за Егором Францевичем Канкриным.
18. Щеголев. «Николай I и декабристы», стр. 4, 11, 12.
19. Довнар-Запольский. «Тайное общ. декабристов», стр. 134; «Мемуары декабристов», стр. XIII.
20. Беляев. «Воспоминания», «Рус. Стар.» 1881 г., т. XXX, стр. 507.
21. Записки дек. Оболенского, в книге «Общ. движ. в России в перв. половине XIX в.», стр. 250.
22. Записки кн. Волконской, 2 изд., стр. 142—4.
23. Записки декабриста Е. Оболенского, стр. 271.
24. Записки кн. Волконской, стр. 58—60.
25. Максимов. «Государ. преступники». «Отечеств. Записки» 1869 г., т. CLXXXVI, стр. 561—2, 572.
26. XIX в. ч. I и Максимов.
27. Кубасов. «Декабр. Одоевский», труды Пушкинского дома при Рос. Ак. Наук, стр. 9.
28. Воспоминания Л. Ф. Львова напечатаны в «Рус. Арх.» за 1885 г., март, стр. 362—365. Они требуют осторожности при пользовании—в декабр. книжке «Рус. Арх.» за тот же год, стр. 553, напечатана заметка Ефимова, вносящая в них много существенных поправок.
29. «Рус. Стар.» 1902 г. Апр., стр. 46, 47.
30. Оба письма хранятся в «Пушкинском доме», шифр № 1001 (внутри № 483).
31. Письмо написано, по словам генерала Алединского, после того, как Михаил Павлович отказался принять В. А. Муравьеву.

В. Ганцова-Берникова.

Крестьянские волнения 1826 года.

(По материалам военно-историческ. секции Центрархива).

Волнения крестьян, как не раз отмечалось исследователями крестьянского вопроса [1]), с особой силой вспыхивали в начале каждого нового царствования. Вспыхнули они в 1826 году. В связи с декабрьскими событиями предшествовавшего года эти восстания приобретают особое значение. Для правительства Николая I-го они становятся особенно тревожными, а для крестьян возможность получить свободу от помещичьего гнета могла казаться более реальной, чем раньше.

До крестьян доносились слухи о событиях, имевших место в Петербурге и в Черниговском полку; распространяли эти слухи в большинстве случаев солдаты. Часто не понимая смысла этих событий, очень мало в них разбираясь, крестьяне претворяли их в своем сознании сообразно своим желаниям и чаяниям. Они слышали,—а некоторые видели,—что господ арестовывают, что в столице беспорядки, «бьют генералов», и они почувствовали, что для них настал более удачный, чем когда-либо, момент активно выступить против помещиков.

Слухи о возмущении крестьян доносились из разных мест. В записках современника, действительного тайного советника и сенатора Дивова [2]), мы читаем от 5-го апреля: «Ходят слухи о возмущении крестьян: они отказываются платить подати помещикам, говорят, что покойный император дал им свободу, а ныне царствующий император не хочет этого исполнить. Подобные слухи несомненно являются последствием заговора 14-го декабря». И не один Дивов был

[1]) Семевский. «Крест. вопр. в России в XVIII и перв. пол. XIX в.». т. II, 585, 586 стр., Игнатович. «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», соотв. глава и др.

[2]) Дивов временно управлял министерством иностранных дел за от'ездом за границу Нессельроде; дядя мичмана Дивова, замешанного в декабрьском восстании, он нарисовал в своем дневнике картину тех впечатлений, которыми жило общество. «Русская Стар.», 1897 г., кн. III, март, 457.

того мнения, что декабрьское восстание окончательно нарушило общее спокойствие страны. В перехваченном письме поручика Литовского полка Обручева из Варшавы на имя брата его ген. Обручева, начальника штаба 2-й армии, от 30-го июня, говорится: «Признаюсь, царю много хлопот и забот разбирать ужасный хаос и запутанность дел. Но чем более трудностей в достижении цели, тем более ему славы. Судя по манифесту о крестьянах [1]), у нас большие беспорядки. Россия, как гигант, имеет большие силы и большие болезни, надобно искусного врача исцелить эти болезни. Наш молодой царь бережлив и правосуден, он все поддержит, если только орудия его воли будут проникнуты теми же самыми благонамерениями» [2]). Государь, которому это письмо было доложено, выразил Константину Павловичу через Дибича удовлетворение по поводу его.

«Смуты, сопровождавшие междуцарствие, не прошли бесследно для крестьянского населения»,—пишет Шильдер. Волнения крестьян вызвали манифест 12-го мая 1826 года, опровергавший слухи о свободе казенных крестьян от платежей податей, а крепостных—от помещиков. Кроме того, в июне и в сентябре были даны рескрипты на имя министра внутренних дел Ланского, которые предписывали дворянам «христианское» и сообразное законам обращение с крестьянами, при чем надзор над обхождением господ с крепостными был поручен предводителям дворянства и маршалам. Наконец, обостренное положение в деревне привело к пересмотру крестьянского вопроса в секретном комитете 6-го декабря 1826 года [3]).

Генерал-ад'ютант Бенкендорф отмечает, что «помещичьи крестьяне, обманутые злоумышленными внушениями или ложными надеждами», отказались повиноваться помещикам, а в некоторых местах эти неповиновения перешли даже в бунт [4]).

Разрешение крестьянского вопроса немало интересовало декабристов, а под напором повсеместных восстаний крестьян разрешение его должно было стать вопросом реальной политики в большей мере, чем это было до сих пор, и для правительства.

Использованный нами материал, далеко не исчерпывающий всего вопроса, дает несколько штрихов, освещающих мятежный дух крестьян, и приоткрывает взаимоотношения солдатских и крестьянских масс. В то время, как заключающиеся в этом материале сведения о крестьянских волнениях носят случайный характер, вопрос об отношении к ним воинских частей освещается им в большей мере. В частности, рассмотренный нами материал дает возможность целиком познакомиться с делом рядового Днепровского полка Алексея Семенова, которому правительственные лица придавали большое значение.

---

[1]) Манифест 12-го мая 1826 года. 2-е Пол. Собр. Зак., I, № 330.
[2]) Канц. деж. ген., д. № 32, св. 19, 1826 года.
[3]) Шильдер. «Николай I», т. I, 470—472.
[4]) Там же, т. I, стр. 470.

Так как нами использован материал военно-исторической секции Центрархива (б. Лефортовский архив) и именно—канцелярии дежурного генерала главного штаба по секретной части и дежурств штабов 1-й и 2-й армий, то в поле зрения нашей работы вошли лишь те волнения, к которым так или иначе были прикосновенны воинские части.

В дальнейшем изложении мы приводим ряд дел по интересующему нас вопросу.

Начальник 1-й уланской дивизии г.-м. кн. Хилков рапортует главнокомандующему 1-й армией гр. Сакену:

«Тверской гражданский губернатор от 4-го сего месяца (мая) уведомляет меня, что Кашинского у. помещицы, коллежской ассесорши Пономаревой, крестьяне в числе 700 душ, по поводу разнесшихся нелепых и злонамеренных слухов об ожидаемой какой-то вольности, вышли совершенно из повиновения и сделали возмущение, которое дошло до такой степени, что необходимо принять сильнейшие меры, дабы удержать возмутившихся и бунтующих крестьян. Хотя же тамошнего уезда земского суда дворянские заседатели, прибыв в сие имение, принимали возможные меры к укрощению бунтующих крестьян, но оные не повиновались. Почему он, господин гражданский губернатор, и просит отрядить для сего в означенное имение два или более эскадрона из вверенной мне дивизии, об откомандировании коих я сделал мое предписание командиру Сибирского уланского полка полковнику Задонскому. Гор. Тверь, 4-го мая 1826 г.» [1]).

Полковник Задонский, видимо, исполнил данное ему поручение, так как в рапорте г.-м. Хилкова гр. Сакену от 25-го июня мы читаем: «В вотчине кашинской помещицы Пономаревой тишина и спокойствие совершенно водворены, и в находящемся там 7-м запасном эскадроне Сибирского уланского полка надобности более не состоит» [2]).

Подобного же рода поручение было дано полковнику Ярославского пехот. полка Граббе 2-му, который в рапорте к гр. Сакену пишет:

«Вашему сиятельству донесть честь имею, что по отношению от ярославского гражданского губернатора тайн. сов. Безобразова прошлого февраля 25 числа, для приведения в повиновение крестьян, в имение дюшессы де Серра Кабриола, доверенному от нее лицу

---

[1]) Оп. II-а; св. 269, д. № 212, ч. 10. По поводу этих событий частное лицо от 23 апреля сообщает: «Тверские крестьяне в бунте усилились и бурмистр едва живый ушел, а они выбрали другого по себе бунтовщика. Я еду в Тверь просить губернатора об усмирении их и вторично послал об'явление в Старицу, чтоб усмирить бунтовщиков (корреспондент спутал—в дальнейшем выяснилось, что бунтовали не в Старице, а в с. Кои помещицы Пономаревой); самому ж без команды военной опасно туда голову свою несть, чтоб не оставить на месте». Канц. деж. ген., св. 17, д. № 223.

[2]) Оп. II-а, св. 269, д. 212, ч. 12; л. 430.

в Мышинской округе в расстоянии от штаба полка до 20-ти верст, откомандирована была мною из вверенного мне Ярославского пех. полка 2-я гренадерская рота в числе 4-х обер-офицеров, 16-ти унтер-офицеров и 150 человек рядовых под командой кап. Попова, которая, находясь на месте своего предназначения один день, исполнив каждый, на кого что возлагаемо было, свой долг с похвалою и расторопностью, на следующий день 26-го числа, по приведении тех крестьян в должное повиновение, отпущена обратно» [1]).

Тревожное настроение, которое, несомненно, охватило центр, заставляло прислушиваться к каждому слуху, доносившемуся из провинции. Казалось, движение массы крестьянской приобретало грандиозный характер.

Одно такое письмо, написанное по-французски, вызвало соответствующее расследование. Выписка из письма неизвестного лица сообщает: «Крестьяне упорствуют в своем отказе платить оброк; утверждают, что 3.000 из них, принадлежащих Меньшикову в Москов. губ., не захотели платить 10 р. оброку и восстали, так как их заставили работать на земле. Это не может продолжаться без того, чтобы не сделаться примером заразительным, и нельзя терять время, дабы избежать последствия».

Вследствие этого письма бар. Дибич сообщает московскому военному ген.-губернатору, что до сведения императора дошло о носящихся в Москве слухах, будто 3.000 душ крестьян, состоящих в Московской губернии и принадлежащих князю Меньшикову, ныне взбунтовались. «Вследствие сего его величество высочайше повелеть соизволил уведомить меня, справедливы ли сии слухи, если же оные окажутся ложными, то изыскать источник, откуда оные и подобные сим, и кем выпущены».

Из ответа кн. Голицына мы узнаем о действительных событиях: «26 апреля, в двенадцатом часу пополуночи, отправлены были от управляющего имением разных деревень крестьяне с ржаною мукою на С.-Петербургский тракт, в деревню Ямагу, где им снята по подряду распилка леса. Выборный Алексей Михайлов, находившийся при оной муке, возвратился чрез полчаса к управляющему с извещением, что везомая мука была остановлена собравшимися крестьянами, и когда управляющий с бурмистром явились пред ними и спрашивали о причине такового поступка, то с криком они отвечали, что в Ямагу пилить лес не пойдут, почему и муки туда не нужно посылать. К вечеру собралось крестьян до тысячи человек и требовали, чтобы заводимую пашню отменить, о чем хотели итти в Москву просить.

По сей просьбе ген.-губернатор тотчас поручил произвести исследование и привести крестьян в повиновение.

---

[1]) Оп. II-а, св. 269, д. 212, ч. 7, л. 204. См. такого же рода дело крестьян Рязанской губ., дер. Валшут, которые «с дерзостью и грубостью отказываются повиноваться новой своей помещице Сорочинской». Оп. II-а, св. 269, д. 212, ч. 15, л. 559.

Предводитель донес, что он был в том имении, не нашел ни малейшего возмущения крестьян против власти помещика, а все произошло от недоразумения, ибо управляющий не об'явил своевременно крестьянам приказов господина их, и «они тогда же, как самую пилку леса, так и прочие все господские работы начали исправлять; двое же крестьян за грубость их отданы были земскому суду для полицейского исправления, и тем все дело и кончилось» [1]).

Сообщения правительственного и частного характера не раз отмечали, что местные земские власти привести крестьян в повиновение были не в состоянии; «упорство» и «дерзость» их требовали экзекуции воинских команд, но при тогдашнем положении вещей и наличия мятежного духа среди солдат обращение к помощи воинских частей могло оказаться обоюдоострым: не на всякую часть власть могла положиться.

Мы имеем дело, озаглавленное так: «подозрения, собранные на артиллерийских нижних чинов в подговоре крестьян помещика Кусовникова к возмущению, к чему прикосновенен и капитан Кульман».

Из дела выяснилось, что в разговоре с управляющим по лесной части узнано, что мужики (крестьяне дер. Лезья) в чем-то советуются с Кульманом, и тот дает им советы. Приказчик же по лесной части говорил камердинеру, что «слышал от многих мужиков, что артиллерийские солдаты говорят мужикам: что значат эти наказания, мы видали, людей за ноги вешают и по нескольку часов они висят, и все за правду выдерживают»; он слышал также от нескольких крестьян, что капитан Кульман будто бы говорил им: «Терпите, после слюбится; коли теперь вытерпите, то после хорошо будет». Насколько можно заключить из несколько отрывочного дела, крестьяне взбунтовались, и гарнизонные солдаты были отправлены их усмирять. По поводу этого поручик Федоров донес, что трое из гарнизонных солдат стояли на улице; к ним подошел артиллерийский солдат и сказал им: «Какие вы варвары. Сечете так мужиков; чем бы вам тех бить, вы бы лучше убили того старого хрыча, который им (мужикам) изменил; разумея про мужика, который после наказания некоторых крестьян и после увещеваний стал уговаривать прочих успокоиться. Солдаты, которым строго запрещено иметь сношения с бунтовщиками, говорят, что они мигнули было друг другу его схватить, но что он ускользнул от них».

Приказчик, который вместе с камердинером был шпионом, уподминал, что крестьянин дер. Соллогубовки, идучи со многими крестьянами, сказал ему: «вот, видно добрый человек—капитан артиллерийский сказал нам, если мы повинуемся помещикам, то нас от девяти десятого пересекут плетьми». Следствие по этому делу отметило, что «артиллерийские солдаты все вообще показывают большое пре-

---

[1]) Канц. деж. ген. гл. шт., св. 17, д. № 253, 1826 г.

зрение к солдатам гарнизонным и все, когда встретятся с ними, то отворачиваются, за что сии последние в претензии».

Граф Аракчеев получил от Дибича предложение расследовать это дело, имевшее место в расположении его войск, в Новгородской губ., и в свою очередь поручил это ген.-м. Кандыбе, с указание в случае необходимости отозвать кап. Кульмана на время следствия.

Продолжения дела о возмущении этих крестьян мы не имеем, так как оно уничтожено в 1859 году [1]).

Наиболее полные сведения дают наши материалы относительно юга, где, как отмечает Иконников [2]), «своеобразный местный характер, сложившиеся веками отношения придавали восстаниям особый отпечаток». На Украине движения крестьян осложнялись национальным и религиозным вопросами и принимали упорный и ожесточенный характер, освещенный воспоминаниями о борцах за свободу крестьянскую хотя бы в эпоху «Колиивщины» (1768 г.).

Настроение Южного общества вслед за восстанием 28-го декабря достаточно обрисовано Иконниковым; им даны некоторые документы земского поветового суда касательно крестьянских возмущений; все они говорят за погромный характер этих выступлений, наведших панику на местных помещиков. Наши материалы являются небезынтересным дополнением.

Командир 13 егерского полка подп. Акинин рапортует главнокомандующему 1-й армией гр. Сакену, что «крестьяне помещика колежского ассесора Оболенского, жители Золотоношского повета, села Еремеевки, вышли из повиновения опекунов и приказчиков, над ними определенных; почему к приведению их в должное повиновение его сиятельство [3]), откомандировавши для сего предмета с своей стороны советника полтавского генерального суда 2-го департамента, колл. сов. Ильенку, предписал ему мерами внушения убедить крестьян к должному повиновению опекунам и приказчикам, в противном же случае обратить их к этому властью и силою. Для сего дивизионный начальник ген.-м. Ушаков предписал командировать из вверенного мне полка в селение Еремеевку две роты... Дабы же навсегда искоренить в крестьянах дух строптивости и вселить в них покорность, приказал оные роты расположить в Еремеевке в домах одних крестьян Оболенского, доколе надобность востребует, а в случае наклонности к распространению и в соседственных с Еремеевкой селениях беспорядков, приказал немедленно доносить мне и давать знать ближайшим воинским командам».

Капитан Докудовский, отправившийся с двумя ротами в Еремеевку, которая от Золотоноши находилась в 48 верстах, сообщил,

---

[1]) Канц. деж. ген., св. 16, д. № 191, 1826 г., продолжение значилось под № 133, 1826 г. по несекретной части канцелярии.

[2]) Иконников. «Крест. волнения в Киевск. губ. 1826—27 г.г. в связи с событиями того времени». СПБ. 1905 г., стр. 55.

3) Кн. Репнин, ген.-лейт., малороссийский ген.-губ.

что «крестьяне помещика Оболенского не изменили образа своих мыслей, духа строптивости и непокорности к постановленным над ними властям, а потому советник Ильенко предложил расставить роты по непокорным крестьянам с приказанием, чтобы нижние чины обходились с своими хозяевами наистрожайше».

Предварительно одна рота полка «с ружьями» была приведена к квартире Ильенко, где были уже собраны возмутившиеся крестьяне в числе ста человек, которые и были окружены командой. Капитан Докудовский старался внушить им повиновение, но «возмутившиеся крестьяне с криками и решительностью отказывались ходить на работу по назначению опекунов в село Оболонь; тогда советник Ильенко выбрал из бунтующейся толпы шесть человек зачинщиков, приказал отправить их в гор. Золотоношу для предания суду, остальных же затем крестьян, разделив на две равные части, приказал одну из оных отправить на другой день в Оболонь на работу, а на случай сопротивления при отправлении их предложил кап. Докудовскому дать для конвоирования 22 рядовых и 4 унтер-офицера». Часть крестьян была отправлена, другая же разошлась по домам, а рота по квартирам, но комиссар Товбич, назначенный сопровождать крестьян в с. Оболонь, на следующее утро донес, что крестьяне не хотят итти в названное село, и потребовал увеличить конвой еще 8-ю унтер-офицерами и 30-ю рядовыми, которые отправились к дому волостного правления, где содержались ослушные крестьяне, и «по соединении обоих конвоев кап. Докудовский приказал окружить толпу непослушных и полагал, что они, видя себя окруженными штыками, уступят необходимости повиноваться силе, но встретил противное: ни один крестьянин не трогался с места и ни убеждения его, ни команда Товбича не могли изменить их упорного намерения; тогда приказал солдатам смешаться с толпой мятежников и по одиночке принудить их к послушанию, но и это осталось без успеха: толпа вся повалилась на землю, крича, что скорее прежде снимут с них головы, чем пойдут они в Оболонь на работу». Видя невозможность такими мерами привести в послушание непокорных крестьян, комиссар Товбич, действовавший по приказанию советника Ильенко, распорядился собрать подводы. «Но и сия мера оказалась невыгодною по причине той, что ослушники не хотели сидеть спокойно на телегах, а беспрестанно с оных соскакивали; тогда кап. Докудовский приказал связать им руки и ноги, посадить на телеги и, окружив каждую семью рядовыми при одном унтер-офицере, и в таком порядке отправил сию первую очередь крестьян под командой прапорщ. Никитенкова 1-го с строгим подтверждением иметь неусыпный надзор над ослушниками и конвоем». При чем до реки Сулы сопровождать основной конвой был назначен прап. Бондаревский, который усилил конвой еще тридцатью рядовыми при четырех унтер-офицерах. Дождавшись, что первая партия крестьян благополучно переправилась через Сулу и отправилась дальше, Бондаревский вернулся в с. Еремеевку.

Однако, благополучное путешествие продолжалось только до села Оболонь, куда привезли связанных крестьян, и оттуда прап. Никитенков 1-й доносит, что «крестьяне совершенно отказались повиноваться опекуну, который и дал знать от себя хоральскому комиссару с требованием помощи, в ожидании коей не согласился принять в свое ведение крестьян от прап. Никитенкова, опасаясь, чтоб тамошние крестьяне не заразились духом строптивости и непокорности, почему и содержатся в строгом присмотре военного караула. Прочие же оставшиеся в селении Еремеевке крестьяне продолжают упорствовать в своем неповиновении, но приняты достаточные меры к приведению их в покорность опекунам и приказчикам».

Командир егерского полка известил о случившихся беспорядках «для принятия нужных мер осторожности» соседние полки [1]).

От 30-го июля начальник 7 пех. дивизии ген.-м. Ушаков 1-й донес гр. Сакену, что «крестьяне помещика Оболенского, после сделанного по суду зачинщикам наказания, начали уж приходить в повиновение» [2]). Одновременно с вышеизложенным восстанием возмутились крестьяне графа Завадовского в м. Тепловке, Пирятинского повета, Полтавской губ.; но после долгого сопротивления, «будучи убеждены в своем поступке», выдали главных зачинщиков и пришли в повиновение [3]).

Не раз поводом к восстанию крестьян на Украине была незаконность, с их точки зрения, закрепощения их; они причисляли себя к вольным людям «из малороссиян». Такой случай мы имеем в деле о восстании крестьян князя Трубецкого в Курской губ., в слободе Венгеровке. Крестьянин поселился в названной слободе на условиях: «детей его и их потомство крепостными не делать и внушил им в крепость не поддаваться».

Экономия же сравняла поселившихся с крепостными, и в результате мы имеем восстание, передававшееся как бы по наследству.

Из следственного дела мы узнаем следующее: «Жители слободы Венгеровки, будучи из малороссиян, считали себя по преданию от предков поселившимися на казенной земле не в виде крепостных, а вольных; тридцать лет тому назад за непокорность в роде бунта были судимы и некоторые наказаны кнутом и сосланы в ссылку. Потом в новейшее время противились итти в рекруты. В 1826 году дети умершего Григория Малышева (тридцать лет тому назад наказанного кнутом с оставлением в слободе Венгеровке) не токмо от платежей оброка, но и всякого повиновения отказались и об'явили

---

[1]) Оп. II-а, св. 269, д. № 212, ч. 2, л. 398—401; 1826 года. Такого же рода рапорт на имя гр. Сакена последовал от командира 3-го пехотного корпуса г.-л. Рота от 23 июня из г. Житомира (л. 411).

[2]) Оп. II-а, св. 269, д. 212, ч. 12, л. 440. Решения суда над крестьянами в деле не имеется.

[3]) Оп. II-а, св. 269, д. № 212, ч. 12, л. 439

себя не признающими над собой никакой законами установленной власти. В церковь не ходят, святых тайн не приобщаются. Бывший гражданский губернатор Кожухов убеждал их к повиновению, но они остались непреклонными в образе своих мыслей, а потому посажены в тюрьму в гор. Обояни и преданы суду». Дело об их возмущении пошло на рассмотрение высшего начальства, когда в начале 1827 года другие четырнадцать человек вышли из совершенного повиновения, за что и отданы под стражу.

Когда же приехал в Венгеровку управляющий имением князя Трубецкого иностранец Борто и прочитал крестьянам-малороссиянам данные ему от князя наставления, то в это время «они делали разные грубости, надели шапки, пошли прочь, а многие оставили полевые работы, раз'ехались неизвестно куда».

В ответ на донесение управляющего в слободу Венгеровку была отправлена команда нижних чинов, которая нашла крестьян, собравшихся толпою более ста человек, «коих исправник, окружив командою и посторонними людьми, убеждал их чрез священников к повиновению, на что они отвечали, что в бога веруют, государя почитают, властям повинуются, а господину более повиноваться не будут, и что у них такового быть не должно, князя-ж Трубецкого, не видав никогда лично, не знают».

Зачинщики были взяты под стражу, а о неповиновении крестьян было доведено до сведения гражданского губернатора Лясовского, который прибыл с двумя предводителями в слоб. Венгеровку и «лично удостоверился, что некоторые из них были в вышеописанном заблуждении». Присутствие властей, повидимому, не изменило настроения крестьян, понадобились войска, так как следственное дело указывает: «когда прибыли Нежинского конно-егерского полка четыре эскадрона и после сделанных крестьянам внушений, они лично гражданскому губернатору дали по обычаю их руки, обещаясь быть в повиновении у князя Трубецкого, почему подполк. Янов (бывший во главе команды) полагает повиновение навсегда восстановленным, а потому крестьяне распущены по домам, а пять человек за упорство к неповиновению, а с ними вместе отставные из улан Сидоров, унтер-офицер Данилов и копеист Грибоедов, за научение малороссиян к неповиновению, за сочинение им просьб и за переписывание оных, как все трое развратнейшего поведения, отданы под военный суд по распоряжению военного начальства».

Подполковнику Янову удалось вынудить признание крестьян о причинах их неповиновения, а именно: во-первых «ожидание в то время сентенции о наказании пяти человек, осужденных и содержащихся в Обоянской городской тюрьме»; они полагали, что, может быть, и их также подвергнут наказанию и, во-вторых, по словам стариков, которые всегда оставались в повиновении, что «прадед Малышевых (главных зачинщиков)поселился в слоб. Венгеровке на усло-

виях своих детей и их потомство крепостными не делать и им внушил в крепость не поддаваться» [1]).

Дело пошло из комиссии военного суда управляющему министерством внутренних дел и затем в комитет министров. Комиссия военного суда приговорила: «Все оных 67 человек за упорное неповиновение лишить живота».

Гражданский губернатор, «принимая в соображение указ 1754 г., коим смертная казнь воспрещена, полагает из числа означенных 67 человек, 11 человек, как главных бунтовщиков, наказать в слободе Венгеровке через палача кнутом, каждого 50 ударами, и, поставя штемпелевые знаки, заклепать в кандалы и сослать в Сибирь в каторжную работу; прочих же 56 человек—годных—отдать в военную службу с зачетом помещику их за рекрут, а неспособных к службе, наказав плетьми каждого 70 ударами, сослать в Сибирь на поселение».

Управляющий министерством внутренних дел, рассмотрев дело, утвердил мнение гражданского губернатора. Комитет министров утвердил приговор над одиннадцатью, а остальных пятьдесят шесть решил, вместо отдачи на военную службу и ссылки на поселение, отправить в крепостные арестанты.

За всем этим последовало собственноручное его величества повеление «наказать трех главных зачинщиков кнутом с ссылкой в каторгу, остальных, присужденных к кнуту, прогнать сквозь строй чрез тысячу человек один раз и отослать вместе с прочими в крепостные арестанты» [2]).

Но нигде волнения крестьян не имели такого упорного характера и не приобретали широкого размаха, как на Уманщине; как-будто крестьяне вдохновлялись на возмущение традицией [3]).

Село Подвысокое, принадлежавшее Потоцкому, а затем графине Владимировой-Потоцкой с детьми, волновалось три года.

Относительно этих волнений киевский гражданский губернатор Ковалев сообщает главнокомандующему 2-й армией:

«По случаю возникшего между крестьянами Уманского повета, села Подвысокого неповиновения владельческой экономии, были им неоднократно, посредством местного начальства, делаемы внушения о должном послушании, и, наконец, сам я, будучи двукратно на месте в оном селе Подвысоком, делал им лично сперва кроткие и самые убедительные увещания, а потом и строгие полицейские наказания, стараясь обратить их к обязанностям своим, но все сии, равно и принятые посредством вооруженного понуждения меры не могли иметь желаемого успеха и, хотя по сему главнейшие зачинщики такового

---

[1]) Канц. деж. ген., св. 35, д. № 161, 1827 г., л. 2—6.
[2]) Канц. деж. ген., св. 35, д. № 161, л. 21 и 29.
[3]) См. Колиивщина, деятельность Гонты и Железняка; об этом ниже, в деле Семенова.

неповиновения преданы суду, и над некоторыми из них решение киевского главного суда 1-го департамента [1]) приведено уже в исполнение, но и сие на образ мыслей закосневших в упорстве крестьян никакого влияния иметь не могло, и они попрежнему остаются при одном и том же неповиновении».

По поводу этого дела бар. Дибич через управляющего министерством внутренних дел, «по высочайшему велению», поручил ген. Ковалеву «принять немедленно самые решительные меры к усмирению и приведению означенных крестьян в должный порядок и повиновение и для того командировать в село Подвысокое одного из благонадежнейших чиновников со всеми нужными и удовлетворительными насчет действий его там наставлениями, а между тем снестись с воинским начальством о посылке в оное село достаточной воинской команды, буде находящаяся там недостаточна, а начальнику команды сей предоставить неповинующихся крестьян побуждать строгостью воинской дисциплины к работам и действовать всеми мерами к восстановлению между непокорными крестьянами должного устройства и к приведению их в законное послушание».

В село Подвысокое был отправлен советник киевского губернского правления Подолинский и два батальона солдат из пехотных полков, при чем начальствующему над теми полками предоставлено было «неповинующихся крестьян побуждать строгостью воинской дисциплины к работам и действовать всеми мерами к восстановлению между непокорными крестьянами должного устройства и к приведению их в законное послушание владельца» [2]).

На место был отправлен батальон Одесского пехотного полка под командой майора Ротмистра. Бар. Дибич в своем отношении к главнокомандующему 2-й армией от 14 июня указывает, что «в виду того, что имение Подвысокое находится в возмущении уже три года и через то подает дурной пример прочим помещичьим крестьянам, государь император, заметив с неудовольствием, что крестьяне означенного имения до сего времени не приведены еще в должное повиновение, поручает главнокомандующему 2-й армией приказать ввести достаточное число войск и стараться привести крестьян в должное законной власти послушание» [3]).

Поручение, данное майору Ротмистру, было исполнено, и в рапорте командира 19 пех. дивизии Тимрота 16-го августа мы читаем, что «крестьяне теперь совершенно приведены к послушанию владельческой экономии и обязали себя подписками быть покорными, не выходя из повиновения, и ныне работают панщину по назначению экономии без всякого понуждения со стороны военной» [4]).

---

[1]) Решения этого суда в материалах военно-ист. секции не имеется.
[2]) Оп. 183, св. 543, д. № 28, 1826 г., л. 1—3.
[3]) Там же, л. 5—6.
[4]) Там же, л. 17.

Майору Ротмистру было выражено от имени государя императора «благоволение» [1]).

Среди использованного нами материала попадается одно дело, которое дает некоторое представление о том, что такое «увещание и приведение в послушание» силою воинской команды.

Одна из воинских частей (20 рядовых при двух унтер-офицерах) была отправлена в мызу Верхомене, в шести верстах от Гдова «для воспрепятствования крестьянам ворваться в оную»; после усмирения шт.-капитан доносит, что «во время сего усмирения рядовому 1-й гренадерской роты Алексею Тарасенке крестьянин прокусил в кисти левую руку, патронов боевых издержано 22 и сломался приклад у ружья» [2]).

Остановимся на деле рядового Днепровского пехотного полка Алексее Семенове о возмущении крестьян Уманского повета.

Тревожный момент, паническое настроение помещиков, с одной стороны, легкая возбудимость ко всяким движениям крестьян и масса циркулирующих слухов, с другой—способствовали быстрому успеху Семенова.

Просмотренный нами материал канцелярии главного штаба и дежурств штаба 2-й армии дает подробную и полную картину возмущения, поднятого рядовым Семеновым [3]).

Суть дела мы узнаем из рапорта командира Днепровского пехотного полка Бриммера 1-го главнокомандующему 2-й армией гр. Витгенштейну.

«Рядовой Алексей Семенов, будучи уволен в домашний отпуск в прошлом 1825 году, на основании приказа, отданного по 2-й армии во 2-й день июня 1825 г. за № 83, для свидания с родственниками Орловской губернии, Ливенского у., в село Патруатово, сроком по 1-ое число февраля с. г., не явившись в полк, прибывши 4-го числа апреля месяца Киевской губ., Уманского у., в селения Иваньки, Романовку и Машурово, разглашал в оных секретным образом между крестьянами, что он яко-бы прислан от государя императора для забратия здесь всех помещиков под караул и отправления в С.-Пе-

---

[1]) Там же, л. 26.

[2]) Оп. II-а, св. 269, д. № 212, ч. 12, 1826 г., л. 431.

[3]) В литературе уже имелись краткие сведения о возмущении крестьян названным рядовым (см. Семевский. «Крестьянский вопрос в России в XVIII и перв. пол. XIX в.», т. II, Спб. 585—586 стр. Иконников. «Крестьянские движения в Киевск. губ. в связи с событиями того времени». Спб. 1905 г.; у него же ряд документов, касающихся восстания крестьян Уманщины, извлеченных им из дел поветового земского суда). Наиболее подробно останавливается на этом деле К. К—к, автор статьи «Самозванный флигель-ад'ютант Семенов». «Киевск. Стар.», 1882 г., № 12, с. 519—526. У автора было под рукой дело поветового земского суда, он описывает деятельность Семенова в 3-х селах, но решения следующих инстанций, смягчивших и изменивших постановление поветового суда, а также многие подробности, повидимому, этому автору не были известны.

тербург (в других показаниях—в Варшаву.—*В. Г.-Б.)*. Пред'являл в доказательство того, в виде указа имевшийся у него выданный от полка на увольнение в отпуск негодный паспорт с внушением при том, что все оные крестьяне останутся свободными от повинностей. Затем подтвердил им строжайше сохранять таковое об'явление в секрете и выполнять все его повеления. Таким образом, обольстя некоторых из крестьян первоначально в селении Машурове, ворвавшись в поссесорский дом, с помощью крестьян, из коих побуждены были одни к тому жестокими побоями, другие—угрозами, что неповинующиеся будут лишены жизни, а некоторые—чаянием получить свободу, заковал поссесора Генлея, отставного поручика Кржановского и эконома Окулу и бывшего эконома Квицинского в железные кандалы и, опечатав в доме оного Генлея все вещи, раздевал его самого до рубахи, при чем, сыскавши у него в кармане 115 руб. ассиг. и 6 р. сер., взял оные себе; затем, освободя из желез только экономов, учредил при квартирах по 15-ти, а при поссесоре Генлее 30 человек из крестьян стражей. Сам же, истребовав от сотского троеконную подводу с верховым проводником, отправился в сел. Романовку, где заехал также и в поссесорский дом, причинив бывшему там только одному писарю жестокие плетьми побои, заковал его в железы, разбил окошко у запертых покоев, взял из оных 5 сер. чайных ложек, голову сахару, две или три бутылки ликеру и со всем тем оттоль отправился. Но встретя по дороге в том же селении Романовке бывшего эконома, англичанина Мейера, наказал его за сделанный вопрос: что он за человек, до 200 ударов плетью, а после того выехал из селенья. Вскоре же по от'езде заседателем уманского нижнего земского суда Скинтеевым, преследовавшим его, того же числа вечером с помощью воинских чинов, взят под караул и задержан в с. Машурове. После чего открылось, что он, Семенов, отправил в с. Романовку и в смежное селение Иваньки двух крестьян с приказанием тамошнего поссесора Яворского заковать в кандалы. Посланные, прибыв туда, хотя и выполнили приказание его с помощью крестьян в точности, с причинением поссесору Яворскому, экономy его и писарю побоев, но однако-ж таковой мятеж прекращен и означенные посланные от Семенова два крестьянина схвачены, деньги от него отобраны, и как он, так и участвовавшие в том мятеже крестьяне содержатся под караулом. Бумаг у него, Семенова, никаких фальшивых и подложных не отыскано и сам неграмотен и в солдатской одежде. Дальнейшее расследование производится уманским нижним земским судом совместно с Днепровского полка майором Лысенкою. Поведения он, Семенов, был напред того хорошего, в штрафах и наказаниях никогда не бывал» [1]).

Военное начальство было поднято на ноги, командир 19 пехотной дивизии Тимрот отправился на допрос в селение Машурово, где

---

[1]) Оп. 183, св. 656, д. № 66, л. 1—2.

он вынес впечатление, что «крестьяне тех селений были уже готовы сами во всем вспомоществовать рядовому Семенову к произведению такового возмущения» [1]).

Семенов, с которого были сняты показания, подтвердил все то, что донес в своем рапорте командир Днепровского полка, и не отрицал своей деятельности в трех селах.

Местное гражданское начальство было в панике. 10 апреля Тимрот извещает начальство, что «маршал Уманского повета об'явил ему о дошедших до него слухах, и ныне весьма усиливающихся, что будто бы крестьяне сделали между собой заговор для общего возмущения, которое, по слухам, должно возникнуть в день вербного воскресения, т.-е. 11 апреля» [2]).

Впоследствии оказалось, что слухи эти были ложны [3]), но начальникам дивизии было дано предписание «быть в готовности на случай беспорядков», а в секретном предписании командующему 3-й гусарской дивизией г.-м. Гейсмару начальник штаба 1-й армии бар. Толь писал: «Известие, полученное о беспокойствах, угрожающих принять начало свое 11-го числа сего месяца Киевской губ., в Уманском повете крестьянами противу законной власти, возлагает на военное начальство обязанность иметь бдительный надзор за вверенными им командами, дабы все чины вообще были при своих местах. Что-ж касается до учреждаемого крестьянами возмущения, то оное ни в народе, ни между солдатами не разглашать. Если-б открылось злоумышление—брать под стражу» [4]).

Как воинский чин, Семенов был предан военному суду. Из подробного доклада полевого аудиториата 2-й армии на имя главнокомандующего той же армии ген.-фельд. гр. Витгенштейна мы узнаем ряд небезынтересных подробностей о деятельности Семенова в трех селениях и об отношении к нему крестьян.

Суду было вменено в обязанность при производстве дела «обратить особенное внимание на раскрытие истинных причин, побудивших сего рядового к таковым действиям, и не был ли он руководим в оных наставлениями других» [5]).

Алексей Семенов учел настроение крестьянских масс и удачно им воспользовался.

В с. Соколовке его задержали, как просрочившего свой отпуск и без дела шатающегося по селам, но он ловко освободился от конвойных, сказавшись больным. Таким же неграмотным людям, как и он, читал якобы указ (а на самом деле паспорт): «оковывать в же-

---

[1]) Там же, л. 13.
[2]) Оп. 183, св. 656, д. № 66, л. 24.
[3]) См. Иконников. «Крест. движ. в Киевск. губ.», стр. 76. О слухах относительно польского и еврейского погрома на пасхе и на вербное воскресенье см. «Киевск. Стар.», 1882, № 12, стр. 519—520.
[4]) Оп. 183, св. 656, д. № 66, стр. 25 и 30.
[5]) Там же, л. 60.

леза и забирать в Варшаву поссесоров». «Повелительно требовал от крестьян подводы», которые быстро получал, приказывал отводить ему квартиру, что и исполнялось.

В одном селении Семенов назвал себя майором, посланным от государя или от цесаревича Константина Павловича; в м. Тальном выдал себя за посланного от ротного командира за отысканием беглых солдат и, «требуя троеконные подводы, приказывал заготовить семь караульщиков для препровождения арестантов» [1]).

Возвращение из Тального сопровождалось «важнейшими злодеяниями», по докладу полевого аудиториата [2]).

4-го числа в с. Машурове Семенов приказал сотскому Василию Кириченке, атаману Гнилокоже с «некоторыми крестьянами пойти в дом эконома Квицинского, которому стремился наносить побои, называя себя офицером; на вопрос эконома о бумаге, уполномачивающей его на такие действия, Семенов отвечал: «Не смотри, что я в таком мундире, будет тебе бумага, я их имею целый мешок» [3]). С помощью атамана, сотского и крестьян, «легковерно или подобострастно ему повиновавшихся», заковал эконома в железа. То же самое сделал с поссесором Генлеем и другими [4]).

Крестьяне почитали его за лицо, приехавшее от начальства, стояли при нем в комнате без шапок. Один из крестьян говорил стоящим в доме эконома девкам, которые плакали: «Не плачьте,— как панов ваших заберут, то не будете работать панщины».

В селе Романовке Семенов «бывшим во множестве крестьянам» читал бумагу (свой паспорт на отпуск) и говорил: «Слушайте, ребята, один другого берегите, мое дело только арестовать, а здесь будет эту ли ночь или завтра по-утру проезжать земский исправник и всех арестованных заберет, а не то все пропадут со всей фамилиею».

Затем принимал жалобы на поссесорского писаря Чайковского, который, хотя и спрятался в помещичьем доме, но его оттуда извлекли и заковали в кандалы.

В с. Иваньки приказание Семенова арестовать поссесора Яворского исполняли казак Катернога вместе с местным сотским и крестьянами. Когда Яворский требовал вид, дающий сотскому полномочия, то последний отвечал: «Нет, пане, это не обман, я сам читал указ, чтобы тебя взять под караул, полно тебе пановать, я за то отвечаю». Яворский противился, уверял крестьян, что их обманывают, но не мог «уверить множество крестьян в обмане их, они стояли у окнах на карауле». Яворский тайно разослал вернейших людей к соседям, прося помощи, но приехавшим соседям «причиняли ругательства и толкали». Казак Катернога приказал писарю описывать

---

[1]) Там же. Показания сотского м. Тального, л. 66.
[2]) Об этом подробно см. «Киевск. Стар.», 1882, № 12.
[3]) Оп. 183, л. 67.
[4]) См. выше рапорт ком-ра Днепр. полка.

имущество Яворского, а крестьянам—караулить поссесора и соседей. Жена Яворского, стоя на коленях, просила крестьян пощадить их, но бесполезно. «Несмотря ни на угрозы, ни на последствия, представляемые Яворским, но уверяясь, что действия их (крестьян) основательны и выполняются по мнимому секретному указу от государя императора, толпа ожидала приезда Семенова».

А в это время Семенов был арестован заседателем земского суда Скинтеевым, который, проезжая через м. Тальное, нашел 20 крестьян во главе с сотским и десятским, ожидающих, по приказанию Семенова, его возвращения из с. Машурова. Скинтеев, сообразив что-то неладное, отправился в Машурово, преследовал Семенова до Романовки, где последний и был арестован и связан.

Вместе с тем иваньковские крестьяне послали в Романовку узнать, что делать. Посланный возвратился, сообщил об аресте Семенова и закричал: «Бегите, люди, беда в Романовке, заседатель наших уже перевязал» [1]).

Люди разбежались, главнейшие участники из крестьян скрылись; для восстановления тишины наряжены были две роты от Днепровского пехотного полка, а до 40 человек чиншевой шляхты отправлены были преследовать участников беспорядка.

По взятии под караул Семенов хвалился своей деятельностью в Пирятинском у., где он заковывал помещиков и грабил их. На вопрос военного суда о мотивах его поступков, Семенов отвечал, что 1) в бытность в отпуску в Орловск. губ., в гор. Ливнах, на ярмарке в трактире слышал от неизвестных крестьян, что забирают помещиков, 2) не был никем руководим, а воспользовался слабостью крестьян и легковерным послушанием всех его приказаниям, в том предположении, чтоб где-либо взять больше денег и возвратиться в роту».

Далее Семенов в своем показании сообщил, что два других солдата Днепровского полка—Степаненко и Васютин [2]) распускали слухи о еврейском и польском погроме и говорили шляхетскому наместнику, после присяги новому императору: «Когда мы присягали Константину Павловичу, тогда все хорошо присягали, пред евангелием и поднявши руки вверх, а когда велено присягать Николаю Павловичу, то был большой холод, и одни поднимали персты вверх, а другие имели оные опущенными, некоторые же разошлись по комнатам, и присяга была без евангелия. Мы теперь не знаем, кто у нас государь, и когда происходит учение, то офицеры ежечасно оглядываются назад, не едет ли кто-либо; и далее, между солдатами и другого сословия людьми носятся слухи, что будет большая беда». Но какие слухи и что они заключали в себе зловредного, Семенов от Степаненко не узнал.

---

[1]) Оп. 183, св. 656, д. 66, л. 76—78.
[2]) См. Иконников. «Кр. движ. в Киев. губ.», стр. 74—78.

Такое показание рядового Семенова дало повод к привлечению к суду и двух названных им солдат Днепровского полка.

На основании опросов подсудимого и свидетелей крестьян и разбора дела вообще, военный суд в своей сентенции нашел Семенова виновным:

«В неявке в свое время из отпуска в полк, бродяжестве по деревням, праздном в оных проживании, обманных поступках и ухищренном освобождении себя из-под присмотра конвоировавших его крестьян, в возмущении и бунте в трех селениях крестьян же, причинением им побоев, склонении их угрозами и побоями к участвованию в смятении, заковании в железо поссесоров, экономов и других разного звания людей, причинении оным побоев, названии себя присланным с секретным указом от высочайшей особы полковником, майором, фельд'егерем и почтальоном для забрания в Варшаву поссесоров и помещиков, об'явлении свободы крестьянам и уничтожении владельческой власти и в угрозах смертью и ссылкой в Сибирь, а потому приговорил: по силе воинского сухопутного устава 185 артикула, его, Семенова, колесовать и на колеса тело его потом положить».

По поводу приговора высказал свое мнение командующий 18 пехотной дивизией г.-м. Роговский, которое и заключил так: «Выключив из воинского звания, наказать кнутом 101 ударом и, с постановлением штемпельных знаков, сослать в каторжную работу».

Полевой аудиториат 2-й армии, заслушав мнение ген. Роговского, нашел: «Обнаруженные судом действия Семенова не подходят к первым двум пунктам государственных преступлений, будучи в нижнем чине, взят он без оружия в руках и не нанес государству и общему спокойствию обширного вреда», и подтвердил мнение ген. Роговского.

22-го июня 1827 г. начальник штаба бар. Дибич сообщил гр. Витгенштейну, что «государь император соизволил уменьшить число ударов кнутом в половину» [1]).

Суд был начат 30-го июня, кончен 30-го сентября, в аудиториат дело поступило на ревизию 8-го февраля 1827 года, окончательное заключение получено через год. Арестовано было 150 крестьян, 80 содержались в тюрьме, другие два солдата приговорены в арестантские роты Бобруйской крепости. Правительство было напугано событиями на Уманщине, придавало им большое значение и в то время, как следствие по поводу дела Семенова велось обычном порядком гражданского и военного судов, оно командировало г.-м. гр. Ностица познакомиться на месте с общим состоянием и настроением края. Гр. Ностиц об'ехал Киевский, Васильковский, Таращанский и Уманский поветы, в результате чего на имя главноко-

---

[1]) Оп. 183, св. 656, д. № 66, л. 86—97.

мандующего 1-й армией гр. Сакена отправил рапорт с обстоятельным изложением всего того, что он видел, слышал и наблюдал.

«Говоря со многими знакомыми и незнакомыми мне лицами военного и гражданского звания,—пишет он,—равномерно как с помещиками и прочими жителями, я одинаково слыхал о неспокойном духе между крестьянами, открывающемся чрез разговоры, произносимые в корчмах и по ярмаркам между черного народа, якобы будут «резать ляхов и евреев». По мере приближения к Уманскому повету больше слухов носится о таковых разговорах, по всем поветам и в самом Уманском, по истине сказать, настоящих признаков к возмущению народа нет, каковые обнаружились бы необыкновенным сбором людей и упорностью против начальства. Земская полиция поддерживает тишину, арестует тех, которые впали в подозрение, и занимается исследованием причины необыкновенных разговоров между народа. По требованию со стороны гражданской военная сила содействовала караулами и раз'ездами к поддержанию порядка и спокойствия».

Из разговоров с гражданским губернатором в Киеве Ковалевым гр. Ностиц узнал, что «во всех уездах земская полиция имеет строжайшее предписание употреблять все меры осторожности для общего спокойствия и обо всех могущих случиться происшествиях извещается губернатор по эстафету. Все сведения, которые до сих пор Ковалев получал, не открыли источника возмущения, почему он полагает, что злоумышленные разговоры между народа происходят от поступка рядового Днепровского полка Алексея Семенова, разрушившего 4-го апреля обманом и буйством спокойствие в некоторых окрестных селениях местечка Тального».

В тревоге, которая после сделалась, губернатор обвиняет маршала Уманского повета, который был перепуган слухами и, «не отнесясь к земской полиции для исследования, отколь оные происходят», писал официальную бумагу военному начальству, прося защиты против крестьян, готовых «резать помещиков и евреев на вербной неделе». Гр. Ностиц беседовал с уманским маршалом Марковским, пользующимся в уезде хорошим именем, который об'яснил, что иначе он поступить не мог по тогдашним обстоятельствам.—«Слухи о возмущении Семенова,—читаем мы дальше,—беспокоили обывателей до крайности и напоминали им нападения Гонты и Железняка более 50-ти лет тому назад, начавшиеся в тех самых селениях: Машурове, Романовке и Иваньки, где теперь показался возмутитель Семенов [1]). Маршал, бывши всем очень встревожен, поехал в Умань,

---

[1]) Гонта и Железняк, первый—уманский сотник, второй—начальник гайдамацкого отряда с Запорожья, подняли движение против помещиков, поляков и евреев в 1768 году, устроили «Уманскую резню»; деятели так-называемой Колиивщины. Население Уманщины долго сочувственно относилось к Гонте, считая, что он «добрый був пан, хоч и богато збитків робив по світу жидам и ляхам». Сохранялось долго

где были собраны некоторые помещики для совета. Все говорили, что будут «резать», и маршал, не имевши времени удостовериться, полагал самым нужнейшим предупредить опасность своего повета, и потому от общего совета помещиков просил командующего 19 пех. дивизиею г.-м. Тимрота о военной защите».

Присутствие дивизии в Умани и окрестностях увеличило тревогу, которая усугубилась также и тем, что чиновники снабдили помещиков секретным известием о положении Уманского повета.

«Последствием сего,—пишет гр. Ностиц,—родилась такая боязнь, что многие помещики, имевшие на своей совести достаточные причины сомневаться в добром расположении к себе своих крестьян, окружались военной стражей. Неудивительно, что таким образом слухи о возмущении и бунте мужиков далеко распространялись, хотя таковые бунты впоследствии времени нигде открыты не были. Не менее того многие из крестьян за подозрительные разговоры взяты под стражу полиции, другие же за вздорные разговоры наказаны от своих владельцев. Также некоторые из духовного звания взяты под арест и многие находятся под подозрением. Воинских нижних чинов очень мало замешано в подозрении».

Передавая вкратце о деятельности Семенова, гр. Ностиц не разделяет того мнения, что «мужики были приготовлены к возмущению», иначе бы заседатель Скинтеев не мог так быстро ликвидировать дело Семенова, имея в своем распоряжении лишь немногочисленную шляхту.

Причины же успеха Семенова гр. Ностиц усматривает в следующем:

«1) Отсутствие управляющего из м. Тального, у которого, как водится, сотский хотел спросить приказание, давать ли Семенову подводу, или нет. 2) Взятие во время зимы под арест некоторых помещиков, по нынешним обстоятельствам [1]), о чем сомневаться нельзя, чтоб мужики не имели сведения, и почему они весьма могли полагать Семенова имеющим поручение от правительства, не рассуждая о том, что один военный человек, без присутствия земского чиновника, не может исполнять такого рода поручение. 3) Решительный и наглый образ требования Семенова от жителей вспомоществования и 4) Об'явление Семеновым мужикам свободы».

«Жители Уманщины,—высказывает свое мнение гр. Ностиц,—суть выходцы из Запорожья, имевшие склонность к пьянству и бродяжеству; край их изобильный, и в старинные времена украинцы имели привилегии под польским гетманством, которые при установлении российского правления переменены или вовсе уничтожены,

---

предание, что сын Гонты, спасшийся в Валахии, придет и станет во главе народного движения. См. ст. Антоновича. «Киевск, Стар.», 1882 г., т. IV, октябрь, стр. 250—276 и ст. Ф. Ф. «Предание о Гонте». «Киевск. Стар.», 1901 г., июль—авг., стр. 4—7.

[1]) События 14-го и 28-го декабря.

а теперь помещики владеют ими на общем положении крестьян. Часто бывает, что сии первые распространяют свою власть больше, нежели закон им позволяет. Особливо можно в том упрекать поссесоров, которые, имевши на три года имение в своих руках и заплативши 25 копеек серебром за рабочий день, употребляют все способы выручить свои деньги и еще набогатиться. Хотя теперь поссесоры инвентарем ограничены и положение владеемых ими крестьян довольно обеспечено, но не менее того крестьяне, помня прежние притеснения, имеют мало доверенности к поссесорам и даже к самим помещикам и показывают дух строптивости, называемый в тамошнем краю «гайдамахством». Мужики Киевской губернии оказывают упрямство и ненависть против своих владельцев, но никакой склонности к возмущенью против правительства, как видно из их повиновения к исправнику и к прочим земским чиновникам».

«Взяв пример с опыту бунтов в России последнего времени, кажется возможным, что украинские мужики были обольщены тайными возмутителями, однако же невероятно, чтоб таковые находились между народом». Сомневается Ностиц и в том, чтобы шляхта могла возмущать народ, так как она находится в выгодном положении в отношении крестьян; священники «слишком бедны, и слишком просты, чтоб могли быть заражены духом возмущенья».

«В случае возмущения войска,—полагает гр. Ностиц,—думать нельзя, чтоб польско-украинский мужик пристал к оному, потому что он не любит «москаля наравне с ляхом». Доказательством сему служит военное возмущение в Василькове, к которому ни один мужик не присоединился».

Причину быстрого распространения слухов о возмущении гр. Ностиц усматривает в беспрестанном общении между собой крестьян на ярмарках.

«Мужик, имевший пристрастье шататься, не жалеет ни времени, ни последнего барана на посещение ярмарки, в которой обыкновенно пьянствует, и при сем случае передает один другому слыханные и часто выдуманные новости».

Прежние и теперешние опыты показывают гр. Ностицу, что «свойство украинского мужика действительно есть повиноваться правительству, хотя он имеет в характере, чтоб устоять на своем, и ненавидит пана».

«Украинец часто вспоминает время, когда он сам или предки его вместе с запорожцами «грабили и резали ляхов и жидов», почему из давних времен в кабаках слышны пословицы «невірни жиду нема на тебе Гонты».

«Каждое происшествие,—по мнению гр. Ностица,—подобное Семенову, будет возобновлять образ мыслей сего народа, и неудивительно, что дворяне и евреи с перепугу сделали такую тревогу».

Что касается отношения военных чинов к событиям, имевшим место на Уманщине, то гр. Ностиц не заметил, чтоб нижние чины

были прикосновенны к следствию, но относительно Днепровского пехотного полка он слышал от исправника, что насчет командира и офицеров полка он не нахвалится «в обхождении их с обывателями», но жаловался на нижних чинов, «из коих он в течение года меньше 40 человек не представлял в полк за бродяжничество и за разные шалости, в повете ими деланные. Помещики во время беспокойствия имели мало доверенности к Днепровскому полку по причине, что оный слишком обжился с мужиками».

В уездах, которые гр. Ностиц посетил, он слышал упреки по адресу земской полиции в недостаточной строгости и попустительстве при мятеже Семенова [1]). Дворяне не доверяют земской полиции и заводят в имениях свою земскую управу из офицеров.

Отмечая в своем докладе отсутствие влияния земской полиции в уездах, гр. Ностиц в результате всего виденного и слышанного приходит к следующим окончательным выводам, излагая их в 10-ти пунктах:

«1) В Уманском и в окрестных оного поветах до сих пор не открыто никакого приготовления к возмущению черного народа против правительства.

2) Крестьяне сего края имеют очень мало привязанности к своим владельцам.

3) Владельцы по большей части слишком чужды своих крестьян по причине больших поместий и разной веры.

4) Поссесоры, владеющие почти всеми имениями бывших помещиков, никакого внимания не обращают на положение мужиков, но только на исполнение их повинностей, за которые поссесоры дешево платят.

5) Белоцерковщина, хотя в руках русской помещицы и не роздана по поссесорам, не исключается из вышеоб'явленных пунктов, по причине большого пространства, где властительнице невозможно с подробностью входить в положение своих подданных.

6) Помещики состояния посредственного, сами владеющие имением, хотя поляки или русские, и не имеющие попечения о благе своих подданных, находятся на-ряду с вышеописанными, но те, которые действительно пекутся о благе своих крестьян, составляют такое малое число, что не могут произвесть какой-либо перемены в нынешнем положении крестьян.

7) Священники мало образованы, и помещики по причине разноверия не привлекают их к себе, и потому попы мало имеют уважения от своих прихожан.

8) Действие земской полиции не так сильно, как бы нужно было для содержания порядка.

9) До сих пор другой причины насчет беспокойствия в Уманском

---

[1]) Ему указывали на сочувствие мятежу со стороны священников, которые часто были в родстве с земской полицией.

и соседственных поветах не находится, как дерзкое предприятие рядового Днепровского пехотного полка Алексея Семенова, тревога уманского маршала Марковского и воспоминания всех обывателей о действии мужиков против оных во время нападения Гонты и Железняка.

10) Если бы действительно существовала злоумышленность в народе, то полагать нельзя, чтоб оный был в состоянии бунтоваться, находясь в большом наблюдении со стороны помещиков и особливо со сторны евреев, как первых к жертве на случай возмущения».

«Сколько я ни раз'езжал по всем местам Уманского повета и окрестностях его, где только случались какие-либо происшествия, и сколь я ни испытывал мнение всех тех лиц, которые знают тот край по своим должностям или по долговременному проживанию в нем, но подробные сведения собрать не мог, тем более, что я имел приказание разведывать только под рукой» [1]).

Так успокоительно об'яснил события, имевшие место в Уманском повете в апреле 1826 года, генерал, присланный из центра. Но от этого местным помещикам и обывателям не стало легче: ненависть к ним со стороны крестьян, отмеченная гр. Ностицем, была на-лицо.

Ни земская полиция, которая была у помещиков под подозрением, ни воинская часть, которая имела стоянку около них и которой они не доверяли, не могли гарантировать спокойствия. Призрак Гонты стоял перед ними, а общая тревога, наступившая вслед за декабрьскими событиями, увеличивала страх перед возможностью новой вспышки крестьянского возмущения.

---

[1]) Канц. деж. ген. гл. шт., св. 18, д. № 260, 1826 г.

С. Чернов.

Жены декабристов в Благодатске.

В конце октября 1826 года в Благодатск были доставлены восемь «секретных»—декабристы: С. Трубецкой, С. Волконский, Арт. Муравьев, В. Давыдов, Е. Оболенский, А. Якубович и братья А. и П. Борисовы.

По привозе в Благодатск их жизнь была тотчас введена в очень определенные и строго замкнутые рамки. Правда, порою в этих очень точно очерчивавших их жизнь рамках оказывался прорыв, но всесильный распорядитель их жизни, начальник местных рудников и заводов Бурнашов, тотчас же энергичными мерами ликвидировал этот прорыв, и жизнь «секретных» снова совершенно замыкалась. Вот почему среди невольного населения рудников они очень быстро сложились во внутренне прочную и извне строго отграниченную невольную колонию «секретных». Но в первых числах февраля 1827 г. около их небольшой и доселе отовсюду отграниченной колонии сложилась другая—добровольная, сломавшая их изолированность и связавшая их с окружающими близкими и далеким русским миром,—то были жены декабристов, княгини Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская...

Их прибытие внесло ряд изменений в жизнь «секретных». Не надо думать, что эти изменения затронули только мужей этих двух героических женщин, т.-е. самую аристократическую верхушку благодатской восьмерки.—Нет, их заботливое воздействие коснулось и других заключенных, иные из которых им до того были совсем незнакомы и почти неизвестны. Все это дает им особенное право на внимание потомства и историка.

Известно, что и правительство, и кровные родные ставили препятствия женам декабристов в их стремлении ехать за мужьями в Сибирь. Правительство хотело избежать этих поездок, чтобы решительнее оборвать связи сосланных с Россиею и сильнее вытравить в русском обществе самую память о них. А родные по крови их жен с болью переживали трагедию порванного брака и разрушенной семьи своих дочерей, сестер и внучек и, что совершенно естественно в условиях всего их быта, стояли на точке зрения здорового семейного эгоизма. К тому же они вообще боялись поездок

в Сибирь—такую далекую, что с от'ездом почти обрывались все нормальные сношения, и такую неизвестную, а потому и страшную, что совсем пропадала надежда на счастье для уехавшей. И вместе с этим вставал вопрос: да чем же стал и станет муж в этой страшной Сибири, в кошмарных условиях каторжной жизни в ней? Стоит ли и можно ли ехать к нему молодой женщине, счастье которой он только что, как им казалось, преступно и легкомысленно разбил своею страшной политической затеей? На этой почве разыгрывались тяжелые трагедии. Из них самая мучительная едва ли не та, которую пришлось пережить в течение ряда лет молодой и прекрасной А. В. Якушкиной: ей не удалось перешагнуть барьер, который в единении воздвигали перед нею и власть и иные из родных [1])...

Но и те, кто сумел и смог уехать, перенесли немало. Общеизвестны те мучения, которые пришлось и перед от'ездом, и в пути, и в Сибири вынести первым проложившим в Сибирь дорогу—княгиням Трубецкой и Волконской. Я позволю себе, поэтому, остановиться только на нескольких чертах и моментах их драмы. Здесь едва ли не прежде всего надо сказать о том ужасе, который пришлось пережить Трубецкой, когда ей отказали в пропуске далее Иркутска. Между тем Трубецкой уже удалось устроиться хоть и не на заводе около мужа, как говорит Оболенский, но все же недалеко от него в Иркутске. И вдруг ей отказали не только следовать за ним, но даже знать, куда он отправлен... И начались бесконечные муки губернаторских советов, уговоров и оттягиваний... [2]).

Оболенский рассказывает, что, когда «приехала в Иркутск княгиня Мария Николаевна Волконская..., обе соединились в одной мысли... и действовали в одном и том же решительном духе, не отступая ни перед угрозами, ни перед убеждениями», и потом вспоминает, как «им представили положение о женах ссыльно-каторжных, и о правилах, на которых они допускаются на заводы», и как они, «прочитав условия..., не усумнились утвердить их своими подписями». «Таким образом,—заключает Оболенский,—начальство было, наконец, вынуждено дать свое согласие и дозволить им беспрепятственно следовать за мужьями в Нерчинские рудники». Память, однако, изменила здесь Оболенскому. Волконская, которая, конечно, лучше, чем он, помнила свою личную драму и в частности ее сибирские страницы, совершенно определенно рассказывает, что Трубецкая «выехала в этот самый день в Забайкалье», когда она приехала в Иркутск. Неясно даже из ее слов, виделась ли она в Иркутске с Трубецкой. Ясно одно, что никаких совместных с Трубецкою шагов она в Иркутске не предпринимала и что Трубецкая всего сумела добиться одна. Впрочем, победа, одержанная Трубецкою, не очищала до конца путей для Волконской, и ей пришлось тоже

---

[1]) «Голос Минувшего», 1913 г., IX, стр. 194—195.
[2]) Подробности у сибиряков и особенно у Б. Г. Кубалова.

вести в Иркутске борьбу со старым и, повидимому, очень методичным губернатором Цейдлером: «десять тяжелых дней» она «провела... в борьбе с ненужными препятствиями», которые Цейдлер ей ставил как своими долгими горячими увещаниями, так и своими мучительными и обидными мероприятиями. Это, конечно, очень неприятные страницы сибирской эпопеи, как ни быстро их Волконская прошла и как ни была решительна и полна ее победа. Но их тяжесть, конечно, все же ничто в сравнении с тем, что раньше Волконской выпало на долю Трубецкой, которая первая начинала борьбу за дорогу к мужу и имела против себя врага, еще не терпевшего поражения. Конечно, ей пришлось вложить в эту борьбу гораздо более моральной силы и изобретательности ума, чем после нее Волконской. Только позже у начальника рудников и заводов Бурнашова, в Большом Нерчинском заводе, прочно свиделись Волконская и Трубецкая, и во всяком случае только здесь или, вернее, не ранее, чем здесь, началась их совместная деятельность и взаимная поддержка: «Здесь я догнала Каташу... Свиданье было для нас большою радостью; я была счастлива иметь подругу, с которой могла делиться мыслями; мы друг друга поддерживали; до сих пор моим исключительным обществом была моя... горничная» [1]).

Таким образом, в рассказе об иркутских мероприятиях княгинь память Оболенскому изменила.

Живое чувство подсказало ему разное отношение к женам товарищей. Он не скупится на теплые, проникнутые сердечною благодарностью отзывы о них обоих. Но подлинная его героиня—Екатерина Ивановна Трубецкая. Ей он посвящает прочувствованные строки старой дружбы и, что̀ для нас важнее, высокой личной оценки. Марии Николаевне Волконской он воздает должное за ее подвиг жены и «сестры милосердия» для товарищей мужа. Но он холоден в ее личной оценке. Рассказывая о ее совместной с Трубецкой работе, он прилагает к ней те же эпитеты, как и к «Катерине Ивановне»—«сестры милосердия», «близкой, родной», «высокой женщины», «русской по сердцу, высокой по характеру», «нашей хранительницы» и т. д., но нигде и ничем не отмечает своего личного к ней чувства уважения и любви. И даже память об отце Волконской, которого он чтит и называет «знаменитым», не дает ему повода к ее высокой личной оценке. Можно догадываться, что образ Марии Николаевны, насколько мы его знаем из ее записок, был мало привлекателен для Оболенского [2]). Мария Николаевна Волконская—жен-

---

[1]) «Общественные движения в России в первой половине XIX в.», I, СПБ., 1905, стр. 265—268; М. Н. Волконская, «Записки», СПБ., 1904, стр. 36 и 42, «Русские Пропилеи», I, М., 1915 г., стр. 19—20.

[2]) Чтобы полнее уяснить себе это, надо вспомнить, каким был сам Оболенский. Он по своему существу, при всей твердости и решительности своих действий и всего своего поведения,—лично очень мягкий и добрый человек, внимательный к другим и склонный себя считать обя-

щина лично, вероятно, очень несчастливая. Ее характер, повидимому, едва ли мягкий и чуткий от природы, с годами и бедами становился все тяжелее для окружающих. Она закалялась, но и внутренне грубела в своих несчастиях. То чувство долга, которое ее повело в Сибирь, было, сколько можно судить, полно красивой аффектации и, ежели не искусно подстроено, то во всяком случае очень умело поддержано и развито со стороны. Соответственно настроенная «волконскими бабами», она, видимо, живо чувствовала себя жертвою не только супружеского, а и политического долга. Она едет в Сибирь не только делить участь мужа, но и демонстрировать против правительства и государя с его семьей, которыми себя считает лично обиженною. Так в ней и в ее поступке переплетаются разные начала и элементы: и долг жены, и личная обида царскою семьей, и политическая демонстрация против власти. Личная обида, которая едва ли не играла очень большой роли, глубоко спрятана под сознанием, зато красиво переплетаются в сердце и мыслях молоденькой женщины высокие слова о личном и политическом долге жены. Очень живая и решительная, она быстро развивает богатое содержание идеи долга, им наполняется, им живет. Она едет в Сибирь исполнять долг... Ее окружает личное и политическое преклонение. Она сама смотрит на себя и не может не смотреть, как на героиню. Она любуется и восхищена собою. Она, действительно, полна самоотречения и упивается его полнотою. И гордая им, упоенная собою, демонстрируя каждый миг, как верная жена и политический протестант, она начинает свою сибирскую жизнь с коленопреклонения перед мужем, политическим преступником—и поцелуя его политических оков. Это ее настроение легко прощупывается в ее прославленных «Записках». И в тех же «Записках», рядом с отголосками былых настроений, легко улавливается настроение момента авторства. Я бы сказал, что оно двойственно здесь: и сожаление о многом, чего уже нельзя исправить, и любование собой, какою была тогда, в момент решивших жизнь событий. Это любование прикрывалось от читателя надуманною скромностью, о которой с большим почтением, как о подлинной, говорит сын Марии Николаевны, но, несмотря на прикрытие, его легко заметить. Ощущая себя героинею и жертвою двойного долга, Волконская, повидимому, в общении с людьми—и даже товарищами мужа—обнаруживала иногда себя с житейски тяжелой стороны. По-

---

занным перед ними, поэтому простой и без тени рисовки в отношениях или оценке. Это—очень чуткий совестью и вместе очень религиозный человек; но в то же время и человек с живым умом и широким кругом интересов в области веры и общего мировоззрения, нравственности и политики. Все это сделало его терпимым и принципиально благожелательным: можно сказать, что он всякий раз с большою заботливостью ищет возможности правильно понять встреченное лицо или поразивший жизненный факт. И вот такому, довольно образованному, очень благожелательному и излучающему какую-то тихую интимность человеку судьба дала встретиться с Волконской и на ряд лет быть обязанным ей.

жалуй, это легко в ней понять и трудно до конца осудить, ибо жить в Сибири в положении жертвы двойного долга ей пришлось не легко... Но и общение с ней, при ее продолжающейся самоочарованности и все более открывающейся самоуверенности, становилось тяжелым. К тому же в ее характере мелькают черты сухого эгоизма, жесткости. Ее ум, не получивший в годы юности благотворных воздействий широкого образования, остается чужд общих вопросов миросозерцания, а поведение—лишенным прочной моральной основы. Понятно, что Оболенский не сохранил о ней лично приятных воспоминаний. Понятно и то, что, многим обязанный ей и, конечно, сумевший понять ее личную драму, он не стал говорить в своих записках о ней тяжелых слов личной характеристики. Вот отчего она в его воспоминаниях осталась без обрисовки, кроме тех общих благодарных слов, которые он сказал о ней вместе с Трубецкою за все то доброе, что они обе—и вместе и порознь—внесли в жизнь товарищей своих «преступников»-мужей.

Оболенский рассказывает, как «волновала... в первые недели после...—приезда» «преступников» «неизвестность о том, увенчается ли успехом твердое намерение княгинь Трубецкой и Волконской соединиться с мужьями». Из письма Трубецкого к жене мы знаем, как он ее ждал и беспокоился, ожидая ее приезда, ибо видел, что не только привычной жизни, но хотя бы жизни не совершенно лишенной удобств на Благодатском руднике ей не придется увидеть. Оболенский рассказывает, что «это недоумение вскоре разрешилось: обе прибыли благополучно и обе заняли небольшую избу в руднике, в полуверсте от... казарм. Скоро назначено было свидание... дамам в самой казарме. Время свидания могло продлиться час. Первая пришла Катерина Ивановна»; Оболенский и Волконский «вышли к соседям товарищам; свидание кончилось сменою Марии Николаевны, которая в том же номере беседовала с мужем определенное время». В этом рассказе Оболенского есть некоторые несообразности, как и в рассказе самой Волконской. Дело в том, что, напр., по запискам Волконской выходит,—хотя она этого не говорит прямо,—что она имела свидание с мужем в день приезда и немедленно после прибытия. В письме же к С. Г. Волконской от 26 июня 1827 г. она датирует это первое свидание 12 февраля. Получается некоторая несообразность, потому что из документов мы знаем, что Волконская приехала к Бурнашову 8 февраля; она заявила ему о своем желании «делить участь мужа своего» в месте «его содержания», дала требуемое обязательство и получила разрешение Бурнашова отправиться в Благодатский рудник; в «Записках» же она рассказала, что Бурнашов сам повез ее в Благодатск утром на другой день, т.-е. 9 февраля. Тогда между прибытием Волконской в Благодатск и ее первым свиданием с мужем прошло несколько дней, что не соответствует ни рассказу ее записок, ни ее характеру. Не правильнее ли заподозрить дату письма? Что касается Трубецкой, она ранее выехала от Бур-

нашова и, повидимому, приехала в Благодатск несколько ранее Волконской,—вероятно, еще 8 числа. Поселились княгини, действительно, вместе, как это запомнил Оболенский. Волконской это первое свидание припоминалось, повидимому, в значительной мере не так, как его изобразил Оболенский: ни слова о «смене» Волконскою Трубецкой и необходимо ей предшествующем томительном ожидании. Впрочем, ее молчанием нельзя опорачивать повести Оболенского, ибо, ежели рассказу Волконской верить, она в момент встречи с мужем была полна высокого и мучительного пафоса совершенного тяжелого долга. Им исполненная, она склонилась к ногам мужа и целовала сковывавшие их цепи... Вот почему в ее припоминаниях об этом первом свидании с мужем могло не оказаться места Трубецкой, даже ежели та была невольно повинна в задержке этого свидания: ведь Волконская была вся в себе, в своей радостной и гордой муке исполненного наперекор всему трудного долга, этою мукою охваченная и вознесенная, и эту свою высокую настроенность она со всею страстностью переносила в мужа и видела в нем... Трубецкой в таких припоминаниях места не было [1]).

В благодарной памяти Оболенского сохранилась светлая работа этих женщин. Он очень удачно в коротком выражении подвел ей итог: «с их прибытием у нас составилась семья», и описал их нежную материнскую внимательность к часто еще так недавно совершенно чужим и далеким людям. «То, что сердце женское угадывает по инстинкту любви, этого источника всего высокого, было ими угадано и исполнено». Они и шили заключенным «то, что им казалось необходимым», и покупали для них в лавках «остальное», и приготовляли для заключенных «импровизированные блюда» и простой хлеб, и даже устроили им «связь... с родными, с близкими сердцу»... «Но как исчислить,—восклицает Оболенский,—все то, чем мы им обязаны в продолжение стольких лет, которые ими посвящены были попечению о своих мужьях,—а вместе с ними и об нас!». И согласно с Оболенским Волконская в своих воспоминаниях говорит про свой и Трубецкой приезд в Благодатск, что он «принес много пользы заключенным», и конкретно указывает на организацию ими переписки заключенных и доставки им «посылок», на готовку для них обеда и чинку им белья. И пусть многое в этих заботах было внешне неудачно: хлеб перепечен, а «импровизированное блюдо» носило явные следы полнейшей неопытности на кухне—их добрая внутренняя сущность оставалась и от практической неудачливости начинающей хозяйки получала особую интимную прелесть... Старый и добрый знакомый Трубецких, Оболенский, сам пользовался, видимо давно, заслуженным вниманием «Катерины Ивановны»: как трогателен его

---

[1]) «Общественные движения», I, ряд стр. М. Н. Волконская, стр. 46; «Русские Пропилеи», I, М. 1915 г., стр. 29. О письме Трубецкого в ст. «Декабристы в Благодатске».

рассказ о лентах, споротых княгинею с своих ботинок, на «шапочку из тафты» ему «для работы под землею, где шапочка оберегала» бы его «голову от руды, коею наполнялись волосы при каждом сотрясении от ударов молотом» [1]).

Свидания были разрешены женам только с мужьями. Естественно было их стремление видеть и других, в числе которых были и старые знакомые (Оболенский для Трубецкой) и родные (Давыдов для Волконской). Оболенский рассказывает о тех особых свиданиях, которые жены устраивали себе «в те дни», когда им «не позволено было иметь личного свидания с мужьями».

В эти «свидания» они видели и товарищей мужей. «В первом или во втором часу» дня они подходили к казарме; «им выносили два стула; они садились против единственного окна нашего чулана— тут проводили час и более в немой беседе с мужьями. Иногда они приходили вместе; иногда каждая назначала себе час свидания и приходила отдельно. Мороз доходил до 20-ти градусов; закутанные в шубах, они сидели, доколе мороз не леденил их членов». Эти свидания несколько иначе описаны у Волконской: «Нашим любимым препровождением времени было сидеть на камне против окна тюрьмы; я оттуда разговаривала с мужем и довольно громко, так как расстояние было значительное». Здесь камень заменяет стулья Оболенского и громкий разговор его молчаливую беседу. Надо думать, что действительность давала и то и другое: зимою сидели на стульях, а летом на камне; спокойная Трубецкая вела немой, а живая Волконская охотно заводила громкий разговор. Как-раз Оболенскому в этом месте рассказа ближе зима, чем лето, и везде и всегда ближе Трубецкая, чем Волконская... Они придумали и другие встречи: когда работы преступников были сосредоточены наверху, Волконская и Трубецкая, видимо, приходили к месту их работ. Оболенский, рассказывая о большей, чем работы под землею, тягости этих надземных работ, вспоминал «утешения от... попечительниц, которые не раз были свидетельницами... трудов и дружеской беседой облегчали их тяжесть».

Волконская, которая была настойчивее и порывистее Трубецкой, сумела иметь вопреки правил 2 свидания не с мужем,—правда, одно из них было задумано именно с тем, чтобы видеть мужа, и притом в совершенно особенной и безусловно запретной обстановке. На другой день после приезда в Благодатск она спустилась в рудник и отыскала в нем партию государственных преступников за работою. Однако мужа в их числе она не нашла. То была чрезвычайно эффектная, совершенно в ее духе, проделка: ее «сошествие во ад», как, ею любуясь, шутили... Другая встреча была, с надлежащего разрешения Бурнашова, с ее дядею Давыдовым; любопытно, что Бурнашов позво-

---

[1]) «Общественные движения», I, стр. 271—73. М. Н. Волконская, стр. 50 и 52.

лил это свидание совершенно вопреки правил. Он, видимо, очень колебался и страшился последствий, давая на него разрешение. Это настроение Бурнашова отразилось и на сроке свидания: сначала он написал приставленному к декабристам горному офицеру Рику о дозволении свидания на один час, а потом уменьшил его срок до получаса. При этом Бурнашов прямо предписывал: «Более же такого свидания уже не дозволять». Итти оно должно было с соблюдением всех предосторожностей, установленных для свиданий с мужьями. О своем самоуправстве Бурнашов уведомил Лепарского. Это свидание с дядею состоялось через день-два после свидания с мужем. Помнила же Волконская о дяде всегда. В первое же свидание с мужем, зная, что дядя находится за деревянною перегородкою, она нарочно «возвысила голос, чтобы он мог... слышать, и сообщила известия об его жене и детях...» [1]).

Что касается легальных свиданий жен с мужьями, то первоначально они были Бурнашовым определены два раза в неделю. Небольшое расширение права свиданий дал Лепарский, приехавший в Благодатск приблизительно в одни дни с «княгинями» или немного позже их. Уже 6 февраля он предоставил Трубецкому свидания с женою через два дня на третий, сроком на 3 часа, в особом помещении и в присутствии полицейского чиновника, что 9 было распространено и на Волконскую. Тогда же Лепарский дозволил свидания женам других преступников с их мужьями, «естьли явятся» и «получат особое повеление» от Бурнашова. Но при этом строго предписал, чтобы при таких свиданиях не присутствовали, кроме мужей, другие государственные преступники, коим и вообще распорядился «не дозволять свидания с чужими женами». Разговор во время свидания Лепарский разрешил исключительно на русском языке. Но при всех этих стеснениях права свиданий Лепарский, как это у него всегда бывало, провел существенную льготу: предоставил преступнику, которому оно предстоит, не ходить в день свидания на работу. В рапортах о преступниках мы иногда встречаем отметки о Трубецком и Волконском, что они по случаю свидания с женами не выходили на работу. Так, Резанов в своих рапортах от 23 марта и 1 апреля доносил, что 17, 20, 23, 26 и 29 числа Трубецкой и Волконский «с женами их имели свидание». Оболенский рассказывает, что впоследствии свидания были из казармы перенесены на квартиру княгинь, куда мужей «провожал конвойный, который становился на часы во все время свидания». К своим припоминаниям Оболенский добавляет, что «это изменение весьма было приятно для... дам»; чувствуется, что его память сохранила иные ощущения товарищей мужей от этой перемены в месте свидания, ибо эта перемена выкидывала из их однообразной казарменной жизни несколько разнообразных ее штри-

---

[1]) «Общественные движения», I, стр. 272 и 278. М. Н. Волконская, стр. 46, 48 и 50. Архив III отделен., 1826 г., д. № 61, ч. 5, док. № 33 и 34.

хов... Относится ли, однако, эта перемена к Благодатску? Вопрос возникает оттого, что внимательный к частностям рассказ Волконской не сохранил для Благодатска об этой перемене никаких воспоминаний,—меж тем, как для Читы такие припоминания в нем есть... Не изменила ли память Оболенскому?..

Одновременно с организацией свиданий Лепарский установил общие для жен правила: в их основе лежит обязательство жены, за скрепою двух свидетелей в офицерских классах «и сверх того самого Бурнашова, в том, что она будет точно исполнять» предложенные... г. комендантом статьи «под угрозою суждения по законам» касательно свиданий, передач, переписки, распоряжения вещами, расходования денег, пользования наемным трудом и перемены места жительства» [1]).

Вместе с этим Лепарский разрешил женам снабжать мужей «бельем и всякими с'естными припасами, кроме хмельных напитков», подчеркнув при этом, чтобы «припасы им доставлялись целостно», но не через слуг жен преступников, а через караульных и с обязательным осмотром того же полицейского чиновника [2]).

Жены, конечно, доставили администрации хлопоты. Волконская сама рассказала о некоторых из тех столкновений, которые у нее были с Бурнашовым. Они, видимо, кончались совершенно благополучно, даже без какого-либо осадка на сердце у Бурнашова против нее, как это сама Волконская и рассказывает: ее молодость, прямодушие и горячность сделали так, что конфликты с Бурнашовым, может быть, иногда и бурно протекали, но без всякого следа. Тяжелее складывались отношения Бурнашова с Трубецкой, которая была не только старше Волконской, но и сдержаннее и умнее ее. Волконская, которая, как кажется, в конце-концов не очень любила свою «Каташу», хотя и понимала ее умственное над собою превосходство, передает отзыв о ней Бурнашова, полный осадка его тяжелых ощущений от деловых встреч с нею: «всегда хитрит со мной», и, признавая правильность этого его отзыва, добавляет: «у Каташи был очень тонкий ум» [3]). Но как-то и у них без конфликтов улаживалось дело,—хотя все-таки Бурнашов долго, ежели не до конца, не оставлял своих подозрений по части полноты политической лойяльности обоих княгинь.

Что же в основе этих столкновений лежало? Повидимому, с одной стороны, финансовая подотчетность княгинь Бурнашову, а с другой—их сношения с каторжниками и вообще заводским населением, представлявшиеся Бурнашову опасными. Да и вообще соблюдение ими правил, на которых они были допущены к мужьям, конечно,

---

[1]) «Общественные движения», I, стр. 272; Арх. III отд., 1826; д. № 61, ч. 5, прил., д. № 24, 25, 26; рапорты в том же приложении: М. Н. Волконская, стр. 76.

[2]) Арх. III отд., 1826 г., д. 61, ч. 5, прил. д. № 24.

[3]) М. Н. Волконская, стр. 54, 56.

не было полным. К сожалению, здесь мы знаем чрезвычайно немного. Поэтому всякий штрих в картине нарушений имеет цену. Волконская, например, рассказывает, что, когда она была в Москве, «родственники сосланных... принесли» ей «письма для них». В свое «сошествие во ад» она передала эти письма сосланным. Это было несомненным и крупным нарушением общего распорядка жизни сосланных. Меж тем документы—и это особенно интересно—показывают, что Волконская пред'явила Бурнашову три письма: два мужу и одно к Давыдову. Она пред'явила письма, против привоза которых, по ее отношениям к адресатам, не могло быть никаких возражений, и не показала писем к посторонним лицам. Может быть, она и письма к мужу и, особенно, дяде показала не все, а лишь те, пред'явление которых не было опасно?

С этим было бы любопытно поставить в связь неразрешимое противоречие между рассказом Волконской и данными документов. Волконская говорит, что «привезла с собою «в Благодатск» всего 700 рублей ассигнациями». По словам документов, она сообщила Бурнашову, что денег при ней всего 250 рублей. Что здесь? ошибка памяти в воспоминаниях, или намеренное искажение истины в официальной беседе с Бурнашовым? [1]).

Но здесь же возникает еще один общий вопрос. Инструкция Лавинскому предписывала отобрать у жен «все имеющиеся у них деньги, драгоценные вещи, серебро и прочее». Суровый пункт инструкции заключается словами: «Впрочем, прогоны на проезд до Нерчинска выдать им из числа собственных денег». Может быть, этот пункт уже открывал некоторые лазейки в пользу жен, позволяя расширительно толковать подлежащие выдаче «из числа собственных их денег» «прогоны». Во всяком случае документы показывают, что Волконская при свидании с Бурнашовым об'явила при себе 250 рублей своих денег и что Бурнашов, в виду того, что денег при ней мало, а ее вещи—очевидно, Цейдлер отобрал не все—«с ее человеком» остались в Читинском остроге, по ее просьбе, предписал приставу Читинского острога Смольянинову отправить их в Нерчинский завод, с тем, чтобы их список Волконская представила Лепарскому. Очевидно, Лавинский или, вернее, Цейдлер не применили инструкцию о женах к ним во всей ее зловещей строгости. А Бурнашов, как это ни странно может показаться, проявил по отношению к Волконской даже некоторую заботливость. Сказанное отношение Лавинского и Цейдлера к инструкции можно проследить еще на одном примере. Инструкция совершенно определенно не пропускала за женами в Нерчинский край более, чем одного крепостного, меж тем та же Волконская привезла с собою, видимо, двух: «девушку» и «человека» [2]).

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 30, 50, 54, 56. Архив III отд., 1826 г., д. № 61, ч. 5, прил., док. № 27.

[2]) «Жены декабристов», стр. 13. М. Н. Волконская, стр. 38, 52, 54, 64.

Надо думать, что все эти отступления властей от инструкции были для княгинь большою неожиданностью. Но их жизнь «среди людей, принадлежащих к последнему разряду человечества», дала им, повидимому, другие—совершенно неожиданные ощущения. Конечно, в счастливой домашней обстановке они или мало думали об «этих людях», или имели о них совершенно превратное представление. Когда они, особенно это надо сказать о Трубецкой, пробивали себе дорогу к мужьям через упорство Цейдлера, ему свыше предписанное в самых решительных выражениях, им довелось услышать от него об «этих людях» очень много страшных слов. Общее направление речей Цейдлера о них, по официальному предписанию, должно было быть таким: следуя за мужьями, жены направляются «в места, населенные людьми, на всякие преступления готовыми», и поэтому «при провозе с собою денег и вещей» могут подвергнуться... опасным происшествиям». Это был minimum правительственной программы речей Цейдлера. Подавая ему эту программу, правительство верило, что он разовьет каждый ее пункт и не откажет в доводах сверх предусмотренных программою пунктов. И Цейдлер надежды правительства оправдал. Он устроил Трубецкой такой кошмар, которого сам не выдержал: заплакал. В этом кошмаре мотив об «этих людях» был разработан Цейдлером, повидимому, очень старательно. Тем более так можно думать, что и подписка, которую Цейдлер заставлял давать жен декабристов, включала в себя сюжет об «этих людях» в, так сказать, расширительном толковании: «начальство не в состоянии будет защищать ее от ежечасных, могущих быть оскорблений от людей самого развратного, презрительного класса, которые найдут как будто некоторое право считать жену государственного преступника, несущего равную с ними участь, себе подобною», «как жену ссыльного каторжного; оскорбления могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания». Текст сам по себе угрожающий. Но он становится еще более грозным, ежели его с полотна бумаги перенести на живую речь; тогда сопровождаемый игрою интонаций, примерами из окружающего быта и прямыми запугиваниями, он должен устрашать. Волконская вспоминала, как ей грозили, что каторжники ее убьют [1]). И оказалось, что «закоренелые злодеи» совсем не страшны двум слабым женщинам. Даже более того, они оказались просто «несчастными», в потенции «добрыми отцами семьи» и «честными людьми». И они сумели уловить моральную и политическую сторону дела преступников и их жен.

Эти неожиданные впечатления, разрушившие нагроможденные Цейдлером преграды, были, конечно, в высокой степени благотворны. Даже чуждая душевной мягкости Волконская передавала их задушевным тоном и с трогательными подробностями.

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 36, 38, 48.

Присматриваясь к труду и жизни «этих людей», княгини видели их угнетающую бедность и с трудом переносимую тяжесть. Для многих из них впереди не было никакого просвета, и жизнь в будущем, как и в настоящем, расстилалась ровною дорогою страданий. Не мудрено, что они стремились бежать. Лесистость окрестности, с которою так усердно боролось начальство, поддерживала планы бегства.

Надо добавить, что рудник стоял весьма недалеко от китайской границы: всего «по прямому пути только в 12 верстах». И Волконская рассказывает, как, «делая большие прогулки», «доставляла себе удовольствие в'езжать в Китай» [1]). Лесистость округи, так безжалостно нарушаемая начальством завода, и соблазнительная близость границы помогали измученным тяжестью каторжного труда невольным вечным и срочным обитателям рудников уходить из изнуряющей атмосферы каторжных быта и работы на широкий, хотя и не всегда обеспеченный, простор вольной, но совершенно внезаконной жизни. Не всем им удавалась эта вольная жизнь. И рогатки к их уходу в нее были поставлены самые решительные,—и не только заводским начальством в виде системы внимательного надзора и строгой охраны, но и для длинного ряда месяцев самою суровою сибирскою природою, ибо, «не имея ни шубы, ни сапог, они (т-е. каторжники) не могли зимою отваживаться на побег». Особенно стремились убежать «несчастные бессемейные каторжники, жившие в общей казарме». «Когда начиналась оттепель», «ими овладевало неотразимое желание бежать»; «они садились часто у порога тюрьмы и глядели в даль»... И действительно, «весною... большая часть их убегала»... Они, конечно, бежали в Россию, но лишь «некоторые из них доходили до России». Вероятно, не все, кто бегал и был пойман, но лишь те, кто неудачно бегал несколько раз, или, еще у́же: те, кто не только несколько раз бегал, но и «совершил» в своей отлучке «грабежи»,—по тексту Волконской здесь не все ясно,—«содержались» в другой тюрьме и с некоторым отягчением быта и работы: «их кандалы были гораздо тяжелее и работы труднее». В их среде был «своего рода герой»—«известный разбойник Орлов», о котором с своеобразным уважением вспоминают и Волконская и Оболенский. Первой он представлялся как бы носителем идеи социальной справедливости: «он никогда не нападал на людей бедных, а только на купцов и в особенности на чиновников; он даже доставил себе удовольствие некоторых из них высечь». Население этой тюрьмы и многочисленные беглецы из этой и обычных тюрем являлись для заводской и тюремной администрации тяжелым и даже страшным элементом. Понятно, что в случае каких бы то ни было осложнений она в этой среде встретила бы и хорошо осведомленных и беспощадных врагов. А эти осложнения порою бывали: так, от'езд государственных преступников

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 56.

из Благодатска затормозился из-за того, что «каторжники, шедшие из России, взбунтовались и занялись грабежом», отчего и «дороги стали ненадежны», и с переездом пришлось «не спешить». В данном случае Бурнашов, как сообщает Волконская, «вообразил, что наши могут присоединиться к этим преступникам». Не совсем ясно сказал это Волконской сам Бурнашов, или она слыхала от других про такие его речи, или же сама решила, что он так думает. Но докатись возмущение до Благодатска или вспыхни в его районе, оно, весьма возможно, нашло бы себе поддержку рассеянных вокруг рудника беглых и в тюрьме—Орлова. И из других разговоров Бурнашова с Волконской ясно, как он боялся возмущения каторжных. Едва ли в его голове не бродила первое время мысль, что княгини приехали не только делить печальную участь мужей, но и ее коренным образом, насильственно «подняв каторжных», изменить. Вот отчего он рассердился не на шутку, когда Волконская вздумала одеть «полуголых людей»—каторжников, которые «выходили из тюрьмы... за водой или за дровами... без рубашек или в одном необходимом белье». Он видел уважение, которым были окружены княгини; он знал об уважении, с которым каторжный мир рудника относился к своим «господам» или «князьям». И он боялся, что «княгини» подымут каторжных для освобождения «князей». Он даже прямо говорил Волконской, как бы предупреждая, что понял ее план: «Вы хотите поднять каторжников». Повидимому, он говорил это часто. По крайней мере, Волконская упоминает про эти его слова, как про обычные. Как бы укрепились в Бурнашове его мрачные подозрения и предчувствия, ежели бы он узнал, что «княгиня» Волконская посылала и давала сама деньги неутомимому Орлову, поддерживая его на свободе и в разбойных делах! И ежели бы он знал, как свято до самооклеветания берегли разбойники эту тайну княгини Волконской! Она сама понимала их отношение к себе в этом случае, как «чувства благодарности и преданности». Конечно, это было безмерно бо̀льшим. Люди деревни и рудника знали, за что попали на каторгу «секретные», относились к ним с уважением и с таковым же, ежели не с бо̀льшим, к их женам. Волконская знала про это чувство уважения к себе и «Каташе»: сама рассказывала, что каторжные обоих их «просто обожали». И, несмотря на это, сузила чувство, которым разбойники в отношении к ней, ее спасая, руководились, до только «благодарности и преданности», забыв про их уважение и обожание, о которых за немного страниц говорила. А между тем надо думать, что сознанию «разбойников» «княгини» представлялись как носительницы высших начал социальной справедливости, как героини не только супружеского долга и женской любви, но и высшего политического долга и высшей общечеловеческой любви... и наоборот, «княгиням», кажется, героем социального порядка рисовался «разбойник» Орлов... Здесь была взаимная симпатия и взаимная на ее основе высокая моральна́я и социальная оценка,—и Бурнашову, поэтому, по-

сколько он мог догадываться и видеть, пожалуй, и было чего бояться... Конечно, «княгини» никогда не «подняли» бы «каторжников» — и в этом отношении Бурнашов мог бы пребывать совершенно спокойным. Но слагались такие отношения, при которых можно было опасаться, что ежели бы «княгини» попросили «каторжников» помочь «князьям» бежать или укрыться, те в меру возможности для себя оказали бы им всяческое содействие. И Бурнашов боялся. И так как он по глубокому своеобразию преступников и необычайности их положения был, вообще говоря, склонен преувеличивать их значительность и открывающиеся для них возможности, он боялся более, чем следовало, симпатий, которые на его глазах прочно устанавливались между «князьями» и «княгинями», с одной стороны, и «каторжниками» и, пожалуй, также заводскими крестьянами, с другой [1]).

Вероятно, именно в целях наблюдения за складывающимися отношениями «княгинь» с рудником и деревней Бурнашов, главным образом, и организовал свой шпионаж. К сожалению, мы очень мало об этом осведомлены, да и то географически из совсем другой среды. Волконская рассказывает, что Бурнашов в Большом заводе приказал им «всегда останавливаться» у одного купца, «в виду того, что он был доносчиком Бурнашова». Конечно, это был не единственный его «доносчик», но о других доносчиках и в других местах—особенно в Благодатское—мы не знаем. В этой же своей столице Большом заводе Бурнашов, видимо, решил не допустить княгинь ни до каких отношений или связей с населением. Он запретил населению завода «не только видеться, но и здороваться» с ними; «все, кого» они «встречали, сворачивали в другую сторону или отворачивались». Волконская «не могла воспользоваться» «кредитивом поверенного», «потому что всякий побоялся бы навлечь на себя неприятность, вступив» с нею «в какое-либо отношение», и в конце-концов «уничтожила» кредитив [2]). Княгини были на заводе как бы зачумленными... Так, махнув до некоторой степени рукой на Благодатск, где княгини окончательно и прочно укоренились, он защищал свою столицу от всякой заразы, которую они несли, и всякой опасности, которую они представляли собою... Ее он защищал и рядом запретительных мер и шпионажем.

Таким образом, опасения, которые Цейдлер развивал княгиням насчет их личной и имущественной безопасности, оказались совершенно несоответствующими действительности. Можно думать, что он и сам их почитал таковыми. В этом смысле любопытно сопоставление, сделанное П. Е. Щеголевым, этих страхов и запугиваний Цейдлера с его же категорическим заявлением в обратном смысле, сделанным всего через 5 лет в письме к родителям Н. Д. Фонвизиной Апухтиным, где он, между прочим, говорит относительно разбойников, о которых

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 52, 54, 60, 62, 64, 68.
[2]) М. Н. Волконская, стр. 64, 66. «Русские Пропилеи» I, стр. 35.

Фонвизина писала своим: «Ужасы, описываемые в письме к Вам, доказывают только болезненное состояние Натальи Дмитриевны: край Забайкальский спокойный, и злодейств, описываемых ею, никогда не бывает» [1]). Но в одном отношении—и, видимо, как для Цейдлера, так и для авторов данных ему распоряжений совершенно неожиданном—его опасения оказались справедливыми.... Дело в том, что подписки, отобранные от жен, переводили их на положение «жен ссыльно-каторжных» со всеми теми ограничениями, которые этому состоянию были свойственны, а своим заключительным, 4, § уничтожали при от'езде в Нерчинский край их право на крепостных людей, с ними прибывших: «от'ездом в Нерчинский край уничтожается право на крепостных людей, с ними прибывших». Эта подписка не осталась тайною для крепостных: Волконская сама рассказывает, как ее «человек» прочитал бумагу и со слезами на глазах говорил: «Княгиня, что Вы сделали? прочтите же, что они от Вас требуют!» [2]). Более того, инструкция Лавинскому гласила: «Из крепостных людей, с ними прибывших, дозволить следовать за каждою только по одному человеку, но и то из числа тех, которые добровольно на сие согласятся и дадут подписки собственноручные или, за неумением грамоты, личные показания в полном присутствии губернского правления. Остальным же предоставить возвратиться в Россию и снабдить их пропускными» [3]). Таким образом, повидимому, основное существо происшедшей с княгинями перемены, даже ежели бы они облекли тайною от крепостных глаз подписку и те последствия, которые для их крепостных людей проистекают из существа совершившейся перемены, не могло остаться неизвестным их крепостным: ведь они должны были стать участниками не лишенного эффекта обряда и слышать из начальственных уст совсем необычные речи. Немудрено, что, попав после всего этого в Благодатск, крепостные девушки обоих княгинь «стали очень упрямиться, не хотели ни в чем помогать» и, выбившись из подчинения им, «начали себя дурно вести, сходясь с тюремными унтер-офицерами и казаками». Повидимому, начались недоразумения. Волконская не на стороне этих девушек; о своей, в частности, она сохранила очень мрачные воспоминания, а перед

---

[1]) «Жены декабристов», стр. 14—15.
[2]) М. Н. Волконская, стр. 38.
[3]) «Жены декабристов». стр. 13; отношения к этим крепостным радикально меняются: они оказываются в услужении у тех самых лиц, собственностью которых они были. Так, Волконская платит своей девушке 25 руб. в месяц, «не считая одежды и белья» и, конечно, стола. Она просит свекровь уплатить девушке за два-три месяца дороги (потом оказалось, что дорога длилась долее). Волконские оплачивают девушке и «издержки—... по проезду до Иркутска», откуда в свое время девушка согласилась ехать на каторгу. Далее она, видимо, едет на казенный счет. Что девушка—крепостная Волконских, ранее, вероятно, Сергея, видно из его просьбы к матери «помочь ей получить вольную». «Русские Пропилеи», I, стр. 34 и 35.

отсылкою их на родину писала о своей домой, что она «не годится для здешних мест». Повидимому, девушка высказывала недовольство, что ее завезли в Сибирь. Тогда «начальство вмешалось и потребовало их удаления» [1]). Так неожиданно сбылись опасения Цейдлера совсем не там, где он их локализировал. Но, конечно, именно здесь, где они сбылись, в узле крепостных отношений, им, пожалуй, и было единственное место сбываться.—И вместе с тем княгини остались без услуг и были вне возможности, при общей линии Бурнашова, нанять себе прислугу.

Волконская хорошо запомнила то состояние, с которым и она с Трубецкой, и мужчины провожали от'езжающих девушек. То было состояние большой грусти, навеваемой страхом, что собственное положение совершенно безнадежно: «Этот путь закрыт для меня»,—вот мысль, которая была у всех в сознании, когда от'езжала телега девушек. Конечно, у заключенных и у жен было—и временами в подходящей обстановке до боли обнаруживалось—ощущение совершенной и непоправимой безнадежности положения. Правда, они навевали себе надежды и жили ими. Но общий тон их жизни—безнадежность, по крайней мере для близкого, охватимого глазом расчета времени. Надо к тому же сказать, что жены в отношении самих себя не соблюдали осторожности и, действуя, видимо, по линии наименьшего сопротивления, только увеличивали в себе грусть безнадежности. Так, вначале они не сумели подыскать себе более удачного места для прогулок, чем деревенское кладбище. Грусть исходила на них там с каждой могилы, и они с тоскою «спрашивали друг друга»: «Здесь ли нас похоронят?».... «Но эта мысль была так безотрадна», что они «перестали ходить в эту сторону». При этом надо сказать, что, ежели Волконской верить, они не упали духом, как ни тяжело им было поддерживать бодрость. Внешним показателем бодрости в них было то, что они «всегда одевались опрятно», стремясь не «распускаться» в одежде. В этом их поддерживала не только годами вскормленная потребность, но и опытом навеянная практическая мысль: их одежда открывала, кто они, а это значило очень много; зная, кто они, их «узнавали издали», к ним «подходили с почтением», «кланялись» и т. д. Практически, в смысле житейском, это, конечно, вело к разным услугам со стороны местного населения в их пользу. Порою всегдашняя бодрость переходила в редкое веселье; так, Волконская рассказывает далее, что ей случалось бывать в Бла-

---

[1]) Впрочем, документы говорят, что княгини сами «об'явили... желание» отправить своих служанок в Россию «к своим родным». Или, может быть, это только внешнее, наименее обидное для княгинь, выражение факта начальственного устранения девушек? Бумага Лепарского Бурнашову о «желании» княгинь датирована 21-ым августа... М. Н. Волконская, 30, 32, 42 и 52. Архив III отд., 1826 г., д. № 61, ч. 5, прил., док. № 59. В переписке Волконской тоже не упомянуто о вмешательстве начальства. «Русские Пропилеи», I, стр. 34.

годатске «веселой». Такой, по ее словам, она ездила к Бурнашову в тот самый раз, когда он на нее обрушился за то, что она одела «полуголых людей на улице» [1]).

В удовлетворении своих религиозных потребностей княгини были, конечно, счастливее своих мужей и их товарищей, ибо имели возможность передвижения. Так, когда в великий пост заключенные «не могли добиться священника», княгини «решили поехать в Большой завод, чтобы там говеть». Пришлось просить на это разрешение у Бурнашова. 14-го февраля, во вторник первой недели поста, Трубецкая писала Бурнашову:—«Так как у нас завтра первая обедня преждеосвященная, я очень желаю с'ездить в церковь, в Большой завод. Сделайте одолжение, пришлите мне на то разрешение и, буде возможно, с сим же посланным». Ответ Бурнашова не сохранился, но 16-го февраля он дал согласие на такую же просьбу Волконской. «Говение заняло» у них «четыре дня». Ежели княгини говели, действительно, на первой неделе поста, Волконская, пожалуй, вычислила дни говения для себя не совсем верно, потому что, начав говение в лучшем случае в четверг и кончив его, как это обычно бывает, причащением в субботу, она могла говеть лишь три дня. Но для Трубецкой, которая говела, вероятно, со среды, расчет Волконской верен.—Любопытно, что они обращались к Бурнашову за разрешением посетить церковь. Не было ли это вызвано тем, что они еще только приехали и на практике об'ем безусловно дозволенного для них еще не определился? Далее таких и подобных обращений с их стороны к Бурнашову не заметно [2]).

Что касается праздников, то княгини «провели» их «грустно»: «единственным нашим развлечением было сидеть на камне против тюрьмы». К тому же свидания на первый день праздников не дали,—дали на второй. Волконская вспоминала впоследствии свои игры в эти дни с деревенскими детьми, свои рассказы им из священной истории, их восторженное внимание. Запомнила она пьяный визит почтмейстера и его такое настойчивое желание христосоваться, что нельзя было от него отделаться одним уклончивым отказом со ссылкою, что «в России это не принято», а пришлось проделать, «загородившись стулом», целое отступление и, «влача... за собою» стул, дойти до двери, за которою был «человек», и открыть ее, вызывая этим его на подкрепление из глубокого тыла. «Вошел.... человек», но в это время более находчивая «Каташа» сумела уже устранить грозящую опасность христосоваться с «совершенно пьяным» человеком и заняла его каким-то разговором. «Человек» оказался еще более находчивым: он сказал почтмейстеру, что «у начальника тюрьмы идет завтрак». Почтмейстер, оценив упорство молодых дам и силы

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 52, 54.

[2]) М. Н. Волконская, стр. 64. Арх. III отд., 1826 г., д. № 61, ч. 5, прил., д. №№ 28 и 29.

пришедшего им на подмогу «человека», и в то же время «не видя ничего» у них «на столе», отступил, повидимому, на пути, ведущие к начальнику тюрьмы. Это комическое происшествие имело продолжение, смутившее находчивую «Каташу». На другой день после обедни она зашла к большезаводскому купцу, у которого, как «доносчика Бурнашова», княгини должны были «останавливаться», когда наезжали в столицу Бурнашова. Там оказался званый обед, от которого было невозможно без тяжелой обиды для хозяев отказаться. Смущенная «Каташа» села за стол рядом с вчерашним неудачливым визитером, любителем завтракать и христосоваться. «Чтобы скрыть свое смущение», она «заговорила» с ним, сказав: «мы—старые знакомые, не правда ли?». Но почтмейстер оказался трезв и чрезвычайно рассудителен, поэтому его ответ совсем смутил «Каташу»: «нисколько», проговорил он, «потому что я был у Вас в пьяном виде». Бедная «Каташа», видимо, боялась после такого ответа говорить и с ним и с другими; поговорив за обедом с одною хозяйкою, от которой нельзя было ждать никакой грубости или неудобства, она тотчас после обеда уехала» [1]).

В числе тех жертв, которые своим от'ездом за мужьями принесли княгини, был и почти полный отказ от привычных по прежней жизни развлечений. Приходилось пользоваться тем, что давала природа и окружающее. В Благодатском было легче всего гулять. И, повидимому, княгини довольно много гуляли. Сперва их местом прогулок было кладбище; потом тоскливое настроение, которое кладбище навевало, заставило их избрать для прогулок другое место, а вместе с тем они стали вместо малых делать с наступлением лета большие прогулки—верст от 10 до 15 пешком. Некоторое развлечение доставляли, конечно, поездки к Бурнашову и за провизией, иногда эти поездки делались верхом,—по крайней мере, так ездила Волконская. Эти поездки вскоре тоже стали делаться на большее расстояние, и та же Волконская не могла отказать себе в удовольствии ездить по временам в соседнее государство—Китай. Большое развлечение доставляли, конечно, недозволенные свидания с мужьями и их товарищами у окон казармы. Волконская говорит, что это было «любимым препровождением времени» ее и Трубецкой. Повидимому, каторжный мир возбудил к себе их внимание, и особенно со стороны вокальной. «Хор» Орлова из «товарищей по тюрьме», певавший «при заходе солнца» «с удивительною стройностью и выражением», Волконская очень хорошо запомнила, как и «чудный голос» самого Орлова, а из репертуара «одну песнь, полную глубокой грусти», которую они особенно часто повторяли: «Воля, воля дорогая».... Волконская рассказывает, что она «им помогала, насколько позволяли средства, и поощряла их пение, садясь у их грустного жилища». Вообще «вид страданий, которые терпят несчастные» окружающие

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 64, 66.

ее,—конечно, гл. об. каторжники,—«отвлекал ее от горя» сильнее всего другого, и в сущности, как она говорит, один только он. Такое же разнообразие, как сношения с каторжным миром, давали им связи с миром деревни,—особенно с детьми. Волконская живо вспоминала по частному случаю свои игры с ними и свои рассказы им из священной истории. Зато общение с местным чиновничеством и купечеством доставляло мало удовольствия княгиням,—тем более, что гостеприимство было главным качеством сибиряков, и поэтому было невозможно отказываться от участия в их трапезе, а эта трапеза, особенно торжественная, протекала в малоинтересной среде. Прекрасной иллюстрацией трапез и трапезничающей чиновнической и купеческой среды может служить пасхальный званый обед у того большезаводского купца, который был доносчиком Бурнашова, и, как таковой, видимо, присматривал за княгинями [1]).

Впрочем, не надо думать, что они имели много свободного времени для этих развлечений,—особенно после от'езда их «девушек», правда, все же довольно позднего: ведь хозяйство и обслуживание мужей и их товарищей занимало, конечно, у них очень много времени,—тем более, что тайны хозяйства, как это картинно изобразил Оболенский, им были плохо известны. Пожалуй, эта некоторая загруженность заботами была для них даже благодетельной, ибо невозможность полностью отдать себя заботе о физически слабых и душевно изнемогающих мужьях, как мы это по письмам Волконской знаем, для нее. была мучительна. В самом деле, для чего же были сделаны 8000 верст? В духовном мире Волконской, в том пафосе героини, которым она живет, надо отметить эту муку несбывшейся полноты подлинного и действительного сострадания [2]).

Надо удивляться той бодрости и свежести духа, которую сумели в трудных условиях Благодатска сохранить княгини. Надо удивляться тому реальному добру, которое в эти тяжелые месяцы они сумели сделать мужьям и их товарищам. И особенно, принимая во внимание их оторванность от своих семей, от своего круга, от привычного быта барской крепостной России, от всего, с чем была связана их былая жизнь. Им было безмерно трудно в новых, благодатских условиях. Для Волконской эта тяжесть благодатского быта усугублялась тяжелыми отношениями с роднею мужа. Мучительно читать ее письма к этой родне. Чувствуется, как ломается хрусталь ее открытого гордого характера и тускнеет пламень ее горячего чувства. Жестокость и нечуткость, которые позже так в ней поражают, едва ли в значительной мере не идут от этих черствых семейных столкновений в переписке. Эти же своеобразные столкновения, вероятно всего более, более школы Бурнашова и тем паче Лепарского, научили ее ди-

---

[1]) М. Н. Волконская, стр. 52, 54, 56, 60, 62, 64, 66. «Русские Пропилеи», стр. 38 и др.

[2]) «Русские Пропилеи», I, стр. 5 и далее.

пломатической неискренности в переписке и делах. Невозможно разобраться в ее столкновениях и счетах с мужниной родней. Одно бесспорно: в них она была стороною слабейшей и обреченною итти на просьбы и умолять о соглашении... И ее письма полны этих просьб. Может странною казаться в них ее постоянная просьба к родне мужа—писать. И тем не менее ей именно с этой просьбою приходилось постоянно обращаться к мужниной родне... Что же здесь лежало в основе неаккуратности вольных корреспондентов? Кроме просьбы писать, с какими еще просьбами обращается Волконская к родне мужа? Она горячо просит о сыне; сквозь риторику официальных благодарностей и комплиментов чувствуется, что она не очень верит в заботы о сыне родных своего мужа. Ей хочется перекинуть его к своей родне, но недоверие, как мотив, приходится маскировать соображениями об ее обязанностях к своей, Раевской, семье: она этим мальчиком заменит себя в своей семье, от которой неожиданно так далеко и надолго, быть может, навеки, ушла по чувству долга к мужу и его семье. Сын и муж—это два полюса, меж которых она мечется в письмах к Волконским. И если она не верит в их заботы о сыне, то и они не верят в ее любовь к мужу. Как-то странно читать ее оправдания в упреках и доказательства большой любви к мужу. И, конечно, не то удивительно, что Волконские не очень ей верили,—они, может быть, имели к этому основание,—а то, что они не стеснялись не только давать ей это свое недоверие почувствовать, но и мужу сообщать свое недовольство ею,—напр., хотя бы тем, что она к нему так медленно едет.... Кто же из них—не то, чтобы сел в повозку и поехал к нему,—а хотя бы регулярно ему писал и деятельно заботился о нем в своем глубоком и безопасном тылу? Тяжелым пятном легли на память Волконских и те странные недоразумения в имущественных делах, о которых глухо говорит в одном из писем М. Н. и за которые она, прорвав сеть дипломатических конвенансов, так отчитала свою свекровь. И, может быть, еще более тяжелым пятном на них ложатся те сплетни, в которые своими письмами они увлекали сибирских изгнанников, и те упреки, которые им они посылали в какой-то опеке над собой... Опека «из глубины сибирских руд»...

Трудные и неискренние отношения вырисовываются из мути этих писем. И нельзя не удивляться молоденькой Волконской, как ловко она, сплавленная мужниною семьей в Сибирь, пытается наладить с этою семьей за ширмою влюбленных фраз какой-нибудь деловой контакт... Этот деловой контакт сводится к тому, что мужнина семья поддерживает душевное состояние С. Г. и создает материальные условия к тому, чтобы он вынес сибирскую каторгу. Это—во-первых. А во-вторых—передает взамен М. Н. ребенка Раевским. Волконские были, повидимому, категорически против второго, а что касается первого, как-то не сразу сумели наладить его материальную сторону и были, видимо, совсем непригодны вдохнуть бод-

рость в С. Г., поддержать его дух. А их глава—свекровь М. Н.—кажется, не отличалась ни тактом матери, ни добротою человека. Мелочность и бестактность, жесткость и невнимательность—и в других членах мужниной семьи. И невольно М. Н. говорит о мелочах, в роде роговых вилок и ложек мужу, да портеру для укрепления его сил; а ежели затрагивает большие вопросы, то в самой общей форме и под такою дипломатическою вуалью, покров которой лишает очертания скрытого всякой отчетливости....

А между тем М. Н. билась в безденежьи, приходила в уныние, а муж страдал от мысли, что в семье случилась новая беда и что семья его не любит и не прощает его греха... А в далеком от них Петербурге их вопли души принимались, как неизбежное, и с холодком глубокого тыла [1]).

Тяжела была эта благодатская жизнь. И немудрено, что княгини обрадовались, когда пришла весть от А. Муравьевой о предстоящем переезде в грандиозный концентрационный лагерь Лепарского. И действительно, с очень небольшою задержкою, вызванною непорядками на путях, где «взбунтовались» каторжные, их вместе с мужьями и их товарищами перекинули в лагерь [2]).

---

[1]) Письма в «Русских Пропилеях», I.

[2]) Эта статья была уже написана, когда автор получил возможность познакомиться с богатою содержанием статьею Б. Г. Кубалова «Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах». Автор очень сожалеет, что условия печатания лишили его всякой возможности использовать на страницах своей работы сибирские богатства названной статьи.

Л. Залкинд.

Из жизни декабристов братьев Бестужевых в г. Селенгинске Забайкальской области.

На высоком скалистом берегу р. Селенги, в устье «Бестужевской Пади» [1]), в пустынной местности против Старого Селенгинска, высятся каменные памятники, под которыми похоронены декабристы Николай Бестужев и Торсон. Здесь же похоронены и родственницы Бестужевых.

Пишущий эти строки жил в тех местах 40 лет назад, т.-е. в 80-х годах прошлого столетия, и был свидетелем того внимания и той любви, с которыми охранялись эти могилы местным населением, состоявшим почти исключительно из бурят. Это место считалось священным, и буряты подходили сюда с особым благоговением, свойственным восточным народам. Старик бурят Саран Джоржиев, которого я застал раз на могилах Бестужевых, сказал мне:

— Много хорошие люди, очень много были хорошие...

Он лично знал Бестужевых и очень много мне о них рассказывал. Во время рассказов у него загорались глаза, перехватывало дыхание, и он, плохо зная русский язык, часто указывал на своих бурханов [2]), что, мол, молиться нужно Бестужевым, как святым.

Такой же отзыв дал о Бестужевых старый купец Лушников, селенгинский старожил и бывший ученик их:

— Это были ангелы, слетевшие на землю, чтобы показать, чем человек может завоевать симпатии со стороны своих ближних...

Память о Бестужевых сохранилась в широких массах населения Селенгинского округа, как о людях замечательных, одаренных необыкновенными способностями, и вместе с тем добрых, отзывчивых, помогавших всем и каждому.

Почему же эти люди оставили по себе такую память? Что сделано ими для местного населения?

Во-первых, ими были открыты в г. Селенгинске ремесленные ма-

---

[1]) Падь—долина, окруженная горами.
[2]) Бурханы — идолы буддийские.

стерские (столярная и слесарно-кузнечная), в которых обучались ремеслам десятки подростков, главным образом, из бурят. Через эти мастерские проходило много сотен юношей, которые по выходе из мастерских делались самостоятельными мастерами. Во время моих скитаний по Селенгинскому округу я встречал во многих улусах [1]) кузнецов и других ремесленников, бывших учеников Бестужевых.

Устраивали Бестужевы также небольшие школы грамоты для бурятского населения. И что было совершенно невозможно в Европейской России под стальным режимом Николая I, то делалось в Сибири, где местные власти закрывали глаза и прикидывались ничего не знающими.

Селенгинские старожилы рассказывали, что братья Бестужевы были очень даровиты и искусны в разных ремеслах: великолепно исправляли часы, делали мелкие вещи из разных цветных металлов, и т. п.

Но главная заслуга Бестужевых в Селенгинском округе, это—их работы по улучшению местного земледелия. Во время моего пребывания в Селенгинске из нашей колонии политических ссыльных т.т. А. И. Дубровин и Ф. И. Кравченко занимались сельским хозяйством,—совершенно случайно,—на той самой заимке, которой прежде владели Бестужевы. Эта заимка находилась в 10—12 вер. от Селенгинска, в так-называемой «Бестужевской Пади». В окружавших заимку улусах среди бурятского населения сохранилась память о Бестужевых и о применявшихся ими способах обработки земли и ведения хозяйства. Бестужевы первые ввели здесь в употребление косы (по местному — «литовки»), которые они выписывали из-за границы в большом количестве и распространяли среди местного населения; до декабристов буряты жали траву ножами («скубили»—по местному выражению). Бурятское население занималось тогда почти исключительно скотоводством; только немногие сеяли «ярицу» на небольших клочках земли. Не имея возможности заготовлять летом корм (сено) для скота на зиму, так как не было еще кос, буряты к зиме перекочевывали на такие места («зимовья»), где было меньше снега и где скот мог себе добывать подножный корм. Можно себе представить, какой экономический переворот произвело здесь появление косы: в 80-х годах прошлого столетия я встречал уже во многих улусах большие скирды сена.

Бестужевы засевали в окружающей их заимку тайге большие поля «ярицей», и хлеб у них получался всегда доброкачественней, чем у туземного населения, что заставляло последнее присматриваться к новым способам обработки земли и уборки хлебов. Нужно прибавить, что Бестужевы работали в поле лично и работали, не покладая рук. Тем не менее они всегда находили время давать об'яснения по тому или другому вопросу всем, кто к ним обращался. Лама Цаган,

---

[1]) Улус—бурятский поселок.

живший в мое время недалеко от вышеупомянутой заимки, знавший лично Бестужевых, говорил мне:

— Эти большие люди научили нас ярицу кушать, т.-е. делать из нее муку и печь в золе лепешки.

Раньше буряты варили зерно с чаем, наподобие каши.

В Селенгинске у Бестужевых были большие огороды, которые они тоже обрабатывали лично. Семена они получали из Европейской России. Бестужевы первые начали разводить арбузы и табак в Селенгинске. В Забайкальской области, где лето продолжается 2—2½ месяца, выращивать арбузы было, конечно, не легким делом. Но Бестужевы изобрели довольно оригинальный способ посадки арбузных семян в «лунках», которые закрывались особыми соломенными покрышками. При мне уже все городское население занималось летом огородничеством, и арбузы там бывали не хуже украинских. Местный же табак, который впервые стали сеять Бестужевы, очень хорошего качества и обслуживает местное население.

Бестужевы изобрели особый двухколесный экипаж, весьма удобный для местных горных дорог и известный под названием «сидейка». Все местное население, как русское, так и бурятское, пользуется этим типом экипажа по сей день, так как он отличается и легкостью, и простотой своей конструкции, и для его изготовления требуется весьма мало железа.

Нужно удивляться энергии и неутомимости Бестужевых. Ни одна область культуры не оставалась без их внимания во время их невольного пребывания в Селенгинске. Шеретей [1]) Гусино-Озерского дацана [2]) (он же Хамба-лама), весьма умный старик, находившийся под постоянным надзором полиции и без разрешения губернатора (конечно, за крупную взятку) не выезжавший из дацана, хороший знакомый Бестужевых, к которому последние часто приезжали для «религиозных споров» (его выражение),—рассказывая о Бестужевых, говорил:

— Всегда работали, работали без отдыха... Они помогали овце защищаться от волка и маленькой горлице от белоголового орла.

Не знаю, что он этим хотел сказать; думаю, что он намекал на деятельность Бестужевых до суда.

Несмотря на громадную всегда работу в городе и на заимке, Бестужевы находили время и для бесед со всеми теми, которые приходили к ним за советом или с просьбой; а таких посетителей бывало у них всегда множество. Во всех трудных случаях к ним обращались за помощью, и они никогда никому не отказывали в поддержке, материальной или моральной. Можно сказать, что все время, проведенное Бестужевыми в ссылке, было посвящено на пользу местному насе-

---

[1]) Шеретей—настоятель.
[2]) Дацан—монастырь.

лению. Вот почему о них сохранились такие восторженные воспоминания в широких кругах населения Селенгинского округа.

Теперь, вероятно, уже умерли все те, которые могли бы передать свои личные воспоминания об этих героях первой половины прошлого столетия и об их жизни среди селенгинского населения. Поэтому я счел своим долгом теперь, в дни 100-летнего юбилея декабристов, рассказать все то, что я слышал 40 лет назад и что нашел в своих старых записях о жизни братьев Бестужевых в Селенгинском округе.

М. Давыдов.

Воспоминания о М. А. Бестужеве и его семье.

На Плющихе, в Большом Благовещенском переулке, находились дома моей покойной тетки (Минервиной). В конце шестидесятых годов к ней на квартиру переехали три сестры: Елена, Мария и Ольга Александровны Бестужевы. Это было весной, а летом этого же года приехал из Сибири их младший брат, Михаил Александрович с детьми—Марией и Александром. Бестужевы были очень общительны; они сейчас же перезнакомились не только с теткой и дядей, но и со всеми их родными, в том числе—и с моим отцом и матерью. Между нами, детьми, завязалась дружба. Я часто гостила у Бестужевых.

Михаил Александрович был мужчина высокого роста, довольно красивый, с правильными чертами лица, большими карими глазами, седые волосы он зачесывал на косой пробор. Он почти все время находился с нами, играя на полу в своем кабинете. Однажды, играя на ковре, я и его дочь Маня выстроили башню из деревянных кирпичиков. Саша, сын М. А., развалив башню, начал разбрасывать ногой кирпичики. Мы стали отталкивать его, а он начал нас бить. Мы заплакали. Тогда Михаил Александрович, видя все происшедшее, подошел к письменному столу, открыл ящик, позвал дочь и меня и, уговаривая нас не плакать, сказал, чтобы мы выбрали себе какие-нибудь из лежавших в ящике безделушки. Дочь его взяла: символ веры, надежды и любви, сделанный из сердалика, а я—вечный календарь и зеленую корзиночку (работа декабристов), которые и сейчас уцелели у меня, а Саша не получил ничего. Любимой нашей забавой была игра в восстание. Мы брали подушки с дивана и бросали ими друг в друга. Однажды Михаил Александрович показал нам потайные чернила. Он достал из письменного стола пузырек с простой на вид водой и стал писать. На бумаге не было и следа написанного, но когда он подержал листок над зажженной свечой, то ясно стали выделяться слова.

Летом мы проводили время гораздо веселее, нежели зимой. У дяди был очень чистый, посыпанный песком двор; вдоль забора были сделаны скамейки; чудный сад на горе спускался к Москве-реке. В этом саду была масса цветов, ягод и плодовых деревьев; здесь же находилась беседка, в которой мы играли. Почти весь день мы проводили

в этом саду. Каждый вечер в этом же саду происходила игра в салки и прятки. В этих играх принимали участие и дети соседей, приходившие каждый вечер играть с нами. Обыкновенно Мих. Алекс. бежал с одной стороны сада, а сестры его с другой. Мы бежали от них с криком и хохотом и прятались в кустах и под беседкой.

Из декабристов чаще других бывал у Бестужевых Муравьев-Апостол. Он был среднего роста. Летом он носил крылатку и картуз, а зимой—енотовую шинель. Одежда его особенно мне памятна, потому что мы всегда прятались в его шинель и крылатку, когда он играл с нами в прятки и в жмурки. Иногда он пускал с нами мыльные пузыри через соломинку. Еще бывал Корнатовский. Если он приходил с детьми, то, еще поднимаясь по лестнице, громко заявлял горничной:

— Марфуша! доложите, что пришел Корнатовский с Анютòчкой же Машѝнкой и Митѝнкой.

Еще бывал Свистунов и барон Розен. Иногда собравшись они вспоминали прошлое и с особенной грустью вспоминали Рылеева и Пестеля. Когда мы начали учиться музыке, Мих. Алекс. и Ольга Александровна выучили нас играть песнь на смерть Рылеева.

Из знакомых очень часто бывала семья Бородаевских, жена и дети умершего губернатора Сибири, которого Бестужевы всегда вспоминали добром за его исключительно хорошие отношения к каторжанам. Он позволял снимать кандалы.

Бестужевы получили пенсию из царского кабинета (в каком размере, не знаю) и почти всю раздавали бедным, в том числе давали деньги и Бородаевским. В семидесятых годах появилась эпидемия холеры, и Мих. Алекс., прохворав два дня, умер. Похоронили его на Ваганьковском кладбище вместе с его старшими детьми: Еленой и Николаем. После смерти Мих. Алекс., мы только изредка входили в его кабинет, рассматривали книги на письменном столе; между ними были сочинения Александра Бестужева-Марлинского, но без Мих. Алекс. нам делалось скучно, и мы, положив книги обратно, уходили или в комнату Ольги Александровны, или к моей тетке. Через год после смерти Мих. Алекс. умерла его старшая сестра, Елена Александровна, которую они не только любили, но и уважали. После смерти родителей она им заменяла мать. Она после выступления явилась во дворец и на коленях умоляла Николая I не предавать смертной казни ее братьев.

После смерти Мих. Алекс., сестрам его было прислано предложение поместить в учебные заведения на казенный счет его детей. Дочь поступила в Александровский институт, где, пробыв два года, умерла от воспаления легких (у них была наследственная от матери болезнь легких.) В это время Саше, его сыну, минуло девять лет и его поместили в 1-ю гимназию, где он обратил на себя внимание учителей своим умом и развитием, но, к сожалению, в тот же год простудился, заболел и умер. Остались только две сестры Мих. Алекс., близнецы Мария и Ольга Александровны, с горя переехавшие на

другую квартиру в том же переулке в дом Аблаженова, где, прожив до 88 или 89 года, умерли.

Перед смертью они завещали все свое имущество бедным, а деньги—своей прислуге Дуняше, котрая умерла в том же году. Душеприказчиком был доктор Апушкин, Стефан Стефанович (ныне умерший). Схоронены они тоже на Ваганьковском кладбище. Могила их всех была при в'езде на кладбище с левой стороны. На могиле лежала белая мраморная плита с золотыми буквами. Поименованы были все схороненные из их семьи, кроме Александра Алекс., умершего на Кавказе, и Николая и Петра, умерших в Сибири.

С грустью пишу эти строки, вспоминая моих милых и добрых Бестужевых.

Вечная им память!

М. Брызгалова.

Встречи с декабристами [1]).

Уступая настояниям своих друзей, я набросала настоящие строки, которые решаюсь печатать только после долгих колебаний, вполне сознавая все недостатки их изложения.

Вначале я не предполагала в них какого-либо общественного интереса, так как я совершенно не касаюсь исторической стороны декабрьских событий. Но в виду приближения столетнего юбилея восстания 14 декабря 1825 года я решила предать впечатления моей юности гласности. Думаю, что все относящееся к благороднейшим людям девятнадцатого столетия, беззаветно любившим свою родину и принесшим в жертву все те блага жизни, которыми большинство из них было так щедро одарено, должно представлять интерес для общества.

Не претендуя ни на что, я хочу только дать верную картину тех жизненных условий и обстановки, в которых угасала жизнь последних декабристов, не окружая никаким ореолом описываемых мною людей и выставляя их со всеми их старческими слабостями. Да и нужен ли им какой-либо ореол, не покрывают ли их славой одни их имена?

I.

Петр Николаевич Свистунов.

Встреча моя с декабристом Свистуновым произошла в Москве, осенью 1885 года.

Я была в то время 13-летней девочкой; отец мой, Владимир Иванович Анненков, сын декабриста Ивана Александровича Анненкова, бывший в то время председателем Самарского окружного суда, привез меня в Москву для определения в пансион княжны Мещерской. По приезде в Москву отец решил немедленно же навестить оставшихся в живых декабристов—Петра Николаевича Свистунова, Матвея Ивановича Муравьева-Апостола и Дмитрия Иринарховича Завали-

---

[1]) Печатаемые ниже воспоминания принадлежат перу Марии Владимировны Брызгаловой (по первому браку—Хвощинской), рожденной Анненковой, внучки декабриста И. А. Анненкова. *Ред.*

шина; и в первый же вечер мы поехали к Свистунову. Дорогой отец рассказывал мне о том, что Свистунов был особенно дружен с моим дедом; оба они в 1825 году служили в Кавалергардском полку и пошли в ссылку, будучи очень молодыми.

Названия улицы, где проживал П. Н., я не припомню, но знаю, что это было не в центре города, ибо ехали мы очень долго. Домик его был небольшой. В передней нас очень приветливо встретила немолодая полная особа, оказавшаяся незамужней дочерью Свистунова, Марией Петровной, с которой он жил последние годы. Вскоре послышались легкие, быстрые шаги, и мы увидели перед собой маленького сухого старика с белой бородой, одетого в черный костюм. С радостным восклицанием «Comment, c'est toi, mon cher!» — он пошел навстречу отцу и стал его обнимать. Вслед за тем отец, подведя меня к Свистунову, произнес:

— Позвольте вам, Петр Николаевич, представить внучку Ивана Александровича.

В ответ на мой низкий реверанс старик чрезвычайно ласково со мной поздоровался. Затем мы уселись около чайного стола и стали пить чай. Свистунов был, видимо, весьма обрадован приездом моего отца, который в Сибири рос на его глазах. Разговор шел большей частью на французском языке, которым старый декабрист владел в совершенстве. П. Н. вспоминал моего деда, за несколько лет до того скончавшегося, расспрашивал отца о его делах, о цели приезда в Москву и часто обращался ко мне. Меня поразила элегантность и изящество его манер и изысканная вежливость. За чаем он рассказал отцу о своей старой болезни (какой — не помню) и о способах ее лечения. Затем, видимо, желая более интимно побеседовать с моим отцом, он увел его в соседнюю комнату; но дочь его, очевидно, не поняв, что он желает остаться с отцом наедине, через некоторое время, пригласив меня с собою, вошла к ним. Старик, обращаясь к дочери, с раздражением произнес:

— Comment vous ne pouviez pas nous laisser seuls!

Мария Петровна стала извиняться перед отцом, и мы поспешили оставить их вдвоем. Что служило темой их разговора, мне неизвестно.

Вскоре после этого мы стали собираться, так как было уже поздно. На прощание Свистунов, обращаясь ко мне, вновь сказал мне, как он был рад увидать внучку Ивана Александровича. Провожал он нас самым сердечным образом, стоя в передней все время, пока мы одевались. Более я его не видала. Жил он после этого недолго, около трех лет.

II.

Матвей Иванович Муравьев-Апостол.

С декабристом М. И. Муравьевым-Апостолом я также виделась в тот же приезд. Это был 90-летний старик, парализованный—его

катали в кресле; умственные способности Матвея Ивановича также, видимо, находились в ослабленном состоянии.

Матвей Иванович был родной брат повешенного декабриста, Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. Квартира его, довольно обширная, была обставлена более богато, чем квартира Свистунова; при входе в нее мы были приняты его воспитанницей, Августой Павловной, которую он девочкой взял в Сибири и вырастил. Она провела нас в обширную гостиную, где мы увидали Матвея Ивановича, лежащего в кресле в халате.

Старик узнал моего отца и, кажется, был ему рад. Говорил он невнятно, и я понимала его с трудом. Усадив меня на стул рядом с своим креслом, он часто взглядывал на меня и, хотя вначале как-будто и понял, что я внучка Ивана Александровича Анненкова, через несколько минут, вновь в меня всматриваясь, спросил:

— Mais qui est cette demoiselle?

Данное ему на это вторичное об'яснение как-будто удовлетворило его.

Августа Павловна принесла фотографии декабристов, которые ей удалось собрать; она вынимала их по одной, передавая моему отцу, сидевшему между ней и Матвеем Ивановичем, но старик нетерпеливо протягивал за ними руку и недовольно мычал.

Взяв фотографию своего казненного брата, он передал ее мне со словами:

— C'est mon frère.

Он стал вопросительно на меня смотреть, очевидно, выжидая моего ответа. Заметив это, я, будучи в то время весьма застенчивой, сконфузилась, но, видя что М. И. все еще ждет, и, смотря на благородное и открытое лицо Сергея Муравьева-Апостола, смущенно проговорила:

— Как он красив!

Ответом моим старик, видимо, остался доволен.

Сидели мы с ним недолго, так как Августа Павловна вскоре увела нас пить чай, и мы зашли к Матвею Ивановичу только, чтобы проститься с ним. Перед нашим от'ездом Августа Павловна обещала моему отцу снять копии с фотографий декабристов и переслать их ему; обещание свое она сдержала. Фотографии эти весьма интересны: декабристы изображены на них в различных возрастах и видах, начиная с блестящих гвардейских мундиров эпохи Александра I и кончая какими-то фантастическими головными уборами, шлафроками и халатами, очевидно, уже из времен ссылки. Фотографии эти были собраны отцом в отдельный альбом и после его смерти перешли ко мне.

III.

Дмитрий Иринархович Завалишин.

В 1885 году мне не удалось познакомиться с декабристом Завалишиным, так как мы не застали его дома.

Наше знакомство состоялось 4 года спустя, в Москве же, когда Завалишин был уже последним из оставшихся в живых декабристов.

Жил он в гостинице Кремль, против Александровского сада, со своей единственной дочерью. Комната, которую он занимал, была обставлена весьма убого: старик зарабатывал себе на жизнь, давая уроки. Войдя в эту бедную комнату, мы увидели маленького сморщенного, совершенно седого старика, одетого в какой-то старомодный не то кафтанчик, не то пальто, коричневого цвета, с шарфом, обмотанным вокруг шеи.

Встретил он нас весьма приветливо, но как-будто смутился, увидав перед собою нарядную светскую барышню, каковой я в то время была.

Мой отец, преклонявшийся перед Завалишиным, как перед человеком, чрезвычайно образованным, изучившим 14 языков (при чем древне-еврейский был им изучен во время одиночного заключения в Петропавловской крепости, где он, как и прочие декабристы, содержался до об'явления приговора по делу 14-го декабря), стал мне в присутствии Дмитрия Иринарховича перечислять языки, которыми Завалишин владел. Старик смущенно произнес:

— Ну что об этом говорить.

Он постарался переменить тему разговора, сведя его на воспоминания о Сибири, о прежних временах, о декабристах.

Просидев довольно долго, мы стали прощаться с хозяином, и старик с рыцарской вежливостью, относившейся ко мне, пошел провожать нас до входных дверей, что было очень далеко. Приходилось итти длинными коридорами; по легкомыслию, свойственному моему тогдашнему возрасту, я пошла вперед довольно быстро, но, увидав, как тяжело 90-летнему старику поспевать за мною, замедлила шаги.

На следующий день мы с отцом, имевшим в Москве много родственников и знакомых, долго раз'езжали и, возвратившись в гостиницу, нашли клочок бумаги, на котором дрожащим старческим почерком было начертано: «Дмитрий Иринархович Завалишин». Мы с отцом глубоко сожалели о том, что старый декабрист не застал нас дома, притащившись издалека (мы остановились в Замоскворечье) в зимнюю стужу.

Это была моя единственная встреча с Завалишиным, через несколько месяцев после этого скончавшимся.

Не беру на себя смелость дать оценку крупной личности Завалишина. Я слышала от лиц, знавших декабристов, что это была натура сложная, загадочная и замкнутая. В Сибири он ударился в религиозный мистицизм, доводя его до фанатизма; таково было мое впечатле-

ние при чтении писем Завалишина к его невесте Смольяниновой, с которою он долгие годы был в переписке. Переписка эта, а также позднейшие письма Завалишина из Москвы к сестрам его первой, рано умершей жены (той же Смольяниновой) находятся в Читинском музее, и, благодаря любезности директора музея А. К. Кузнецова, я имела возможность ознакомиться с ними.

IV.

Иван Александрович Анненков.

Мне было 6 лет, когда скончался мой дед, декабрист Иван Александрович Анненков. Внешний облик деда живо сохранился в моей памяти. Как живой, встает передо мной высокий старик в халате с серебряными кудрями, с саркастически-умным лицом, в очках (дед был сильно близорук). Обычно после обеда он усаживался с газетою в гостиной; напротив на низкой кушетке садилась бабушка, по бокам которой помещались я и моя младшая сестра; сидеть мы должны были безмолвно и неподвижно, не нарушая тишины, дабы не мешать деду, за чем зорко следила бабушка. Мы с сестрою очень боялись деда, всегда молчаливого, сумрачного и мало обращавшего на нас внимания.

Полную противоположность ему представляла бабушка—живая, веселая француженка и в старости чрезвычайно разговорчивая. Дед же, никогда не отличавшийся живостью характера и попавший в ссылку молодым 22-летним кавалергардским офицером, во время одиночного заключения в Петропавловской крепости впал в тяжелую меланхолию: он покушался на самоубийство, но был спасен подоспевшим часовым.

Приезд моей бабушки в Сибирь спас его от душевного недуга, который стал овладевать им с новой силой. Возможно, что развитию болезненного состояния Ивана Александровича в Сибири способствовало отчасти следующее обстоятельство. Во время выполнения сентенции над декабристами, когда с них срывали мундиры и ломали над головой шпаги, Иван Александрович, благодаря неловкости палача, получил страшный удар в голову и долго находился в беспамятном состоянии. Переезд в Сибирь также заставил Ивана Александровича сильно страдать; фельд'егерь, везший их партию, был человек жестокий; он торопился поскорее сдать арестантов и вез их с невероятной быстротой. Иван Александрович был одет недостаточно тепло, между тем стояли суровые морозы: он сильно страдал от холода. Кроме того, его ручные кандалы были для него слишком малы, и они с жестокой болью впивались в его отмороженные руки. Пережитые страдания наложили глубокий отпечаток на общий облик деда, который настолько изменился, что его трудно было узнать. Доказательством тому служит следующее обстоятельство. Княгиня

Трубецкая, жена декабриста, вскоре по приезде в Сибирь, указывая на проходившего мимо высокого человека с бородой и в полушубке, спросила мужа, кто этот мужик, и была страшно удивлена, узнав, что это—тот блестящий кавалергард Анненков, с которым она танцовала на балах. После смерти бабушки дед снова впал в болезненное состояние и последнее время своей жизни страдал черной меланхолией. Тогда отец мой, его старший сын, Владимир Иванович Анненков, бывший в то время председателем Харьковского окружного суда, заявил об этом на нижегородском дворянском собрании, предложив дворянам избрать себе нового предводителя. (Дед по возвращении из Сибири многие годы бессменно состоял председателем нижегородской уездной земской управы и нижегородским уездным предводителем дворянства, упорно отказываясь, несмотря на многократные просьбы нижегородского дворянства, баллотироваться в губернские предводители). Но дворяне на это ответили, что, пока жив Иван Александрович Анненков, у них другого предводителя не будет. Иван Александрович пользовался огромным уважением и популярностью в Нижегородской губернии, работа его в качестве председателя управы была чрезвычайно плодотворною. Так, например, он покрыл уезд целой сетью школ; значительно улучшил общее благосостояние уезда, принимал деятельное участие в комитетах по устройству быта крестьян (в связи с освобождением их от крепостной зависимости), неоднократно ездил в Петербург в качестве депутата по тем же крестьянским вопросам и т. д. На похоронах бабушки, внезапно ночью скончавшейся и найденной утром в постели уже похолодевшей (бабушка как-будто предвидела свою смерть — ее нашли мертвою в предсказанное ею число), дед проявил полное безразличие. На слова своей внучки, моей двоюродной сестры, княгини Гагариной, о том, что нужно послать за священником, дед равнодушно заметил:

— К чему? ведь **Pauline** (так звал он свою жену) приняла магометанство.

Он ходил вокруг гроба, говоря, что бабушка притворяется и спит. Полицейским, приставленным к под'езду, он приказал гнать всех приезжающих. Во время отпевания, происходившего в нижегородской Тихоновской церкви, он, сидя в кресле (так как стоять уже не мог), подозвал ту же Гагарину и, указывая на зажженное паникадило, недовольно ей заметил:

— Нелли, к чему такой расход?

Затем он стал вообще проявлять различные странности: так, например, отличаясь в старости прямо-таки болезненной скупостью, — так что бабушке, тщетно просившей у него деньги на домашние расходы, часто приходилось их вытаскивать из бумажника, хранившегося у него под подушкой, в то время, когда он спал, — он вдруг проявил расточительность, об'ехав различные магазины и накупив массу ненужных вещей, так что после его приезда домой

то и дело стали приходить приказчики с огромными свертками в руках и не менее об'емистыми счетами.

Все эти поступки служили явным доказательством того, что на закате дней Иваном Александровичем вновь овладел его прежний недуг. Скончался он через год и четыре месяца после смерти своей жены, 27 января 1878 года, 76 лет от роду, и похоронен в нижегородском Крестовоздвиженском женском монастыре, рядом со своею женою, так горячо его всю жизнь любившей и бывшей ему самым верным и преданным другом.

Семейная жизнь Анненковых была счастлива; у них было 18 детей, из которых в живых осталось шестеро.

Бабушку, отличавшуюся весьма живым и веселым характером, жены декабристов очень любили. Выросши в семье, которая благодаря французской революции потеряла свое состояние, Прасковья Егоровна все умела делать сама; она прекрасно готовила, стирала белье, умела ухаживать за огородом и в этом отношении была очень полезною для остальных дам, которые первое время, несмотря на самое искреннее желание, не умели ни за что взяться; многому научились они от бабушки, что и вспоминали с благодарностью. Первое время Анненковы были совершенно не обеспечены материально и жить им было трудно. Тогда бабушка решилась обратиться с просьбою к государю о том, чтобы ей возвратили 60.000 рублей, которые находились в мундире деда во время его ареста, так как иначе ей с семьей нечем существовать. Николай I приказал исполнить ее просьбу, и на эти деньги Анненковы жили в Сибири.

Вообще государь оказывал бабушке какое-то особое благоволение в течение всей своей жизни. Отец рассказал мне один случай, свидетельствующий об этом. Когда Анненковы, обзаведясь собственным домом, жили в Тобольске уже в качестве поселенцев, из Петербурга был послан для общей ревизии дел в Сибири генерал, фамилия которого изгладилась из моей памяти. Семья Анненковых, ведя самый скромный образ жизни, рано ложились спать, и все уже находились в постелях, как вдруг раздался звонок. Это был приезжий генерал, и когда бабушка вошла к нему, он обратился к ней по-французски со следующими словами: «Madame, je dois vous transmettre les paroles de sa majesté imperiale; l'empereur m'a dit: «Saluez de ma part cette Française, qui n'a pas doute de mon coeur» [1]).

Кроме живости характера, бабушка отличалась большим присутствием духа; в Сибири она спасла жизнь деду. Подробностей этого события я не помню, так как слышала их от отца, уже более 20 лет тому назад скончавшегося; но знаю, что бабушка, войдя

---

[1]) Перевод: «Сударыня, я должен передать вам слова его императорского величества; государь мне сказал: «Кланяйтесь от моего имени той француженке, которая не усумнилась в моем сердце».

в комнату в ту минуту, когда убийца занес топор над головой деда, стоявшего спиной, мгновенно бросила ему в глаза горсть табаку, чем и предотвратила преступление. В старости она ухаживала за дедом, как за ребенком. Ив. Ал. отличался большой рассеянностью; провожая его на заседания, бабушка ходила за ним, спрашивая: Annenkoff, n'as tu rien oublié, où est ton mouchoir de poche?[1]).

В семейной жизни все подчинялось воли деда; малейшее слово его являлось законом для всех членов семьи; характер у Ив. Ал. был крутой, к детям своим он относился сурово. Например, не доверяя болезни моего отца, он стаскивал его в жару с кровати и приказывал ему итти в гимназию.

Директором Тобольской мужской гимназии был в те времена Ершов — автор «Конька Горбунка». Ершов жестоко обращался с учениками; отец рассказывал, как учеников за малейшую провинность пороли по субботам; рассказывал он также о том, как за детьми декабристов бегали уличные мальчишки и кричали:

— Дети каторжников, дети каторжников!..

По окончании курса Тобольской гимназии отец мой подал прошение Николаю I о разрешении поступить в университет, но на это последовал отказ; отец с чувством глубокой горечи вспоминал об этом событии всю жизнь.

Отец мой, которому я хочу посвятить мои заключительные строки, был, несмотря на то, что не имел возможности учиться в университете, весьма разносторонне и основательно образованным человеком, чему он был, главным образом, обязан самому себе. Кроме того, он имел в Сибири прекрасного, высоко образованного наставника в лице декабриста Ивана Ивановича Пущина, близкого и любимого друга поэта Пушкина, о котором, со слов Пущина, переданных мне моим отцом, я хочу сообщить следующее. Как известно, Пушкин был близок со многими из декабристов, но всего более был дружен с Пущиным и Кюхельбекером. Пушкин, гостя в имении Давыдова Каменке с некоторыми из декабристов, догадывался, что между ними существует какая-то тайна; но, несмотря на все его усилия, проникнуть в их замыслы ему не удавалось. Пушкин чувствовал себя оскорбленным. Декабристы же не делились с ним своими замыслами, щадя его талант и не желая подвергать его тому, что ожидало их в случае неуспеха. Пушкин и после событий 14 декабря продолжал относиться с глубокой любовью и дружбой к декабристам. Встретив в Москве, на вечере у известной меценатки, княгини Зинаиды Волконской, жену декабриста Никиты Муравьева, Александру Григорьевну, которая ехала в Сибирь к мужу и проездом остановилась у Волконской, Пушкин сказал ей:

---

[1]) Перевод: Анненков (она всегда называла деда по фамилии), не забыл ли ты чего-либо, где твой носовой платок?

— Кланяйтесь этим господам и скажите, что я очень понимаю, почему они не приняли меня в свое общество, я был недостоин этой чести.

Родившись на берегу Байкала, о котором он всегда вспоминал с глубокой любовью, отец мой начал службу в Сибири с должности канцелярского писца. Выросший в простых и суровых условиях жизни, находившийся под большим влиянием декабристов, он уже в 40 лет был председателем Харьковского окружного суда. После смерти моего деда он сделался обладателем значительного состояния, но продолжал до конца дней своих вести трудовой и скромный образ жизни, не терпя барства и лени; отец чувствовал какую-то инстинктивную ненависть к роскоши, носил грубое белье и употреблял самую простую пищу и всегда вставал в 5 часов утра. Отец рассказывал мне, что дед долго не решался возвратиться в Россию после об'явления манифеста Александра II о полном помиловании декабристов, так как не знал, на какие средства можно будет существовать с семьей в России (декабристам были возвращены права дворянства, но не права имущества, и все имения деда были разделены после смерти его матери между родственниками). Только благодаря обращению Александра II на придворном балу к бывшему киевскому генерал-губернатору Николаю Николаевичу Анненкову— «Я надеюсь, Анненков, что ты возвратишь своему двоюродному брату его имения»—Иван Александрович получил часть своих поместий — 10 тысяч десятин; остальные же родственники, за исключением одной старухи Кушелевой, ничего не возвратили.

Но за время ссылки деда родственники успели совершенно расстроить дела, и Ивану Александровичу были возвращены заложенные имения, обремененные долгами; благодаря самому умеренному образу жизни и строгой расчетливости, дед погасил все долги и, умирая, оставил своим двум сыновьям прекрасное состояние.

В 1897 году отец, чувствуя себя уже совершенно больным, собирался выйти в отставку, поселиться в Пензенской губ. в своем имении и писать мемуары. Но в октябре этого года отец скончался; последними словами его были: «Достаточно пожил—66 лет трудовой жизни».

Единодушным взрывом скорби отозвалось самарское общество на его кончину; у гроба его об'единились все классы общества, все слои населения; не забыта была и Тобольская гимназия, где, на-ряду с прочими учреждениями, также была учреждена стипендия его имени. Отец пользовался большой любовью всех, знавших его, благодаря полнейшей простоте обращения и доступности; ко всем он относился совершенно одинаково, не делая никакого различия между людьми, каково бы ни было их общественное положение.

Но в нравственном смысле жизнь его—тайного советника, увешенного орденами,—была, пожалуй, много тяжелее жизни отца его, лишенного некогда всех прав.

Верную характеристику его дала одна из газет: «Скончался человек, которого все, как один, любили за ум, за правду, за доброту, за доступность, за милость». Перед смертью отец выразил желание, чтобы тело его перевезли в село Скачки Мокшанского уезда Пензенской губ. (родовое имение Анненковых) и похоронили рядом с моей покойной матерью, рожденной княжной Гагариной. Желание его было исполнено. Глубоко трогательно было видеть отношение крестьян: в холодный, ненастный, осенний день все село вышло встретить его тело; за несколько верст от села крестьяне сняли гроб с экипажа и попеременно на руках, по самой тяжелой дороге, донесли его до церкви; многие плакали.

Заканчивая свои семейные воспоминания, перехожу к отрывочному изложению различных фактов, слышанных мною от отца [1]).

Искренне сожалею, что не сделала этого раньше, так как время успело многое изгладить из моей памяти.

Иван Александрович, будучи кавалергардом, должен был довольно часто нести ночное дежурство в Зимнем Дворце. Дежурная комната находилась в таком расстоянии от спальни императора, что из нее были слышны шаги государя. Александр I страдал бессоницей. Однажды дед, чувствуя себя утомленным, прилег на диване и заснул; проснулся он от света, падающего ему в глаза: перед ним со свечею в руках стоял Александр. Иван Александрович мгновенно вскочил и вытянулся перед государем, но тот, хотя и хорошо знал его, посмотрел на него недоуменным взглядом, потом схватился за голову и со стоном «боже мой, боже мой», шатаясь, вышел из комнаты.

Иван Александрович был одним из любимцев Александра I. Он неизменно должен был присутствовать на всех придворных балах. Он был высокого роста и очень красив, о чем свидетельствует сохранившийся у меня портрет его в кавалергардском мундире, сделанный акварелью (копия с работы Кипренского). Он великолепно танцовал и вместе со своим товарищем, декабристом князем Барятинским, был обычным кавалером великой княгини Александры Феодоровны, супруги Николая I. Особенно хорошо танцовал он мазурку, на которую Александра Феодоровна всегда его избирала.

Александр I приказал, чтобы ему всегда докладывали, когда Анненков будет танцовать мазурку: государь вставал тогда из-за карт и выходил в залу, где происходили танцы.

---

[1]) Хотя некоторые из приводимых ниже рассказов и весьма далеки от исторической действительности, тем не менее они представляют интерес, как образчики семейных преданий декабристов. *Ред.*

Князя Барятинского Александра Феодоровна отстранила от себя после следующего инцидента. Александра Феодоровна танцовала мазурку с Барятинским; князь был навеселе и от него несло ромом. Тогда великая княгиня спросила его по-французски: «De quels parfums vous parfumez-vous, mon prince?» [1]).

Барятинский ответил не смущаясь: «De la Jamaique, votre altesse imperiale» [2]).

Говорят, что Александра Феодоровна просила лично Николая о смягчении участи Анненкова и Барятинского, но тщетно.

Александру I было известно о заговоре декабристов — об этом донес ему Шервуд, незадолго до кончины Александра. Когда государь увидал лист с именами заговорщиков, он заплакал и, прикрыв глаза рукою, произнес:

— Какие имена, боже мой, какие имена.

Во время личного допроса Николаем I моего деда, описанного со слов самого Ивана Александровича в воспоминаниях моей бабушки, государь сказал ему, что он сгноит его в крепости.

По возвращении из Сибири в Россию Иван Александрович, после того как декабристам был разрешен в'езд в столицу, отправился вместе с моим отцом в Петербург. Посетив Петропавловскую крепость, Иван Александрович остановился у гробницы Николая; вынув табакерку, с которой он никогда не расставался, он поднес к носу щепотку табаку и со свойственной ему флегматичностью сказал:

— Хотел меня сгноить, а гниешь прежде меня.

Отец говорил, со слов декабристов, что во время допроса царем Сергея Муравьева-Апостола (впоследствии повешенного), который бесстрашно стал говорить царю правду, описывая в сильных выражениях внутреннее положение России, Николай I, пораженный смелыми и искренними словами Муравьева, протянул ему руку, сказав:

— Муравьев, забудем все; служи мне.

Но Муравьев-Апостол, заложив руки за спину, не подал своей государю.

Павла Ивановича Пестеля, вождя южного движения, подвергали во время заключения пыткам. К сожалению, я забыла фамилию декабриста, который во время очной с ним ставки видел кровавые рубцы на голове Пестеля.

---

[1]) Какими духами душитесь вы, князь?
[2]) Перевод: «Ямайскими, ваше императорское высочество».

В день восстания 14 декабря на куполе Исаакиевского собора, против которого собрались мятежные войска, происходил ремонт; рабочие, находившиеся на верху собора, с улюлюканием стали сбрасывать бревна в правительственные войска.

Декабрист Лунин, известный в петербургском обществе своим чудачеством, после произнесения приговора над декабристами, по прочтении сентенции обратился к товарищам со следующими словами (по-французски):

— Господа, прекрасная сентенция должна быть орошена.

И в точности исполнил сказанное.

Николай I строго запретил упоминать при нем о декабристах; никто не смел произносить их имен.

Во время одного из своих путешествий по России он случайно попал в усадьбу родителей одного из декабристов (фамилию в точности не помню, кажется, Ивашева), которые ни одним словом не упомянули о сыне; возвращаясь с прогулки по саду с матерью декабриста, Николай молча дважды поцеловал ей руку.

По возвращении в Россию, на одной из остановок перед Нижним, Иван Александрович Анненков был встречен депутацией крестьян из своих пензенских и нижегородских имений, поднесших ему хлеб-соль. Один из стариков заплакал и сказал:

— Батюшка ты наш, Иван Александрович, да какой же ты старый стал. Знаем мы, батюшка, за что ты был в Сибири. За нас, батюшка, за нас (дед пробыл в Сибири 30 лет).

По словам отца, эта встреча носила в высшей степени трогательный характер: крестьяне были первые, кто встретил изгнанника на родной земле.

Через несколько лет по возвращении в Россию Иван Александрович с моим отцом поехал за границу; в Париже у него произошло много интересных встреч с бывшими товарищами однополчанами, многие из которых во время царствования Николая занимали весьма видные посты. Отец, например, рассказывал про встречу Ивана Александровича с князем Орловым, которая произошла у собора Парижской богоматери. Расставшись молодыми блестящими кавалергардами, старики не сразу узнали друг друга: они радостно обнялись, и Орлов стал спрашивать деда:

— Ну, что, все еще либерал?

Происходили и курьезные сцены. Лишь только дед с моим отцом успели войти в номер гостиницы, как дверь распахнулась и на пороге показался вертлявый француз, который подбежал с поклонами к деду и засыпал его словами:

— Здравствуйте, Monsieur, если вы желаете осмотреть Париж, то я к вашим услугам; если хотите быть одетыми по моде, то я вас провожу в мой магазин, и т. д.

Дед перебил поток его красноречия, сказав:

— Позвольте, Monsieur, вы нас совсем не знаете.

Но француз со словами—«О нет, я вас прекрасно знаю»,— ткнул пальцем в сторону деда и сказал:

— Этот Ванька старый, — и затем с таким же жестом по направлению к моему отцу, — а тот Ванька молодой (Ça c'est Van a le vieux, ça c'est Vanka le jeune).

Л. Г. Гофман.

Декабристы и Достоевский.

Тобольский острог, темная и холодная камера, грубое и придирчивое начальство, тягостные картины окружающего тюремного быта, в прошлом—день и ночь пешего хождения при сорокаградусном морозе, а в будущем—тысячеверстный этапный путь,—в такой тяжкой, безотрадной обстановке произошло свидание жен декабристов с Достоевским и его товарищами [1]).

«Жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами (Достоевским, Ястержембским и Дуровым). Свидание продолжалось час...,—пишет Достоевский,—они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили евангелием» [2]).

Благодарно вспоминает писатель и о материальной помощи, оказанной ему самоотверженными женщинами. Пища, одежда, десять рублей, спрятанные в переплет евангелия,—все это доставили каждому из петрашевцев жены декабристов [3]).

Скрытые Достоевским фамилии его посетительниц сохранились в воспоминаниях товарища писателя по Тобольскому острогу — известного петрашевца Ястержембского. Это были: Ж. А. Муравьева, Н. Д. Фон-Визина и П. Е. Анненкова со своей дочерью, позднее женой жандармского генерала Иванова [4]).

Однако, в сборе вещей и денег для петрашевцев участвовала, по словам тогдашнего доктора местного приюта общественного призрения Г. М. Мейера, и вся тобольская колония ссыльных декабри-

---

[1]) «Воспоминания Ястержембского, cit. по О. Миллер. «Материалы для жизнеописания Д-го». Отд. биогр. Спб. 1883, стр. 125—7.

[2]) «Дн. пис.» 1873, гл. II, «Д-ий», изд. А. Ф. Маркса, т. XI, стр. 175.

[3]) Письмо Д-го к брату М. М. Д-му. Омск 22/II—54. «Р. Ст.». 1885 г., т. XLVII стр. 514; из устных рассказов Д-го, записанных со слов его жены Н. Н. Кузьминым», cit. по ст. Н. Н. Кузьмина «Евангелие Ф. М. Д-го»—«Ежемес. соч.» 1901 г., № 1, стр. 67—9; см. также «Письмо Н. Н. Кузьмина в ред. «Нов. Вр.», 1901, 23—XII, № 9270, л. 5; «Записки из Мертв. дома» т. III, ч. I, стр. 85; Ор. Миллер, ib.

[4]) Ор. Миллер, ib.; «Восп.» М. Д. Францевой, «И. В.», 1888 г., № 5 стр. 390—412. Барон А. Е. Врангель «Восп. о Ф. М. Достоевском в Сибири» г. 1854—56. Спб. 1912, стр. 13, 115.

стов: Анненков, Муравьев, Свистунов, два Пушкина. В этом перечне почему-то пропущены жившие тогда в Тобольске Фон-Визин, доктор Вольф и Семенов [1]).

Через своих жен декабристы также «предостерегали (петрашевцев) от будущего командира... и обещались сделать все, что только могут через знакомых людей, чтобы защитить... от его преследования» [2]).

Из всех встреч и сношений Достоевского с декабристами и их женами заслуживает особого рассмотрения по своему важному значению для писателя его знакомство с Н. Д. Фон-Визиной и Анненковыми. Рекомендательные письма Фон-Визиной и ее ближайшей приятельницы М. Д. Францевой значительно облегчили на первых порах пребывание в Омском остроге Достоевского и его товарища Дурова, а трогательные проводы ими в открытом поле и при 30-градусном морозе уезжавших петрашевцев должны были целительно действовать на измученные души государственных преступников [3]).

Эта исключительная заботливость Фон-Визиной и ее сердечное отношение к Достоевскому не замкнулись в узком кругу кратковременного пребывания писателя в Тобольске [4]). Наталья Дмитриевна была, вероятно, единственным человеком, которому удалось наладить переписку с Достоевским еще в бытность последнего в Омском остроге. К сожалению, из всей этой переписки опубликовано лишь одно позднейшее письмо Достоевского начала марта 1854 г. Но и в нем каждая строчка говорит о высоком уважении и каком-то благоговейном почтении писателя к жене декабриста. Как особенно доверенному другу и исповеднику, писатель поверяет «доброй и человеколюбивой» Фон-Визиной все свои сокровенные думы и чувства: религиозные сомнения и надежды, гнетущие переживания «мертвого дома» и напряженное ожидание какого-то решительного кризиса всей своей жизни [5]).

Сердечным участием и заботливостью проникнуто также отношение к Достоевскому другой жены декабриста—П. Е. Анненковой и ее дочери О. И. Ивановой. Благодаря ходатайству Анненковой, Достоевский и Дуров были отправлены в Омск не обыкновенным этапным порядком, а в кибитке. В Омске, куда через некоторое

---

[1]) А. М. «К воспом. о Ф. М. Д-ом (рассказ очевидца)»—«Од. Вестн.» 18—III—1881 г., № 60. Фамилии мемуариста и лица, сообщившего воспоминания, раскрыты в брошюре И. А. Линниченко «А. И. Маркевич». Од. 1904, стр. 38. О докторе Г. М. Мейере см. А. И. Маркевич «25-летие Нов. у-та» 1890, стр. 524—6; А. И. Димитриев-Мамонов. «Декабристы в Зап. Сибири». Спб. 1905, стр. 34—7, et passim.

[2]) Д-ий, т. III, ч. I, стр. 279.

[3]) «В-ия» М. Д. Францевой. «И. В.», 1888 г., № 6, стр. 628—9.

[4]) Даты пребывания Достоевского в Тобольске: с 11 по 17 января 1850 г., см. В. Е. Чешихин-Ветринский. «Ф. М. Д-ий». М. 1923, ч. 2, стр. V и «Р. Ст.», 1888 г., XLVII, стр. 513.

[5]) Сб. «Помощь голодающим», изд. «Русск. Вед.», М. 1892 г., стр. 387—93; ср. Ф. Достоевский, т. III, стр. 300.

время был переведен на службу и муж Ивановой, ей и Анненковой удалось несколько раз свидеться с петрашевцами и оказать им ряд существенных услуг. После же выхода Достоевского из каторги он и Дуров «провели почти целый месяц в их доме». Какое громадное значение для писателя в ужасных условиях каторги и солдатчины имела поддержка Анненковой и Ивановых, можно видеть из восторженных отзывов Достоевского об этих сибирских друзьях. «Прекрасные чистые души», «братское участие», «одно из лучших воспоминаний моей жизни», так отзывается о них Достоевский в письмах к П. Е. Анненковой и своему брату М. М. Достоевскому [1]).

Однако, значение жен декабристов для Достоевского выходит далеко за пределы сибирской жизни писателя. Тот факт, что свидание с женами декабристов и передача ими евангелия, а затем чтение этой единственно разрешенной на каторге книги послужило поворотным пунктом в эволюции миросозерцания писателя от утопического социализма к христианскому народничеству, прочно установлен в биографии писателя. Нам остается только упомянуть о нескольких показательных моментах в жизни Достоевского, где он сам отмечает свою духовную связь с женами декабристов и роль их в перерождении своего миросозерцания.

Одно из первых писем Достоевского по выходе из каторги адресовано экзальтированной и мистически настроенной жене декабриста—Фон-Визиной, и в нем писатель впервые сообщает свой новый, тогда еще полный сомнений, символ христианской веры [2]).

На последнем этапе идеологического развития новый редактор «Гражданина» — Достоевский — открывает свою публицистическую деятельность помещенным в первой главе «Дневника писателя» описанием своего перехода от атеистического социализма Белинского к православной вере русского народа. И тут же он обрывает эту первую руководящую статью своего органа общеизвестным изображением свидания со своими вероучительницами, женами декабристов [3]).

Наконец, на смертном одре Достоевский передает «евангелие декабристов», как самую священную семейную реликвию, своему сыну Федору и тем самым показывает, что мысль об этом драгоценном даре, вобравшем в себя дорогие для писателя воспоминания о женах декабристов, не покидает его до самой кончины [4]).

От этого восторженного культа жен декабристов следует строго отграничить отношение Достоевского к самим декабристам и воз-

---

[1]) Письмо Д-го к П. Е. Анненковой. Семипалатинск. 18—X—55, «Р. В.» 1888 г., № 4, стр. 446—9. Письмо М. М. Д-му. Омск. 22—II—54. «Р. Ст.», 1885 г., т. XLVII, стр. 516, 518, 519; Врангель, стр. 13 и 115; ср. Д-й, т. III, ч. I, стр. 300.

[2]) Сб. «Пом. Гол.», стр. 388—89.

[3]) «Гражданин», 1873 г., № 1, стр. 14—17.

[4]) О. Миллер, ib., стр. 298, 324; Кузьмин, ib., стр. 68—9. Л. Гроссман, «Библиотека Достоевского», Од. 1919 г., стр. 154.

главляемому ими революционному движению. Славянофильствующий либерал начала 60-х годов и консервативный редактор «Гражданина» и «Дневника писателя» был далеко от приятия заветов декабризма. Декабристов он мог коснуться лишь мимоходом в связи со своими откликами на современные революционные движения или с воспоминаниями о своем социалистическом прошлом, либо по какому-нибудь случайному поводу.

И действительно, Достоевский посвящает декабристам и декабрьскому движению очень немногое—несколько строк из «Записок из Мертвого дома»; часть непропущенной цензурой главы из «Дневника писателя» за 1887 г.; отдельные упоминания о декабристах можно встретить во второй главе «Дневника писателя» за 1876 г., в черновой «Подростка» и в одном отрывке из «Записной книжки». В этих отрывочных замечаниях писатель высоко оценивает личные качества декабристов, сумевших импонировать даже сибирскому каторжному начальству, и считает их лучшими представителями русского интеллигентного барства.

Как таковых, он и соединяет декабристов в одну группу с петрашевцами и противопоставляет этих благородных и высокообразованных государственных преступников измельчавшему, по его мнению, типу революционера 60-х и 70-х годов.

Однако, Достоевский не исключает декабристов из своего осуждения всего русского революционного движения. В полном соответствии своим политическим убеждениям, он считает их деятельность печальным плодом оторванности русской интеллигенции от простого народа и продуктом незрелого увлечения западно-европейскими идеями и учреждениями [1]).

Другие отрывки не прибавляют ничего нового к политической оценке Достоевским декабрьского движения. Но они интересны тем, что уточняют социальную группировку, к которой относит Достоевский декабристов. В черновой «Подростка» Достоевский включает их в тот европейски культурный слой дворянства, историографом которого был Толстой. Путем сопоставления этого места с отзывами писателя о социальной природе героев Толстого мы можем определить, что здесь идет речь о «средне-высшем культурном круге дворянства».

С двойственным отношением к декабристам самого писателя вполне совпадает и линия поведения его органа—«Гражданина». За все время редакторства Достоевского, с 1-го января 1873 года по 24-е апреля 1874, декабристам уделено очень мало внимания. В одном только 49-м номере «Гражданина» за 1873 г. мы имеем стихотворение декабриста А. И. Одоевского, посвященное Якуш-

---

[1]) Д-ий, т. III, ч. I, стр. 277; «Дн. пис.», январь 1877 и комментарий к нему cit. по заметке С. Переселенкова «Старина о петрашевцах». Сб. «Достоевский», под редакц. А. С. Долинина, П. 1922 г., т. I, стр. 369—72. Ср. «Дн. Пис.» за 1873 г.—«Д-й», т. XI, стр. 331—44.

кину, да в 9-м номере за 1874 год помещена рецензия Павла Павлова на статью Д. А. Кропотова «Из биографии графа М. Н. Муравьева» («Р. В.», 1874, кн. 1.). Эта рецензия рассматривает декабрьское движение, как горестный результат оторванности от народа русской интеллигенции 20-х годов, как роковое сочетание «благородного и горячего сердца» с «раздраженным западно-европейскими стихиями умом», и интересна своим полным совпадением со взглядами Достоевского [1]).

Любопытно отметить, что из произведений самих декабристов и из литературы, посвященной им, в каталоге библиотеки Достоевского мы находим лишь сочинения особенно любезного автору вышеупомянутой заметки—Рылеева, но зато в двух изданиях [2]).

Декабристы получили также некоторое отражение и в художественном творчестве Достоевского,—некоторые следы влияния декабристов мы имеем в его романе-памфлете на русскую революцию—«Бесы». Однако, сравнительно с другими либеральными и революционными течениями декабристам уделено и здесь очень мало места.

Характеристика декабриста Лунина в помещенной в 4-й книжке «Русск. Вестника» 5-й главе «Бесов»—тем и ограничивается их непосредственное отображение в этом романе Достоевского [3]).

Источник этой характеристики можно легко обнаружить путем сравнения с параллельным текстом помещенной во 2-ой тетради «Русского Архива» за 1871 год «Отповеди» декабриста Свистунова.

Я, пожалуй, сравнил бы его с иными прошедшими господами, о которых уцелели теперь в нашем обществе некоторые легендарные воспоминания. Рассказывали, например, про декабриста Л-на, что он всю жизнь нарочно искал опасности, упивался ощущением ее, обратил его в потребность своей природы (На следующей странице сообщается, что опасность вызывала у Л-на «ощущение наслаждения»). В молодости выходил на дуэль ни за что.

В Сибири, с одним ножом ходил на медведя, любил встречаться в сибирских лесах с беглыми каторжниками...

Этот Л-н еще прежде ссылки некоторое время боролся с голодом и тяжким трудом добывал себе хлеб, единственно из-за того, что не хотел подчиниться требованиям своего богато-

Автор (Розен) охотно передает разные ходившие о нем (Лунине) анекдоты, но мне кажется, что следовало бы ему, не довольствуясь голосом стоустой молвы, понаведаться у людей коротко и давно его знавших... Я упомянул о его бесстрашии, хотя слово это не вполне выражает того свойства души, которым наделила его природа. В нем проявилась та особенность, что ощущение опасности было для него наслаждением.....

Кто-то из молодежи заметил шуткой Михаилу Сергеевичу, что А. Ф. Орлов ни с кем не дрался на дуэли. Лунин тотчас же предложил Орлову доставить ему случай испытать новое для него ощущение.....

Впоследствии, будучи в Сибири на поселении, Лунин один отправлялся

---

[1]) Ю. Оксман. «Ф. М. Достоевский в редакции «Гражданина»—Сб. «Творчество Д-го». Од. 1921, стр. 64, 80—1; «Гражданин» 3 декабря 1873 г. № 49, стр. 1307; 4 марта 1874 г., № 9, стр. 268—71.

[2]) Рылеев, К. Ф. «Сочинения и переписка». Спб. 1872. То же, издание 2-е 1874—Л. Гроссман. «Библиотека Д-го», стр. 134.

[3]) См. С. Я. Штрайх, «Декабрист М. С. Лунин». П. 1923, стр. 120.

го отца, которые находил несправедливыми [1]).

в лес на волков, то с ружьем, то с одним кинжалом, и с утра до поздней ночи наслаждался ощущением опасности, заключающейся в недоброй встрече или с медведем или беглыми каторжниками.

Отец потребовал от него, чтобы он снова вступил на службу, но тут нашла коса на камень. Отцовская воля была непреклонна, а сынок, видно, в него родился. Последний решился ехать за границу и прожил несколько лет в Париже, добывая свой хлеб в поте лица, не обращаясь к отцу за пособием. [2])

Итак, мы видим у Достоевского приблизительно одни и те же факты, сходный порядок изложения и даже некоторые словесные совпадения с «Воспоминаниями» Свистунова. Мало того, вся совокупность эпизодов из жизни Лунина, приведенная в «Отповеди», ни по своему подбору, ни по своему изложению не находит себе соответствия во всех современных Достоевскому сообщениях об этом декабристе [3]).

Все это заставляет нас с полной несомненностью признать факт заимствования Достоевским своей характеристики Лунина из полемической заметки Свистунова. Отсутствие же в этом изображении Лунина всяких фактических изменений и дополнений, за исключением разве неточной передачи в двух-трех местах свистуновского текста, дает нам право отвергнуть наличие у писателя каких-либо других устных или письменных источников.

Точное установление единственного источника сведений Достоевского о Лунине значительно упрощает вопрос о влиянии личности этого декабриста на Ставрогина. Благодаря этому мы можем с полной уверенностью установить, что сходные с Луниным черты Ставрогина—безумная отвага и какая-то сверхчеловеческая сила характера—развивались совершенно независимо от живого образца неустрашимого и гордого декабриста. Эти черты имеют место уже в обоих прототипах Ставрогина—«великом грешнике» и «князе», а в окончатель-

---

[1]) «Бесы»—Д-ий. т. VII, стр. 198—9.

[2]) «Р. А.», 1871 г., тетрадь 2-ая, стр. 344—7.

[3]) Библиография современных Д-му сообщений о Лунине помещена в монографии Штрайха (стр. 116—121) и в статье Строева «Лунин», напечатанной в «Русском биогр. словаре». Особенный интерес представляет для нас отсутствие всяких совпадений между характеристикой Лунина в «Бесах» и посвященным ему отрывком Анненковой. Как известно, эти воспоминания были записаны со слов Прасковьи Егоровны ее дочерью О. И. Ивановой в 1861 году, но отпечатаны лишь в 1888 г. «Р. Ст.», 1888 г., т. XLVIII, апрель, стр. 30; май, 371, 377.

ном тексте романа они вполне определились в написанной значительно ранее появления заметки Свистунова II главе «Бесов» [1]).

Сравнение Достоевским бесстрашия Ставрогина и Лунина имеет лишь узкое значение подсобного технического приема. Цель его—путем сопоставления с живой личностью ярче выявить уже ранее данные черты героя.

В этом сопоставлении Достоевским был выпущен из заметки Свистунова один из самых ярких примеров бесстрашия Лунина—его знаменитая дуэль с Орловым. Ту же функцию конкретизации смелости героя имеет для Ставрогина поединок с Галановым. В развитии действия романа эпизод дуэли отделен от сравнения бесстрашия обоих героев странными происшествиями роковой ночи, но логически он, как и это сопоставление, непосредственно связан с пощечиной Шатова [2]).

Сравнение этого поединка с дуэлью Орлова обнаруживает также его генетическую общность со сведениями Достоевского о Лунине. Полное спокойствие, демонстративная стрельба в воздух, пробитая шляпа Лунина и Ставрогина, чрезмерная горячность и случайные промахи их противников, да и самый благополучный исход обоих поединков,—все это с полной несомненностью говорит о художественном оформлении писателем сырого материала заметки Свистунова [3])

Других моментов влияния декабристов на художественное творчество Достоевского мы не имеем, да и неудивительно. Основные принципы натуральной школы не позволяли Достоевскому искать прототипов для своих героев среди чуждого ему поколения революционеров 20-х годов.

Подведя итоги, мы можем сказать, что свидание Достоевского с женами декабристов и влияние, оказанное ими на развитие миросозерцания писателя, были одним из важнейших фактов его жизни. Однако, на-ряду с этим следует заметить, что сами декабристы и возглавляемое ими революционное движение нашли сравнительно слабое отображение в художественных и публицистических произведениях Достоевского.

---

[1]) План романа «Житие великого грешника», сб. «Творч. Д-го», Од. 1921, стр. 7; черновые наброски к «Бесам». Н. Л. Бродский. «Творч. история романа «Бесы»—«Свиток» № I, стр. 112—19; «Бесы»—Д-ий, т. VII, стр. 38—52. Первые две главы романа «Бесы», как известно, были написаны еще в Дрездене и отосланы в редакцию «Русского Вестника» 7 (19) октября 1870 г. Напечатаны они были в I-й книжке этого журнала за 1871 г.—Письма Д-го—Дрезден: в ред. «Русск. Вестника» от 7—19—X—70—«Былое» 1919 г.—т. XIV, стр. 47; Н. Н. Страхову от 9—21—X и 2—14—XII—70 г., стр. 296, 299: «Бесы» ч. I, гл. 1—2, «Р. В.» 1871 г., кн. I, стр. 1—77.

[2]) «Бесы» Д-ий, т. VII, стр. 197—200, 203—5, 217—18, 225—27, 272—4.

[3]) Д-ий, т. VII, стр. 272—4; «Р. Арх.» 1871 г. тетр. 2, стр. 346—7.

М. Цявловский.

Письма декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому.

В январе 1878 г. Толстой писал своей тетке гр. А. А. Толстой: «Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслаждение, которое я испытываю, воображая себе это время. Странно и приятно думать, что то время, которое я помню,—30-ые годы—уж история. Так и видишь, что колебание фигур на этой картине прекращается и все устанавливается в торжественном покое истины и красоты.—Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мяса, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизию, раскладывать—ужасно весело. («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой». Спб. 1911, стр. 290).

В качестве этого повара-артиста, закупающего провизию для обеда, и поехал Толстой 9 февраля 1878 г. из Ясной Поляны в Москву, откуда писал жене (10 февраля): «Вечер провел с... Истоминым, с которым говорил о деле, т.-е. о книгах. Он мне пропасть дал. Нынче был у двух декабристов, обедал в клубе, а вечер был у Бибикова, где Софья Никитична (рожденная Муравьева) мне пропасть рассказывала и показывала... Завтра поеду к Свистунову, декабристу».

3-го марта Толстой снова уезжает из Ясной Поляны—на этот раз в Петербург. В Москве, где он пробыл, вероятно, не более суток, Лев Николаевич снова виделся с декабристами. «Поехал к Свистунову, у которого умерла дочь,—пишет жене Толстой,—и просидел с ним 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева. Зашел к Беляеву...» Этими встречами в Москве не ограничилось общение Льва Николаевича с декабристами: между ними завязалась переписка. Письма Толстого к П. Н. Свистунову опубликованы Б. Е. Сыроечковским в «Красном Архиве» за 1924, том шестой, письма же Толстого к А. П. Беляеву остаются неизданными, и нам неизвестно, где они находятся. Что касается писем Свистунова и Беляева к Толстому, то они в настоящее время хранятся в архиве Толстого в Пу-

бличной Библиотеке имени Ленина в Москве. Всех писем девять: четыре—Свистунова и пять—Беляева.

Первый корреспондент Толстого Петр Николаевич Свистунов происходил из старинной дворянской фамилии и родился 27 июля 1803 г. По окончании Пажеского корпуса вышел он в кавалергарды. В качестве члена тайного Северного общества верховным уголовным судом был отнесен ко II разряду и за то, что «участвовал в умысле цареубийства и истребления императорской фамилии согласием, а в умысле бунта принятием в общество товарищей», был приговорен к бессрочным каторжным работам, а после смягчения приговора—к 20 годам каторжных работ и вечному поселению. Впоследствии срок каторги был сокращен до 10 лет, и в 1836 г. Свистунов вышел на поселение, прожил несколько месяцев в с. Идинском Иркутской губернии, откуда переехал в Курган, где женился на дочери местного окружного начальника Татьяне Александровне Дуроновой.

В 1841 г. Петр Николаевич был переведен в Тобольск. Здесь он поступил на государственную службу и несмотря на то, что занимал маленькие должности, благодаря своей высокой культурности, имел большое влияние на местную администрацию. Будучи человеком состоятельным, Свистунов выстроил себе большой дом, сделавшийся местом об'единения тобольских декабристов. Вместе с Свистуновыми жил в их доме и П. С. Бобрищев-Пушкин (скончался в Москве в 1865 г.), упоминаемый в печатаемых письмах.

26 августа 1856 г. Свистунов с семейством выехал из Тобольска в Россию. Получив от брата свою часть родового имения в Калужской губернии, Петр Николаевич поселился в Калуге, где в качестве члена калужского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян принимал деятельное участие в крестьянской реформе, состоя в числе членов либерального меньшинства—декабристов кн. Е. П. Оболенского, Г. С. Батенькова и петрашевца Н. С. Кашкина.

В 1863 г. Свистунов переехал в Москву, где и скончался 15 февраля 1889 г., пережив всех своих товарищей, кроме Д. И. Завалишина, которого Петр Николаевич не считал «своим», себя называя «последним декабристом».

1.

20 марта 1878.

Извините меня, граф Лев Николаевич, что замедлил ответом на Ваше письмо от 14 марта. Приложенную записочку передал тотчас А. П. Беляеву. Касательно же сочинения Бобрищева-Пушкина и возражения кн. Барятинского, ничего, к сожалению, сообщить Вам не могу и не знаю, сохранилось ли оно. Перебирая недавно бумаги свои, я отыскал некоторые стихотворения Одоевского и три басни Бобрищева-Пушкина, которые при свидании с Вами Вам сообщу. Кроме того хранится у меня ценный труд покойного Павла Сергеевича—перевод мыслей Паскаля, которым он очень дорожил, приложив к нему посильный труд и относясь всегда с любовью к гениальному Паскалю. Вы меня спрашиваете о коменданте Сукине. Мы

его редко видели и, кроме официальных сношений, никаких с ним столкновений не имели. Он слыл строгим исполнителем своих непривлекательных обязанностей тюремщика. О душевных же его качествах или недостатках ничего не могу сказать. У меня в памяти сохранилось одно лишь обстоятельство, переданное мне плац-ад'ютантом Трусовым. Не знаю, в каком сражении оторвана была у него нога, отчего он часто страдал особенно в дурную погоду. Раз Трусов зашел ко мне, отобедавши у коменданта, и с ужасом рассказал мне, что старик во время стола почувствовал внезапно такую боль, что, схватив тарелку, со всего маху швырнул ее в стену, после чего через несколько минут принялся опять есть. С нетерпением жду Вашего посещения, граф. Дорого ценю Вашу беседу и желал бы доставить Вам больше материалов для предпринятого Вами труда, на радость всей читающей публики, как и на пользу ей.

Глубоко и искренно Вас уважающий

П. Свистунов.

Ни письма Толстого к П. Н. Свистунову от 14 марта 1878 г., ни приложенной к письму записочки к А. П. Беляеву в печати не появлялось.

О каком «сочинении» Бобрищева-Пушкина и «возражении» кн. Барятинского, очевидно, декабриста кн. Александра Ивановича, идет речь, остается неизвестным.

Одоевский—декабрист кн. А. И. Одоевский, известный поэт.

Две басни декабриста П. С. Бобрищева-Пушкина напечатаны в кн. «Декабристы. Материалы для характеристики под ред. П. М. Головачева», изд. Зензинова. М. 1907.

Как видно из письма Толстого к Свистунову от 19 мая 1878 г. (напечатано Б. Е. Сыроечковским в «Красном Архиве» 1924, т. VI, стр. 239), Свистунов послал Толстому сделанный Бобрищевым-Пушкиным перевод «Мыслей» Паскаля.

Задумав изобразить декабристов в Петропавловской крепости, Толстой заинтересовался личностью их главного тюремщика, коменданта генерала Александра Яковлевича Сукина. «Реестр» записок Николая I о декабристах к Сукину напечатан П. Е. Щеголевым в «Былом» 1906, V; перепечатано в кн. Щеголева «Николай I и декабристы». Пгр. 1919.

2.

Москва. 10 мая 1878.

Получил Ваше последнее письмо, граф Лев Николаевич. Меня удивило сначала, что Вы успели так скоро прочесть тетрадь замечаний Фон Визиной, но потом порадовала меня приписка Ваша, по которой вижу, что Вы надлежащим образом оценили достоинство этого сочинения относительно духовной внутренней жизни. Вы можете их переписать, они могут принести пользу кому-либо из тех, кому дадите их прочесть. Когда же вздумаете возвратить их мне, то прошу вас, если отправите по почте, то потрудитесь написать с д о с т а в к о ю, иначе я лучше дождусь получить их от Вас лично. Вы не поверите, сколько хлопот из-за получения какой-либо посылки в почтамте. Надо свидетельство из квартала и поездка на другой край города, а поручить мне некому; тут немалая трата времени и несносная езда по костоломной нашей мостовой. Я до сих пор не решаюсь ехать в почтамт за получением Вашей последней посылки, в которой я нисколько не нуждаюсь и которая могла бы у Вас пролежать до будущего приезда Вашего в Москву. Если новое издание Louandre тоже снято с подлинника, как и издание Faugèr'a, то я очень бы желал его иметь, лишь

бы не ехать мне в почтамт за ним. Насчет и с п о в е д и я ничего не могу Вам сказать, потому что не понял, чего Вы желаете. Вы говорите, граф, что уезжаете на лето в Симбирскую губернию. Не имея Вашего адреса, адресую письмо в Тулу, не знаю, когда оно дойдет до Вас, да и дойдет ли. Ф. Ф. Рис был у меня и очень мне понравился, рад был встретить истого немца, они у нас выводятся, их заменили жиды, которые выдают себя за немцев. По милости Валуева наша Белокаменная превратилась в Еврейскую Столицу.

От всей души желаю Вам, многоуважаемый Лев Николаевич, всего лучшего.

С искренним уважением остаюсь Вам преданный П. Свистунов.

Это письмо—ответ на письмо Толстого без даты, относящееся ко второй половине апреля 1878 г. и напечатанное Б. Е. Сыроечковским (указ. жур., стр. 238).

О каких «замечаниях» Н. Д. Фон-Визиной, рожд. Апухтиной (1805—1869), жены декабриста М. А. Фон-Визина, идет речь—неизвестно. В приписке к письму, о которой упоминает Свистунов, Толстой такой дал отзыв об этих «замечаниях»: «Тетрадь замечаний Фон-Визиной я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я все понял, но, начав нынче опять читать ее, я был поражен высотою и глубиною этой души. Теперь она уже не интересует меня как только характеристика известной, очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу еще внимательнее и несколько раз прочитать ее. Пожалуйста, сообщите, как долго могу я продержать эту рукопись, или могу ли переписать ее?».

В недошедшем до нас письме Свистунова к Толстому (написанном между предыдущим от 20 марта и комментируемым от 10 мая) или при личном свидании Петр Николаевич просил Толстого прислать «Мысли» Паскаля в изд. Faugèr'a во второй половине апреля, на что Толстой отвечал: Pascal'я не посылаю, потому что у меня не Faugèr'a издание, а еще более новое Louandre, сделанное по Faugèr'у. Кроме того, я взялся сличать оба издания, и оно мне нужно.—Если вам угодно,—я пришлю».

Упоминаемая и с п о в е д ь—сочинение (в рукописи) Н. Д. Фон-Визиной. Об этом сочинении Толстой писал Свистунову: «Насчет исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу дать мне ее. Простите меня за самонадеянность, но я убежден, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть ее; в противном же случае, ее надо непременно сжечь».

Ф. Ф. Рис—владелец типографии в Москве. С ним был знаком Толстой, печатавший в типографии Риса отдельные издания «Война и Мир».

П. А. Валуев в 1861—1868 г.г. был министром внутренних дел, а в 1877—1881—председателем комитета министров. Отзыв Свистунова об евреях весьма показателен для националистических воззрений декабристов.

На это письмо Толстой отвечал 19 мая. Письмо его напечатано Б. Е. Сыроечковским (указ. жур., стр. 239).

3.

Москва. 30 декабря 1878.

Только что получил письмо Ваше, граф Лев Николаевич, спешу кратко на него ответить. Благодарю Вас за поздравление по случаю праздника и за лестное обо мне мнение, превосходящее то, которое я заслуживаю.

Уваров известен был вспыльчивостью своего характера, но не отличался умственными способностями, командовал эскадроном в кавалергард-

ском полку и счел за большое счастье, что пожалован был в камергеры. О существовании общества не ведал. Во время суда на циркулярный вопрос, сделанный всем подсудимым, Лунин заявил, что по духовному завещанию он передал свое имение двоюродному брату; Уваров, узнав о том, написал жалобное письмо государю, который велел ему сказать, чтоб он вперед не смел бы так писать ему. Уваров, которому прозвище было черной, как истый царедворец, пришел в отчаяние, вышел из дому и более не возвращался; слух пронесся, что он должно быть утопился. Екатерина Сергеевна пламенно любила брата; была восторженница и первоклассная музыкантша; у нее было два сына—старший, гусар, женат был на кн. Горчаковой, дочери Сибирского генерал-губернатора, и умер за границей помешанным, о другом сыне ничего верного не знаю.

На какой дуэли был ранен Михаил Сергеевич, не знаю. Из декабристов никто не бежал. О попытках, какие были, при свидании с Вами могу рассказать. По случаю наступления нового года желаю Вам от души всего лучшего. Об успехе же Вашем на литературном поприще нисколько не сомневаюсь.

Душевно Вам преданный П. Свистунов.

Это письмо—ответ на письмо Толстого от 25 декабря 1878 г., напечатанное Б. Е. Сыроечковским (указ. жур., стр. 239—240).

В ряду планов романа «Декабристы» был у Толстого и замысел ввести или бежавшего из места ссылки декабриста, или лицо, близко стоявшее к декабристам, в крестьянскую среду. Уход представителя привилегированного, культурного класса в народные низы, как вид наиболее решительного и последовательного «опрощения»,—тема, к которой Толстой неоднократно возвращался в своих произведениях, занимала его в период работ над «Декабристами». Отсюда интерес писателя к некоему Фед. Алдр. Уварову (1780—1827). Камергер, товарищ декабриста М. С. Лунина по Кавалегардскому полку, женатый на сестре его, Екатерине Сергеевне, участник Наполеоновских войн, отчаянный дуэлянт, строгий помещик—Уваров, выйдя 7 января 1827 г. из своего дома в Петербурге, исчез бесследно. Говорили, что он утопился в Неве, но были толки, что он скрылся в Сибирь, где и проживал под именем старца Даниила.

В указанном письме от 25 декабря Толстой писал Свистунову: «Работа моя томит и мучает меня, и радует, и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни больного, ни здорового мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать Вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь.

Что за человек был Федор Александрович Уваров, женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный в голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?

На какой дуэли—с кем и за что—Лунин Мих. Серг. был ранен в пах? Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?».

Ответом на эти вопросы и является письмо Свистунова. К. В. Кудряшов в книге «Александр I и тайна Федора Козьмича», Пет. 1923, выдвигает гипотезу, что Ф. А. Уваров, это—Федор Козьмич.

О тяжбе Уваровой из-за наследства лишенного прав М. С. Лунина с его двоюродным братом есть в книге С. Я. Штрайха «Декабрист М. С. Лунин». Пет. 1917.

4.

10 ноября 1881 г.

Крайне жалею, граф, что Вы меня не застали, я так ценю редкий случай побеседовать с Вами, что без комплимента скажу Вам—досадовал на себя, что выехал из дому в такую погоду. Матвей Иванович, узнав от меня, что Вы собираетесь его навестить, просил меня условиться с Вами, как бы нам в одно время быть у него, потому что он с трудом слышит и говорит. Будьте так добры, когда вздумаете к нему заехать, уведомьте меня о том заранее или запиской или по телеграфу, в какой день, в котором часу будете у него, по Вашему указанию и я явлюсь.

Примите уверение, Лев Николаевич, в глубоком к Вам уважении Вам душевно преданного П. Свистунова.

Матвей Иванович—декабрист М. И. Муравьев-Апостол, брат казненного Сергея Ивановича, с 1860 г. проживал в Москве. В 1878—1879 г.г. Толстой бывал у него и брал записки его товарищей, как свидетельствует об этом В. Е. Якушкин в своем некрологе М. И. Муравьева-Апостола. («Рус. Ст.» 1886, VIII, 157—8).

Настоящее письмо указывает на общение Толстого с декабристами и после того, как роман «Декабристы» был оставлен писателем.

Второй корреспондент Толстого, Александр Петрович Беляев, сын отставного офицера, служившего у гр. Разумовского управляющим имением, родился в 1803 г. По окончании морского кадетского корпуса, офицером фрегата «Проворный» Беляев побывал в портах Западной Европы и в Испании с восторгом поднимал бокал в память казненного борца за свободу Риэго.

Не принадлежа к членам тайного политического общества, Беляев, будучи, по его словам, «энтузиастом свободы», под влиянием товарищей принял участие в восстании 14 декабря, за что и был осужден по IV разряду к 12-летней каторге и поселению в Сибири. Пребывание в тюрьме вместе с образованнейшими людьми своего времени позволило Беляеву значительно пополнить свое образование. Выучившись здесь английскому языку, Александр Петрович с братом перевел знаменитую Гиббоновскую «Историю разложения и упадка Римской Империи».

В 1833—1840 г.г. Беляев жил на поселении в Минусинске, где с братом успешно занимался сельским хозяйством в крупных размерах. В 1840 г. их перевели рядовыми на Кавказ, а в 1845 г. уволили в отставку. Вернувшись в Россию, Беляев одно время управлял имениями Э. Д. Нарышкина. Скончался Александр Петрович в Москве в 1887 году.

Не принадлежа к крупным деятелям декабристского движения, А. П. Беляев никакой особенной известности, конечно, не приобрел бы, если бы не его обширные воспоминания, заключающие в себе немало интересных бытовых подробностей.

Печатая их в «Русской Старине», М. И. Семевский писал в «примечании от Редакции»: «Печатаемые ныне «Воспоминания» Але-

ксандра Петровича Беляева указаны нам знаменитым нашим писателем графом Львом Николаевичем Толстым. Он читал эти «Воспоминания» и, как свидетельствует их автор: «сделал на полях рукописи много отметок; согласно с указаниями гр. Л. Н. Толстого,—пишет г. Беляев,—я сделал необходимые прибавления того, что мною было упущено. Он же и поощрил меня к изданию этих воспоминаний, начатых много лет тому назад с единственной целью помянуть сердечным, благодарным словом всех тех, с которыми сводила судьба в различных обстоятельствах жизни и которых прекрасные, возвышенные чувства и добродетели восторгали меня и пленяли мое сердце» («Русская Старина» 1880, сентябрь, стр. 2—3).

Первая часть «Воспоминаний о пережитом и перечувствованном с 1803 года» А. П. Беляева была напечатана в «Русской Старине» за 1880 г., сентябрь и декабрь, за 1881 г., янв., март, апрель, июль, сент., окт. и дек. Вторая часть—в «Рус. Ст.» за 1884 г., апр. и май, за 1885 г., март и декабрь, за 1886 г., февраль ноябрь.

Первая часть была перепечатана отдельным изданием в 1882 г.

1.

Москва. 6 марта 78.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич, мне стало совестно, что я передал вам мои воспоминания, не пересмотрев их и не приказав переписать те места, где были поправки и помарки, что может вам доставить лишний труд в перелистовании их и в разборе. После вас вечером просматривал их продолжение с Минусинска, где мы прожили 7 лет, и увидел, что еще много надо исправить в некоторых местах, а, исправив, переписать, из чего заключил, что много подобного найдется и в тех, которые передал вам.

Я, впрочем, успокаиваю себя тем, что вы из них можете себе составить некоторое понятие об эпохе, которая вас теперь занимает, а когда вы скажете ваше мнение, то прежде, нежели издавать их (если это ваше мнение, откровенно сказанное, было бы благоприятно), можно будет пересмотреть их и перебелить некоторые места.

Очень бы желал и был бы счастлив, если-б мои правдивые сказания, хотя и не красно изложенные, хотя бы частицу вложили в тот склад, который вы, конечно, уже собрали об этом времени. Вся читающая, чувствующая и мыслящая Россия с нетерпением ждет вашего волшебного рассказа. Не примите это за лесть от человека, который лесть считает за грех и еще пошлость.

Глубоко уважающий вас и преданный вам слуга А. Беляев.

P. S. Прошу вас также, граф, если вы найдете в записках моих, что-нибудь излишнее, какое-нибудь увлечение фантазией, неинтересное для читателя, наметить это место к выпуску, как нашел Петр Иванович Бартенев. Я буду очень благодарен вам. Я никогда ничего не печатал, кроме маленькой статьи в «Православном Обозрении», и мог погрешить против литературного такта, а вы в этом авторитет и, если отнесетесь доброжелательно к моим воспоминаниям, то исполните мою просьбу. Все это я бы желал передать вам при свидании, но оно было так коротко, что упущения я решился передать вам письмом.

Из этого письма видно, что Толстой, узнавший о существовании воспоминаний Беляева, вероятно, еще в свою февральскую поездку в Москву, 5 марта, взял у Александра Петровича 1-ю часть воспоминаний, с которой и уехал в Петербург.

Петр Иванович Бартенев—известный редактор-издатель «Русского Архива».

2.

Москва. 10 апреля 78.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич!

Много виноват, что не написал вам своего адреса, почему и спешу исправить свою ошибку. Адрес мой: Смоленский бульвар, на углу Левшинского переулка, дом Тиветкова [?].

Не успел еще пересмотреть всех ваших заметок, но и по тем, которые прочитал, я увидел, что вы рецензент очень снисходительный, и как я вполне уверен, что вы в то же время и человек правдивый, то мне было приятно очень заключить, что мои чувства, убеждения, а также и рассказ не произвели на вас ощущения скуки.

Я постараюсь пополнить то, что вы наметили, прочитав внимательно еще раз записки; под вашим авторитетным руководством пополню и новые места отдам переписать.

На этой неделе я говею, а на святой перешлю к вам их продолжение, начиная с 7-летнего пребывания нашего в Минусинске на поселении и до Тифлиса и прочного окопа на Кубани. 2-я часть, которая еще не кончена, заключает наше пребывание на Кавказе и возвращение в отечество, где на мою долю выпало управление многими тысячами крепостных крестьян, которых свобода и благо были заветною мечтою сперва юности, а потом и всей жизни. Устройство их свободного состояния тоже было предоставлено мне.

Судя по тем заметкам вашим, граф, которые я успел пробежать, вас, кажется, не кольнули некоторые прогулки моей фантазии, иначе вы бы это высказали по вашему доброжелательству. Нельзя же человеку, жившему и живущему более внутреннею, нежели внешнею жизнью, чувствующему, мыслящему и любящему, держаться в пределах сухого архива.

Затем позвольте от сердца пожелать вам всех благ, как временных так и вечных, и, выразив вам как свое, так и общее всех желание скорее видеть вас, слышать, плакать или радоваться с вами в ваших художественных произведениях и пребыть много и глубоко уважающим вас и сердечно преданным вам

А. Беляевым.

P. S. Правда, что глубокие анализы человеческого сердца, какие поразительно встречаются у вас, и величайшим дарованиям даются не легко, так как требуют долгого размышления, наблюдения, углубления чувства и мало ли чего.

Относительно напечатания записок вполне полагаюсь на вас. Если вы найдете их стоящими, то этого для меня довольно, а за содействие ваше буду много и премного вам благодарен.

Описание жизни на Кавказе составило в печатном виде не 2-ую часть, а главы XVI—XXIII первой части. Вторая часть в печатном виде начинается со времени возвращения в Россию.

3.

Москва, 3 мая 78.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич! Я слышал, что вы располагали ехать на воды, и, полагая, что может быть уже и уехали, я не решился направить к вам следующую часть моих воспоминаний от Минусинска до Кавказа.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы по доброте вашей не отказали мне сказать ваше мнение и об этой части. Мнение такого авторитетного лица, как вы, граф, подает мне бодрость продолжить эти воспоминания описанием пребывания нашего на Кавказе, а затем и возвращения в Россию. Если ваше мнение будет благоприятно и для этой части, то, исправив и добавив то, что указывали ваши заметки, буду просить вашего обязательного содействия в напечатании этих моих воспоминаний о пережитом и перечувствованном в жизни, как вы сами предложили.

Ваша доброта и обязательность виною тому, что я обращаюсь к вам с такою, повидимому, бесцеремонностью. Обаяние, которое произвели на меня сочинения ваши с самого начала, познакомило меня с вами; затем личное знакомство, которым вы меня почтили, ваше снисходительное участие к моему труду, кроме симпатического чувства,—все это, вместе взятое, убедило меня, что я могу воспользоваться вашим обязательным содействием.

При сердечном желании для вас всего лучшего в мире и для нас, русских, скорейшего выхода тех строк ваших, которые так услаждают сердце и дают такую пищу размышлению—остаюсь душою преданный вам

А. Беляев.

4.

Москва, 21 января 79.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич!

Только что возвратился из Тамбовской губернии со свадьбы племянника, как увидел на столе любезное письмо ваше, на которое и спешу отвечать вам.

Во-первых, позвольте мне поздравить вас с прошедшими праздниками и с новым годом, при чем не могу не выразить вам как своего, так, без сомнения, и всего русского общества желания, чтобы в этом году вы подарили его каким-нибудь новым произведением вашего могучего пера. Во-вторых, позвольте снова благодарить вас за вашу заботливость о моих воспоминаниях. Как я и писал вам, повторяю и теперь, что не думал издавать их, пока не услышал вашего ободрительного голоса. Когда вы получите от Семевского его отзыв, тогда увидим, стоит ли издавать их теперь или погрузить их в архив. Во всяком случае вторую часть я много сокращу, оставив только наше ссыльное бытье и нашу деятельность в тех рамках, какие нам были отведены. Откину описание всех тех личностей, которые могли быть интересны для нас и ни для кого другого. Оставлю плавание по Волге и переезд на Кавказ, значительно сократив и упростив и эту часть записок. Я сам сознавал, что в этой части в Минусинске я увлекся и разболтался. Перечитывая, я сам не был доволен, но как обещал вам их выслать, то и не стал уже их переделывать в надежде, что вы по доброте вашей отметите то, что подлежит исключению и переработке, так как переделки взяли бы много времени.

Как мне жаль было, что вы не застали меня, и я лишился удовольствия видеть вас. Я бы сам был у вас, но, не зная, где вы останавливаетесь в Москве, не мог этого сделать.

Затем, пожелав вам душевного довольства—этого необходимого условия счастия, здоровья, полного успеха в начинаниях ваших как в настоящем, так и во все годы жизни вашей, а также плодотворной деятельности на том поприще, на котором вы дарованиями вашими поставлены провозвестниками добра и вечной истины,—пожелав вам всего этого и пожелав от всего сердца, остаюсь глубоко уважающий вас и сердечно преданный вам с самого первого свидания нашего

А. Беляев.

Семевский, Михаил Иванович, редактор-издатель журнала «Русская Старина». Л. Н. Толстой приезжал в Москву на несколько дней.

5.

Москва, 5 февраля 79.

Многоуважаемый граф Лев Николаевич!

От всего сердца благодарю вас за ваше непрестающее участие, за то беспокойство и хлопоты, которые вы по доброте вашей приняли на себя относительно моих записок.

По вашему указанию я напишу г. Семевскому, как только узнаю его имя, а между тем окончу переписку. Во 2-й части я многое выкинул, другое сократил и оставил только то, что может представлять какой-нибудь интерес, будучи мало знакомо читателям. Я теперь пишу, выбирая из писанных прежде, воспоминания о нашем пребывании на Кавказе и знакомстве со многими замечательными и впоследствии знаменитыми личностями. Когда кончу, то буду просить вас, граф, также пересмотреть их и сказать откровенно ваше мнение.

Сегодня в «Московских Ведомостях», в литературных заметках, прочел отзыв Н. П. о вышедшей 1-й части воспоминаний г-жи Пассек и, признаюсь, несколько струсил. Куда, подумал я, выступать мне с моими воспоминаниями почти одновременно с воспоминаниями г-жи Пассек, по отзыву превосходно написанными. Но потом подумал: ведь всякий человек живет своею жизнью, мыслит своим умом, чувствует своим сердцем, что ж, если ее записки будут и бесконечно выше моих, то все же это не мешает, чтобы и мои воспоминания о другой эпохе, других людях и событиях могли иметь свою долю интереса и принесли свою частицу пользы. Не всем великие дарования, другим посредственность, и при доброй цели и добрых стремлениях и она приемлется. Ободряемый же вашим участием, решился издать и свой ничтожный труд.

В заключение не говорю вам, граф, еще раз, а бесчисленное число раз благодарю вас за ваше доброе участие и за ваши добрые расположения ко мне, чему позвольте верить, и это, без сомнения, в ответ на те чувства сердечной приязни, какие питаю к вам, и глубокое уважение, с каковым и остаюсь душою преданный вам

А. Беляев.

Воспоминания Т. Пассек «Из дальних лет», первоначально печатавшиеся в «Русской Старине», в 1878—1889 г.г. вышли отдельным изданием в 3-х томах. В 1906 г. были переизданы. Живо написанные, воспоминания Пассек, как теперь доказано документально, полны вымыслов, прикрас и неточностей. В этом отношении воспоминания Беляева выгодно отличаются от стряпни Пассек.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А. М., 193.
Аблаженов, домовлад., 178.
Агабабова, помещица, 12.
Алединский, ген., 128.
Аксаков, С. Т., писат., 86.
Александр I, имп., 9, 14—16, 26, 28, 29, 36, 73, 74, 76, 80, 81, 83, 86, 87, 98, 110, 111, 113, 128, 11, 188, 189, 203.
Александр II, имп., 50, 187.
Александра Федоровна, имп., 188, 189.
Алексей, портной, 37.
Андреевич, Як. Макс., декабр., 115.
Аникин, подпор., 134.
Анна Иоанновна, имп., 38.
Анненков, Влад. Ив., сын декабр., 179, 184.
Анненков, Ив. Ал-рович, декабр., 107, 179—191, 193.
Анненков, Никол. Никол., 187.
Анненкова, Праск. Егор., жена декабр., 183—186, 192—194, 197.
Антонович, истор., 147.
Апухтины, 164.
Апушкин, Стеф. Стеф., докт., 178.
Аракчеев, гр. Алексей Андр., ген.-ад., 16, 76, 86, 134.
Арндт, Иоанн, 27.

Бальтенцаль, фон-,майор, 34.
Бакунин, Мих. Ал-рович, револ., 86.
Баранов, сенат., 71.
Барклай-де-Толли, главноком. зап. арм., 105.
Бартенев, Петр Ив., истор.,70,205,206.
Бартенев, Ю. П., 122.
Барятинский, кн. Ал-р Петр., декабр., 188, 189, 200, 201.
Басаргин, Никол. Вас., дек., 10, 30, 32, 33, 42, 77, 78, 86, 119, 120.
Батеньков, Гавр. Степ., декабр., 77—79, 84, 86, 200.
Безобразов, тайн. сов., 131.
Беккер, полк., 19, 21, 38.
Белинский, Висс. Гр., писат., 194.
Беляев, Ал-р Петр., декабр., 73, 109, 119, 128, 199—201, 204—208.
Беляевы, бр. Ал-р и Петр Петр. декабр., 47, 58, 63, 74.
Бельский, обер-аудит., 18.
Бем, Иаков, 27.
Бенкендорф, Ал-р Христ., ген.-л., шеф жанд., 9, 14, 41, 70, 121, 130.
Берсенев, истор., 87, 128.
Бестужев, Ал-р Ал-рович (Марлинский), декабр., 75, 177, 178,
Бестужев, Ал-р Мих., сын декабр., 176.
Бестужев, Мих. Ал-рович, декабр., 176—178.
Бестужев, Никол. Ал-рович, декабр. 33, 43, 77, 78, 121, 17 , 178.
Бестужев, Никол. Мих., сын декабр. 177.
Бестужев, Петр Ал-рович, декабр 178.
Бестужева, Елена Ал-ровна, сестра декабр., 176, 177.
Бестужева, Елена Мих., дочь декабр., 177.
Бестужева, Мария Ал-ровна, сестра декабр., 176, 177.
Бестужева, Мария Мих., дочь декабр., 176.
Бестужева, Ольга Ал-ровна, сестра декабр., 176—177.
Бестужевы, бр., декабристы, 122, 172—175.
Бестужев-Рюмин, Мих. Павл., декабр., 68, 69, 107, 108, 112—115, 124.
Бибиков, флиг.-ад., 82.
Бибиков, 199.
Бильбасов, В. А., истор., 76, 80, 86.
Бобрищев-Пушкин, Никол. Серг., декабр., 62, 72, 193.
Бобрищев-Пушкин, Пав. Серг., декабр., 44, 49, 58, 63, 65, 193, 200, 201.
Бонапарте, 68.

Бондаревский, прапорщ., 135.
Борисовы, бр. Анд. и Петр Ив., декаб-ты, 115—117, 120, 121.
Боровков, А. Д., правитель дел след. комисс., 71, 72.
Бородаевские, 177.
Бороздин, А. К., истор., 72, 85, 87, 113, 128.
Борто, упр. им. 137.
Бочкарев, сотн., 21, 24, 38.
Бриммер 1-й, ком-р Днепр. полка, 140.
Бринкевич, Мих., 27.
Бродский, Н. Л., истор., 198.
Брофэм, 97.
Булатов, 26.
Бурнашов, нач. Благод. рудн., 117, 118, 151, 153, 155, 157—160, 163, 166—168, 184.
Бурцев, Ив. Григ., декабр., 104.
Быстрицкий, Анд. Анд., декабр., 128.
Бычков, А. Ф., истор., 86.

Вадковский, Фед. Фед., декабр., 31, 32, 45, 62.
Валуев, П. А., мин. вн. д., 202.
Ванжерер, ссыл., 30.
Васильчиков, Никол. Ал-рович, корн., 107.
Васютин, солд., 144.
Вашингтон, 18.
Величко, директ. Оренб. таможн., 28.
Веллингтон, герц., англ. посол, 94—96, 101.
Вельяминов 1-й, ген.-лейт., 16.
Венгеров, С. А., истор., 34.
Венцель, 50.
Веселицкий, ген., 20.
Вигель, Фил. Фил., писат., 15.
Витгенштейн, главнок. 2-й арм., 140, 142, 145.
Владимирова-Потоцкая, граф., 138.
Воейков, майор, 20.
Воинов, ген., 22—24, 27.
Волконская, кн. Зин. Ал-ровна, 186.
Волконская, кн. Мар. Никол., 61, 121, 128, 151—171.
Волконский, кн. Петр Мих., нач. гл. штаба, 35.
Волконский, кн. Серг. Гр., декабр., 16, 61, 77, 83, 85, 87, 116, 151, 155, 158, 170, 171.
Волоцкая, М. В., 122.
Вольский, фон-, Фед. Вас., декабр., 115.
Вольф, Ферд. Богд., декабр., 56, 119, 120, 193.
Воронова, Евд., мещ., 22.
Воронцов, гр. Мих. Сем., новоросс. ген.-губ., 106.
Воронцов, гр. Сем. Роман., 81.
Врангель, бар. А. Е., 192, 194.
Враницкий, Вас. Ив., декабр., 103.
Вяземский 2-й, кн. Ал-р Никол., корн., 107.
Вьельгорская, граф., 122.

Гагарина, кн., 184.
Гебель, Густ. Ив., ком. Черниг. полка, 112, 114, 115.
Гедельштром, Матв. Матв., 79, 86.
Гейкин, 87.
Гейсмар, ген.-м., 142.
Генлей, поссесор, 141, 143.
Георг III, анг. король, 81.
Герман, 84.
Гиббон, истор., 204.
Гнилокожа, атам., 143.
Гобгауз, Г. Г., 93, 99.
Годфруа, фельд'егерь, 110, 111.
Голицын, кн. Ал-р Никол., чл. след. комисс., 83, 122.
Голицын, кн., моск. ген.-губ., 132.
Голланд, лорд, 97, 98.
Гонта, 138, 146—148, 150.
Горбачевский, Ив. Ив., декабр., 109, 113, 115, 128.
Горожанский, Ал-р Сем., декабр., 107.
Горчаков, Лев, крест., 16, 38.
Горчакова, кн., 203.
Граббе 2-й, полк., 131.
Гранвиль, лорд, 90, 91.
Грей, лорд, 91, 101.
Грибоедов, чиновник, 137.
Грибоедов, А. С., писат., 83, 107.
Гроссман, Л. П., истор., 194, 196.
Гудима, Ив. Павл., 74, 75.
Гусев, воен. писарь, 11.

Давыдов, Вас. Львов., декабр., 84, 116, 117, 151, 157, 160, 186.
Даниил, старец, 203.
Данилов, ун.-оф., 137.
Депрерадович, Никол. Никол., корн., 107.
Державин, Г. Р., писат., 81, 87.
Джоржиев, Саран, бурят, 172.
Дибич, бар. Ив. Ив., нач. глав. шт., 15, 78, 84, 110, 111, 121, 130, 132, 134, 139, 145.
Дивов, сенат., 129.
Дивов, Вас. Абрам., декабр., 74, 129.
Димитриев-Мамонов, А. И., истор., 193.
Дмитриев, Ив. Ив., писат., 80, 86.

Довнар-Запольский, М. В., истор., 16, 26, 85—87, 128.
Докудовский, кап., 134, 135.
Долгоруков, кн. Вас. Андр., шеф жанд., 51.
Долгоруков, кн. Илья Анд., полк., 84.
Долинин, Арк. Сем., истор., 195.
Достоевский, Мих. Мих., 194.
Достоевский, Фед. Мих., 192—198.
Достоевский, Фед. Фед., 194.
Драчев, однодвор., 18, 38.
Дружинин, Хрисанф. Мих., 40—42.
Дубровин, А. И., полит. ссыл., 173.
Дуров, Серг. Фед., петраш., 192, 193.

Евстегиеев, Осип (он же Пружковский), воен. писарь, 10—14, 19—25, 27, 29, 36, 38.
Егор, рядов., 52.
Елизавета Алексеевна, имп., 73.
Ентальцева, Ал-ра Вас., жена декабр., 121.
Ерахтин, Вас., крест., 12, 20.
Ермолов, Алексей Петр., ком. кавк. арм., 10, 16, 24, 74, 82—84.
Ермолов, М. А., офиц., 105.
Ершов, писат., 186.
Ефимов, 128.

Железняк, 138, 146, 150.
Жерар, 127.
Жеребцов, 87.
Жуковский, полк., 38.

Завалишин, Дм. Ирин., декабр., 10, 16, 24, 25, 28, 30, 31, 33, 42—44, 119, 179, 181, 182, 200.
Завалишин, Иппол. Ирин., 24, 28, 30.
Завадовский, гр., 136.
Задонский, полк., 131.
Закревский, Арс. Анд., деж. ген. гл. шт., 10, 24.
Зворыкин, ген.-м., 10, 17, 23.

Иван, свящ., 67.
Иванов, жанд. ген., 192.
Иванов, сотн., 13, 21, 24, 36, 38, 39.
Иванова, Ол. Ал-ровна, 193, 194, 197.
Ивашев, Вас. Петр., декабр., 107, 118, 120, 190.
Игнатович, И. И., истор., 129.
Иконников, В. С., истор., 134, 140, 142, 144.
Ильенко, кол. сов., 134, 135.
Исленьев, Ник. Ал-рович, ген.-м., 17, 38.
Истомин, 199.

К—к, К., 140.
Кандыба, ген.-м., 134.
Канкрин, Егор Франц., ген., 115, 123.
Канкрина, Екат. Зах. (рожд. Муравьева), 128.
Каннинг, анг. мин. ин. дел, 89—92, 94, 95, 99—101.
Карамзин, Ник. Мих., писат., 27.
Карнович, Люб. Ал-ровна, 115.
Каховский, Петр Григ., декабр., 73, 109.
Кашкин, Никол. Серг., петраш., 200.
Квицинский, 141, 143.
Кипренский, худож., 188.
Киреев, Ив. Вас., декабр., 44, 49, 58, 63.
Кириченко, Вас., сотн., 143.
Киселев, Пав. Дм., ген.-ад., 71.
Клементий, денщ., 37.
Ключевский, Вас. Ос., ист., 86, 128.
Князевич, польск. генер., 102.
Ковалев, Ив. Гавр., киев. губ., 138, 139, 146.
Кожухов, курск. губ., 18, 137.
Колесников, Вас. Павл., 10, 24, 28, 33, 43.
Кологривова, 122.
Колычев, офиц., 105.
Комаровский, гр., ген.-ад., 10, 85.
Константин Павлович, в. кн., 73—75, 80, 90, 95, 101, 112, 130, 143, 144.
Коншин, 30.
Корнатовский, 177.
Корф, гр. Модест Анд., 70.
Котернога, казак, 143.
Кравченко, Ф. И., полит. ссыл., 173.
Крашенинников, 52.
Кржановский, поруч., 141.
Кропотов, Д. А., 196.
Крюков, Никол. Ал-рович., декабр., 47, 63.
Кубалов, Б. Г., истор., 152, 171.
Кубасов, И. А., истор., 86, 128.
Кудряшев, аудит., 28.
Кудряшев, К. В., истор., 203.
Кузнецов, Алексей Кирил., нечаевец; 183.
Кузьмин, Н. Н., 192.
Кульман, капит., 133, 134.
Кульман 2-й, подполк., 17.
Кусовников, помещ., 133.
Кучевская, Ксения, 46, 60, 65.
Кучевский, Ал-р Лукич, 9—31, 32—67.
Кучевский, Вас. Ал-рович, 45, 52.
Кучевский, Лука, отст. поруч., 26.
Кучевский, Фед. Ал-рович, 49, 51.

Кушелев, Е. А., сенат., 9.
Кушелева, 187.
Кюхельбекер, Вильг. Карл., декабр., 87, 186.

Лавинский, Ал-р Степ., ген.-губ. Вост. Сибири, 160, 165.
Лайэлль, анг. журн., 95, 102.
Ламберт, де-,граф,' ген.-ад., 106.
Ланской, Вас. Серг., упр. мин. вн. дел., 130.
Ланской, Серг. Степ., мин. вн. дел, 50.
Лебедев, куп., 14.
Левашов, Вас. Вас., ген.-ад., 18, 115.
Лепарский, Стан. Ром., ком. Нерч. рудн., 40, 43, 118, 119, 158—160, 166, 169, 171.
Ливен, гр., посол в Англии, 90—94, 97, 98.
Ливен, графиня, 101, 102.
Линниченко, И. А., истор., 193.
Лопухин, кн. Петр. Вас., 78.
Louandre, 201, 202.
Лунин, Мих. Серг., декабр., 82, 85, 106, 107, 190, 196—198, 202, 203.
Луцкий, Ал-р Никол., декабр., 50.
Лушников, купец, 172.
Лясовский, курск. губ., 137.
Лысенко, майор, 141.
Львов, см. Рыков.
Львов, В. Ф., 121, 128.
Львовы, Вас. и Илья Федор., 74, 75.

Мавродий, шт.-кап., 42.
Макинтош, Джон, 97, 98.
Максимов, 128.
Максимович, полк., 10, 17, 22.
Малышев, Григ., помещ., 136.
Малявин, ротм., 115.
Мария Федоровна, импер., 87.
Марковский, 146, 150.
Маркс, А. Ф., издат., 192.
Мейер, 141.
Мейер, Г. М., докт., 192, 193.
Меньшиков, кн., 132.
Месников, аудит., 11, 12, 37.
Меттерних, кн., австр. канцл., 90.
Мещерская, княжна, 179.
Миллер, О. Ф., 192, 194.
Милорадович, гр. Мих. Андр., петерб. ген.-губ., 15.
Миллот, аббат, 14, 27.
Минервина, 176.
Михаил Павлович, в. кн., 84, 123, 128.
Михайлов, Алексей, крест., 132.
Михайловский-Данилевский, А. И., истор., 73, 85.
Михеев, мещан., 11, 36, 37.
Модзалевский, Б. Л., истор., 30, 85.
Мозалевский, Ал-р Евтих., декабр., 40, 41, 128.
Мозгалевский, Никол. Осип., декабр., 49.
Мордвинов, Ал-р, 104.
Мордвинов, Никол. Сем., адм., 71—76, 80, 83, 84, 86.
Мордвинов, Сем. Ив., адм., 86.
Мордвинова, Федосья Савишна (рожд. Муравьева), 86.
Муравьев, Ал-р Артам., 122, 125—127.
Муравьев, Ал-р Зах., 104.
Муравьев, Ал-р Никол., декабр. 86, 107.
Муравьев, Ал-р Федор., 86.
Муравьев, Артам. Зах., декабр., 44, 45, 47, 55, 57, 103—128, 151.
Муравьев, Зах. Матв., 103, 104.
Муравьев, Лев Артам., 122.
Муравьев, Мих. Никит., 103, 120.
Муравьев, Мих. Никол., 86, 104, 196.
Муравьев, Никита Артам., 122.
Муравьев, Никита Мих., декабр., 68, 69, 73, 77, 80, 85, 104, 186, 193.
Муравьев, Никол. Назар., 82, 86.
Муравьев, Никол. Никол., 86, 104.
Муравьев, Никол. Никол. (Карский), 84, 87, 104, 105, 128.
Муравьева, Ал-ра Мих. (рожд. Мордвинова), 86.
Муравьева, Варв. Мих. (рожд. Мордвинова), 86.
Муравьева, Вера Ал-ровна (рожд. Горяинова), 107, 112, 114, 115, 121—128.
Муравьева, Екат. Никол. (рожд. Мордвинова), 86.
Муравьева, Елиз. Карл. (рожд. Поссе), 103.
Муравьева, Жозеф. Адам. (рожд. Бракман), 192.
Муравьева, Соф. Никит., 199.
Муравьев-Апостол, Ив. Матв., сенат., 71, 72, 74, 80—82, 84, 86, 87.
Муравьев-Апостол, Иппол. Ив., декабр., 82, 85.
Муравьев-Апостол, Матв.Ив., декабр., 68, 81, 82, 86, 105, 112, 177, 179—181, 204.
Муравьев-Апостол, Серг. Ив.,декабр., 68, 69, 82, 87, 107—109, 112—114, 128, 181, 189, 204.
Муравьевы-Апостолы, бр., декабр., 123, 124.
Муратов, шт.-кап., 34.

Нарышкин, Эмм. Дм., 204.
Нессельроде, гр. Карл. Вас., ст.-секр., 89—91, 99, 101, 129.
Нечаев, В. И., 10.
Никитенков 1-й, прап., 135, 136.
Никифоровы, бр., 115.
Николаевский, Б. И., истор., 10, 24, 30—32.
Николай I, имп. 16, 30, 38—42, 74, 75, 77, 78, 83—87, 90, 94—99, 101, 109, 113, 115, 116, 121, 122, 124, 128—130, 144, 173, 177, 185, 186, 189, 190, 201.
Ностиц, гр., ген.-м., 145—150.

Оболенская, кн. Нат. Петр., 57.
Оболенский, помещ., 134, 136.
Оболенский, кн. Евг. Петр., декабр., 30, 31, 33, 44, 45, 47, 48, 53—56, 58—60, 63, 65, 74, 116, 117, 128, 151—157, 159, 162, 169, 200.
Оболенский, кн. Конст. Петр., 52.
Обручев, ген., 130.
Обручев, поруч., 130.
Овчинников, М. П., 32.
Одоевский, кн. Ал-р Ив., декабр., 87, 120, 128, 195, 200, 201.
Одуевцев, рядов., 11, 16, 22, 29, 36—38.
Оксман, Ю. Г., истор., 16, 196.
Окула, 141.
Орлов, разбойник, 162, 163, 168.
Орлов, гр. Вл. Гр., 87.
Орлов, Мих. Фед., декабр., 72, 74, 83, 85, 190.
Осипов, волост. голова, 55, 63.

Павел I, имп., 29, 81, 82, 87.
Павлов, Пав., 196.
Пален, гр., 80, 81, 86, 87.
Панин, гр. Н. П., 81, 86, 87.
Паскаль, 200, 201.
Пассек, Т., 208.
Патарман, Ф. А., 52.
Переселенков, С. А., 195.
Перовский, гр. Вас. Алексеевич, 105, 107.
Перовский, гр. Лев Алексеевич, 105, 107.
Пестель, Пав. Ив., декабр., 68—70, 72, 73, 80, 83, 84, 108, 113, 177, 189.
Пиль, англ. мин., 99.
Планта, Джозеф, тов. англ. мин. ин. дел, 91—94, 99.
Платонов, С. Ф., истор., 86.
Плещеева, 122.
Плотников, прап., 22.
Повало-Швейковский, Ив. Сем., декабр., 108, 115.
Поветкин, Никол., солд., декабр., 50.
Поджио, Ал-р Викт., декабр., 67.
Поджио, Иос. Викт., декабр., 67.
Подолинский, сов. губ. прав., 139.
Покровский, М. Н., истор., 86.
Пономарева, 131.
Попов, кап., 132.
Попов, ген.-м., 14.
Попов, М. М., 10, 70.
Потемкин, повер. в делах в Англии, 89, 99, 100.
Потоцкий, гр., 138.
Прохоров, Ив., чиновн., 16, 23, 24, 35.
Пружковский, см. Евстегнеев.
Пугачев, Ем., 28, 33.
Пушкин, А. С., поэт, 34, 80, 86, 101, 186.
Пущин, Ив. Ив., декабр., 44, 54, 56, 58, 72, 85, 186.
Пыпин, А. Н., истор., 128.

Раевские, 170.
Раевский, Влад. Федос., 50.
Разин, Степан, 33.
Разумовский, гр., 204.
Ревякин, Езекиль, крест., 32, 46, 47.
Резанов, шихтмейстер, 118, 158.
Рейнгарт, 104.
Репнин, кн., Никол. Гр., ген.-л., 134.
Рибас, де-, адм., 81.
Ридигер, ген.-л., 115.
Рик, шихтмейстер, 117, 118.
Рис, Ф. Ф., типограф, 202.
Риэго, 204.
Роговский, ген.-м., 145.
Розен, бар. Андр. Евг., декабр., 120, 177.
Романов, Н. С., 33, 52.
Рот, Логгин Осип., г.-л., 136.
Ротмистр, майор, 139, 140.
Руссо, Ж.-Ж., 105.
Рыков, Андр. (он же Львов), рядов., 10—12, 14, 15, 17, 18, 20, 22, 29, 36, 37.
Рылеев, Кондр. Фед., декабр., 26, 68, 69, 72—77, 82, 83, 86, 111, 177, 196.

Савицкий, Людв., 46.
Сакен, гр., команд. I-й арм., 131, 134, 136, 146.
Салтыкова, граф., 122.
Самарин, полк., 19, 21, 38.
Свиньин, 107.
Свистунов, Петр Никол., декабр., 63, 85, 107, 177, 179, 180, 193, 196—204.

Свистунова, Мария Петр., 180.
Свистунова, Тат. Ал-ровна, 200.
Селиванов, В. В., 55.
Семевский, В. И., истор., 85, 129, 140.
Семевский, М. И., истор., 204, 207, 208.
Семенов, Алексей, рядов., 130, 137, 140—148, 150.
Семенов, Степ. Мих., декабр., 85, 193.
Семичев, Никол. Никол., декабр., 113—115.
Сен-При, виконт, фран. посол., 74.
Сенявин, юнкер, 105.
Сенявин, Дм. Никол., адм., 72.
Серебренников, Н., 32.
Серебряков, солд., 35.
Серра-Кабриола, де-, дюшесса, 131.
Сиверс, А. А., истор., 30, 85.
Сидоров, крест., 137.
Скинтеев, зас. зем. суда, 141, 144, 147.
Смирдин, А., издат., 27.
Смольянинов, прист., 160.
Смольянинова, 183.
Соловьев, бар. Вен. Никол., декабр., 40, 42, 128.
Соломка, вагенмейстер, 110, 111.
Сорочинская, 132.
Сосинович, Иос., кол. сов., 41, 42.
Сперанский, Мих. Мих., 71—74, 76—80, 83, 84, 86.
Спиридов, Мих. Матв., декабр., 113.
Степаненко, солд., 144.
Стогов, Э., 79.
Столыпин, 71.
Странгфорд, лорд, англ. посол, 96—99.
Страхов, Н. Н., 198.
Строев, 197.
Суворин, А. С., издат., 86.
Сукин, Ал-р Яков., ком. Петр. креп., 200, 201.
Сулима, ген.-губ., 41.
Суханов, майор, 22, 24, 35.
Сухачев, Вас. Иван., 16.
Сухинов, Ив. Ив., декабр., 30, 40, 41.
Сыроечковский, Б. Е., историк, 199, 201—203.

Талызин, ком. Преобр. полка, 86.
Тарасенко, Алексей, рядов., 140.
Тарбеев, крест., 45.
Татищев, С. С., истор., 85.
Терентьев, об.-аудит., 15.
Терлецкий, об.-аудит., 17.
Тизенгаузен, бар. Вас. Карл., декабр., 108.
Тимашев, ротм., 34.
Тимрот, офиц., 139, 141, 142, 147.
Товбич, 135.
Толстая, гр. Ал-ра Анд., 199.
Толстой, гр., офиц., 34.
Толстой, гр., сенат., 49.
Толстой, гр. Лев Никол., писат., 195, 199—208.
Толстой, гр. Петр. Андр., 86.
Толь, бар. Карл Фед., ген.-ад., 142.
Тормасов, ген., 105.
Торнау, фон-,баронесса, 111.
Торсон, Конст. Петр., декабр., 172.
Трофимов, аудит., 12.
Трубецкая, кн. Екат. Ив., 47, 151—153, 155—157, 159, 160, 161, 163, 166—168, 184.
Трубецкие, кн., 31, 51.
Трубецкой, кн., 136, 137.
Трубецкой, кн. Серг. Петр., декабр., 46—49, 55, 60—64, 66—69, 71, 74, 82, 83, 85, 107, 116, 151, 155, 156, 158, 160.
Трусов, офиц., 201.
Тургенев, Ник. Ив., декабр., 76, 79, 80, 85, 86, 88—101, 128.
Турчанинова, 122.
Тютчев, Алексей Ив., декабр., 113.
Тьер, 87.

Уваров, Фед. Ал-рович, 202, 203.
Уварова, Екат. Серг. (рожд. Лунина), 203.
Устюгов, крест., 60.
Ушаков 1-й, ген.-м., 134, 136.

Ф. Ф., 147.
Фаленберг, Петр Ив., декабр., 49.
Федор Козьмич, стран., 203.
Федоров, поруч., 133.
Федоров, Фед., крест., 111.
Ферронэ, гр., франц. посол, 74, 97.
Филарет, архиеп., 71.
Филиппович, Никол. Ив., 104.
Фирсов, Н. Н., истор., 33.
Faugèr, 201, 202.
Фонвизин, Мих. Ал-рович, декабр., 72, 74, 83, 85—87, 193, 202.
Фонвизина, Нат. Дм., 164, 165, 192—194, 201, 202.
Франк, бар. Ег. Ермол., декабр., 112.
Францева, М. Д., 192, 193.
Фриш, фон-, нач. Нерчин. зав., 41.

Хвостов, гр., 75.
Хилков, ген.-м., 131.
Храмцов, А. М., 52.

Цаган, лама, 173.
Цейдлер, иркут. губ., 116, 153, 160—161, 164—166.

Чарторыжский, кн., Ад., 87.
Чернышев, Ал-р Ив., воен. мин., 41, 42.
Чернышев, гр. Зах. Григ., декабр., 77, 85.
Чернышевы, 77.
Чешихин-Ветринский, В. Е., истор., 193.
Чичагов, адм., 105.

Шаховской, кн. Фед. Петр., декабр., 107.
Шебунин, А. Н., истор., 88, 101.
Шенинг, Н. И., 110, 111.
Шервуд, Ив. Вас., 111, 189.
Шильдер, Н. К., истор., 16, 29, 30, 128, 130.
Шиман, истор., 85, 87.
Шипов, Серг. Павл., ген., 83.
Шишков, А. С., 76, 88.
Штейн, фон-, 85, 87.
Штейнгель, бар. Вл. Ив., декабр., 28.
Штрайх, С. Я., истор., 86, 196, 197, 203.

Щеголев, П. Е., истор., 16, 24, 71, 77, 85, 86, 128, 164, 201.
Щепин-Ростовский, кн. Дмитр. Ал-рович, декабр., 49, 111.
Щетинин, 67.

Эккартсгаузен, 27.
Эссен, П. К., ген., 15, 21, 23.

Юшневская, Мария Казим., 120, 121, 123, 125—127.
Юшневский, Алексей Петр., декабр., 67, 120, 121.

Яворский, поссесор, 141, 143, 144.
Якубович, Ал-р Ив., декабр., 16, 83, 108, 116, 117, 151.
Якушкин, В. Е., 204.
Якушкин, Ив. Дмитр., декабр., 9, 15, 33, 42, 83, 85, 107, 116, 119, 195.
Якушкина, Анаст. Васил., 121, 152.
Янов, подпор., 137.
Ястржембский, Ив. Льв., петраш., 192.
Яцимирский, 34.

2-й год издания. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 год** 2-й год издания.

НА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ

12 книг в год **БИБЛИОТЕКУ** 12 книг в год

журнала «КАТОРГА и ССЫЛКА».

Предполагаемое содержание:

1. **Тайные общества в России в начале XIX ст.** К столетию восстания декабристов. Новые материалы, статьи и воспоминания. Стр. 215. **1 р. 80 к.**

2. **Краухов. Красный лейтенант.** Воспоминания о Севастопольском восстании 1905 г. Печатается.

3. **А. П. Корба.** Из эпохи «Народной Воли». Воспоминания.

4—5. **М. Ф. Фроленко. Воспоминания.** В 2-х томах. С предисловием В. Н. Фигнер.

6. **В. Деготь.** Записки большевика-подпольщика.

7—8. **Л. П. Меньщиков. Охрана и Революция.** К истории тайных политических организаций в России. По материалам департамента полиции и Московского охранного отделения. Часть II. 1898—1905 г. г.

9. **Кара и Нерчинская каторга.** Сборник воспоминаний и статей. Составлен Нерчинским землячеством о-ва политкаторжан.

10. **В годы первой революции.** Сборник статей и воспоминаний. Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова.

11. **Ссылка в эпоху первой революции.** Сборник статей и воспоминаний. Под ред. Н. Чужака-Насимовича.

12. **Орловский централ.** Сборник статей и воспоминаний Составлен Орловским землячеством о-ва политкаторжан.

Каждая книга размером **12—15** листов со многими иллюстрациями, что составит в год приблизительно **160** листов.

Подписная плата:

на год (12 книг) — **15** руб.; на $^1/_2$ года (6 книг) — **8** руб.; на 3 месяца (3 книги)—**4** руб. **50** коп.

В отдельной продаже цена книги **1** руб. **50** коп.—**2** руб. **50** коп., а всей библиотеки свыше **20** рублей.

При одновременной подписке на журнал «КАТОРГА и ССЫЛКА» и ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ БИБЛИОТЕКУ

подписная цена:

на год (20 книг)—**25** руб.; на $^1/_2$ года (10 книг)—**13** руб. **50** коп.; на 3 мес. (5 книг)—**7** руб. **50** коп.

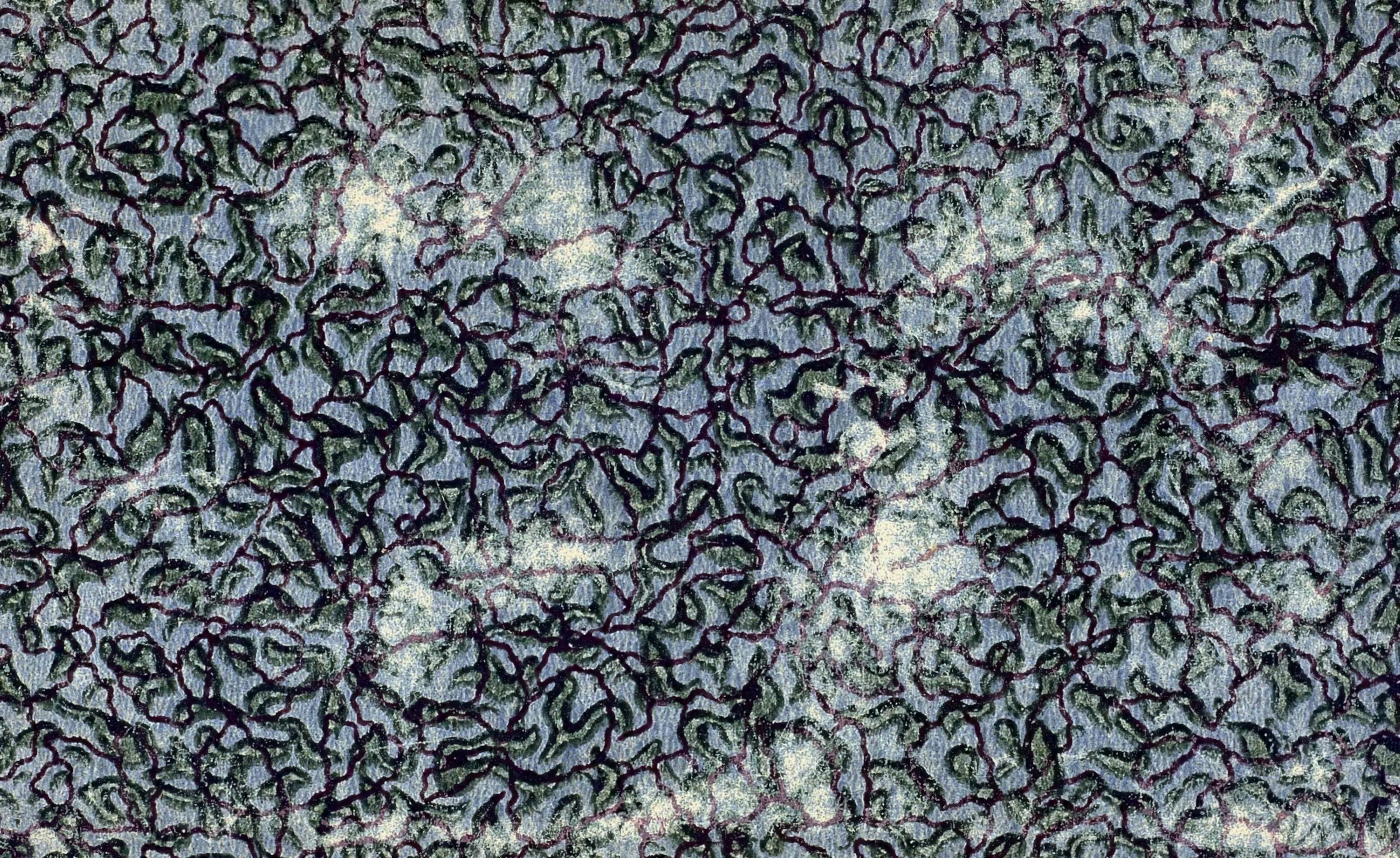
Подписку направлять в Контору Издательства Всесоюзного Общества Политич. Каторжан: г. Москва, Лубянский пассаж, 32. **Тел. 3-64-73.**

Цена 1 р. 80 к.

КОНТОРА:

МОСКВА, Лубянский пассаж, пом. 32. Тел. 3-64-73.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

МОСКВА, Книжный склад «Маяк» Общества Политических Каторжан, Петровка, 7. Тел. 3-63-20.

ЛЕНИНГРАД, Книжный магазин «Маяк», Просп. Володарского, 8.